

НАШИ ПРЕЗЕНТАЦИИ

К юбилею В.С. Мухиной: Новый взгляд на концепцию возрастной психологии и феноменологии развития личности

Валерия Мухина

ЮНОСТЬ* (окончание. Начало см. в №4'2020)

Аннотация. Юношеский возраст – период жизни человека между отрочеством и взрослостью. В разных периодизациях возрастные границы юности значительно расходятся. Это и понятно: возраст – объективная на конкретно-исторический момент, хронологически и символически фиксированная характеристика и стадия развития поколения в онтогенезе.

Условная граница юношеского возраста, на который мы будем ориентироваться: от 17-18 до 20-21 г. Нижняя граница является более распространенной, верхняя также приводится в ряде источников. Условность возраста обусловлена

* Раздел IV. Юность. Раздел I не воспроизводился: его концепция была выстроена и впервые заявлена в монографии В.С. Мухиной Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты), которая претерпела семь изданий [1]. Концепция автора продолжает развиваться из года в год.

Печатается в контексте вводимых принципиально новых идей и новых эмпирических, научных и художественных материалов, которые сущностно преобразовали содержание учебника В.С. Мухиной «Возрастная психология: Феноменология развития», претерпевшего 17 изд. [2].

тем, что юность – исторически наиболее поздно сформировавшийся период в череде предшествующих взрослости возрастов. Известно, что в родовых культурах ребенок, как только осваивал навыки производительной, общественно полезной деятельности, из детства переходил сразу в сообщество взрослых. Общество пользуется и поныне понятием «ребенок», имея в виду возраст от младенца до юношества, обозначая этим словом отсутствие опыта, самостоятельности. Ребенок – это традиционное русское обозначение возрастных границ, определяющих социальный статус и незначительный еще жизненный опыт. У Вл. Даля читаем: «ребенком зовут младенца, отрока или отроковицу до юношества». И далее: «Юноша, юнак, юныш, юнок и мн. др., человек в возрасте от 15 до 20 лет и более, в пору возмужалости <...> Юность, молодость, младость, переходная пора человека от отрочества к возмужалости, и состояние это... Юношеский возраст, лета: – потехи, упражнения, – горячность, легкомыслие. Юношествовать – быть в юношеском возрасте»*. Поэтому-то мы можем понять и принять текст Конвенции о правах ребенка, ст. 1: «Для целей настоящей Конвенции ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее».

Очерчивая границы юношеского возраста, мы исходим из известных науке данных о морфологии, физиологии и биохимии, а также из данных о динамике и диапазоне возможных физических и психических достижений.

В юности человек уже по праву может хотеть ощущать себя взрослым, ответственным за свой выбор, однако он трепещет перед ожидающей его впереди ближайшей жизнью. Социальная ситуация как условие развития и бытия в юности отличается для юноши тем, что она открыта его притязаниям, его усердию и его талантам. Дело за ним.

В юности перед молодым человеком встает вопрос о выборе жизненного пути, о развитии своего сознания настолько, чтобы преодолеть многие и многие препоны, преграды, препятствия внутри самого себя и достойно войти в грядущую взрослую жизнь.

Ключевой проблемой, определяющей интерес человека в юности, является он сам: состояние его сознания, его надежды и чаяния, его амбиции; это могут быть притязания на то, чтобы проявить себя в этом мире, отразив свою личность в искусстве, науке, духовности; это могут быть пока синкретические грезы (мечты как создания воображения) о будущем; однако знаменательное событие в юности – сознательно отказавшись от грез и мечтаний, начать с охотой и жадно набираться полноты знаний и чувствований из сфер Великого идеополя, сложившегося в истории человечества.

Юность – возраст обостренной чувствительности и предтечи нарастающей чувственности.

Чувствительность – способность живого чувствовать, воспринимать; впечатлительность, способность ощущать и воспринимать; но не только воспринимать, но и фиксировать самые незаметные внешние влияния и воздействия.

* «Юность, юношество, юнотство – младость, переходная пора человека от отрочества к возмужалости, и состояние это». Вл. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Т. 4. Р – V. М., 1982. С. 668.

Чувственность – переживание, осуществляемое посредством органов чувств, ощущений, восприятий; телесные (плотские) переживания.

В свое время Вл. Даль писал о чувствовании – способности ощущать, чувствовать собою, слышать, осязать, познавать телесными, плотскими способностями, средствами. Способность познавать нравственно, внутренне, понимать, сознавать духовное, отзываясь на это впечатлениями. С этими разумными словами, трактующими понятие чувствование, нельзя не согласиться.

В то же время в юности человек обращен к самому миру. Современное молодое поколение включено в проблемы, которые являются проблемами столкновения цивилизаций.

На границе тысячелетий понятие «цивилизация» претерпевает очередные изменения. Это в высшей степени эклектическое и многозначное понятие, означающее мировую культуру, уровень общественного прогресса, развитие материальной и духовной культуры; уровень, достигнутый той или иной общественно-экономической формой. Доминирующими в XIX–XX вв. явились трактовки цивилизаций как замкнутых общественных организмов, либо как завершающей фазы упадка в развитии когда-то целостной и органичной культуры, либо как набора культурных программ, реализующихся в самодостаточном и уникальном общественном организме.

Сегодня философы, политологи и прочие мыслители, обсуждающие проблемы цивилизаций, предполагают выход за пределы религиозных ценностей и географических составляющих: переход от символа «кровь и почва» к символу «язык и культура». Тем самым границы новых знаков структурирования человеческих цивилизаций очерчиваются на новых основаниях – по ареалам распространения языков и нового образа жизни. При этом мыслители, ратующие за судьбы цивилизаций, предрекают далеко не радужное будущее или, по крайней мере, радикально преобразенные новые цивилизации **.

Цивилизация – понятие, известное со времен античности, где оно противопоставлялось варварству. В качестве самостоятельного термина, соотносимого с понятием культура, вошло в словоупотребление и научное обращение в XVIII в. Именно в это время это понятие приобрело особый социально-философский смысл для обозначения конкретной стадии всемирно-исторического процесса и ценностей общества, основанного на началах разума, справедливости и законности. Артур Франсуа Мари, вошедший в историю мировой культуры под именем Вольтер (1694–1778) – французский философ, писатель, публицист в свое время сделал попытку создания философии истории. Он рассматривал человеческую историю как последовательное движение от первобытного варварства к позднейшей цивилизации, подчеркивая при этом значимую роль просвещения, науки, творческой деятельности человечества [3]. Он – крупнейший писатель-просветитель, повлиявший на духовное развитие молодых поколений не только в Европе, но и в России [3, с. 271–338].

* Шпенглер О. Закат Европы: в 2 т. М., 2004; Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2004; Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 2004; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2005; Хантингтон С. Кто мы? М., 2004; Форрестер Дж. Мировая динамика. М.; СПб, 2003; Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004; и мн. другие труды, посвященные современным вопросам настоящего и будущего человечества.

Юность отличается особой сензитивностью к социальным проблемам и идеям. При этом, откликаясь на социальные явления, юность стремится преодолеть негативные эмоции, вызванные неопределенностью развития цивилизационных концепций и цивилизационных отношений, которые проявляются сегодня в основном через обсуждаемые «столкновения».

Юность оптимистична по своей природной сущности: наиболее жизнеспособные и активные молодые люди выбирают для себя сегодня (как и во все прежние времена) путь соучастника общественного развития человечества, при этом ставя перед собой задачи, выводящие за пределы того способа существования, который был условием их жизни и развития в детстве и отрочестве.

Поиск жизненного пути, смысла своей жизни одаривает жизнеутверждающую часть юношества высокими мировоззренческими чувствами, выступающими как внутреннее условие развития и бытия человека в юности [4, с. 347–348].

Ключевые слова: юность; условные границы юности; морфология, физиология и биохимия; динамика достижений; диапазон достижений; чувство взрослости; стремление к статусу взрослого; ответственность за выбор; выбор жизненного пути; развитие сознания; преодоление внутренних препятствий; состояние сознания; надежды, стремления, амбиции; повышенная чувствительность; возрастающая чувственность; обращен к миру; простота; рефлексия над собой; чувствительность к социальным проблемам; преодоление негативных эмоций; оптимизм молодости; поиск жизненного пути; участник развития человечества; молодежный максимализм; социальная ситуация; значимая деятельность; особенности общения со старшими; общение со сверстниками; дружба в молодости; влюбленность и любовь; энергетический потенциал; причины повышенной чувственности; умственное развитие; ценностные ориентации; особенности идентичности-отчуждения; самосознание; развитие надситуативной активности; предчувствия новизны; феноменология энергетического потенциала; молодежь из семьи; молодежь без попечения родителей.

Abstract. The age of youth is a period of human life between adolescence and adulthood. Different periodizations show different age boundaries of youth. It is understandable as age is objective for concrete-historical moment, chronologically and symbolically fixed characteristic and stage of development of generation in ontogenesis.

The conventional boundary for the youth we will focus on is 17-18 to 20-21 years. The lower boundary is more common, and the upper one is also found in a number of sources. The conditionality of age is due to the fact that youth is historically the latest formed period in the series of ages preceding adulthood. It is known that in native cultures a child as soon as mastered skills of productive, socially useful activity, he/she was transferred from the childhood to the community of adults. Society still uses the term «child», referring to an age ranging from infancy to youth and indicating by this word the absence of experience and independence. A child is a traditional Russian designation of age boundaries, determining social status and little life experience yet. In Dahl we read: «A child is an infant, *otrok* or *otrokovitsa* up to youth. And further: “A youth, young man, youngish, youth and many others, a person aged 15 to 20 years old and over, at the age of manhood <...> Youth, early adulthood, *mladost* is a transitional season of man from adolescence to manhood, and this state... The youth age, is years of fun, exercises, ardor,

levity. To be young is to be in youth age". This is why we can understand and accept the text of Convention on the Rights of the Child, Article 1: "For the purposes of this Convention, a child is every human being below the age of 18 unless under the law applicable to the child, majority is attained earlier".

The boundaries of youth are based on scientifically known data about morphology, physiology and biochemistry, as well as data about the dynamics and range of possible physical and mental achievements.

As a young person, one may rightly want to feel like an adult, responsible for his/her choices, but he/she is in awe of the immediate life ahead of him/her. The social situation as a condition of development and existence in youth age is different for young people in that it is open to their ambition, their diligence and their talents. It is up to them.

The young man is faced with the question of choosing his life path, of developing his consciousness enough to overcome many and many obstacles, barriers, obstacles within himself and to enter the coming adult life with dignity.

The key issue that defines a person's interest in youth is himself: the state of his consciousness, his hopes and aspirations, his ambitions; it may be aspirations to manifest himself in this world, reflecting his personality in art, science, spirituality; it may be syncretic dreams (dreams as creations of imagination) of the future; but the significant event in youth is consciously abandoning dreams and reveries, begin to willingly and greedily gain fullness of knowledge and feelings from spheres of Great Ideofield developed in the history of mankind.

Youth is the age of heightened sensitivity and the precursor of increasing sensuality.

Sensitivity is the capacity of the living being to feel, to perceive; impressionability, the ability to feel and perceive; but not only to perceive, but also to record the most imperceptible external influences and impacts.

Sensuality – experience realized by means of sense organs, sensations, perceptions; bodily (carnal) experiences.

In his time V. L. Dahl wrote about sensuality – the ability to feel, smell with oneself, hear, touch, know with bodily, fleshly abilities, means. Ability to cognize morally, internally, to understand, be aware of the spiritual, responding to it with impressions. One cannot disagree with these reasonable words interpreting the concept of feeling.

At the same time, youth is concerned with the world itself. The young generation of today is involved in issues that are the problems of the clash of civilizations.

At the turn of the millennium, the concept of "civilization" is undergoing further changes. It is a highly eclectic and polysemantic notion meaning world culture, the level of social progress, development of material and spiritual culture, the level reached by any socio-economic formation. Interpretations of civilizations as isolated social organisms became dominating in XIX–XX centuries, or as final phase of decadence in development of once wholesome and organic culture or as a set of cultural programs realized in self-sufficient and unique social organism.

Today philosophers, political scientists and other thinkers discussing the problems of civilizations assume exit beyond religious values and geographical components: transition from the symbol "blood and soil" to the symbol "language and culture". Thereby borders of new signs of human civilizations' structuring are outlined on new bases – on areas of distribution of languages and new ways of life. At the same time, the

thinkers advocating the fate of civilizations predict far from rosy future or at least radically transformed new civilizations.

Civilization is a concept known since antiquity, where it was opposed to barbarism. It came into use as an independent term, correlated with the concept of culture, in the XVIIIth century. It was at that time that this concept acquired a special social and philosophical meaning to denote a particular stage of the world-historical process and the values of society based on reason, justice and rule of law. Arthur François Marie, who entered the history of world culture under the name of Voltaire (1694-1778), was a French philosopher, writer and publicist who once tried to create a philosophy of history. He regarded human history as a successive movement from primitive barbarism to later civilization, emphasizing the important role of education, science, creative activity of mankind [3]. He is a major writer-enlightener, who influenced the spiritual development of younger generations not only in Europe but also in Russia [3, pp. 271–338].

Young people are particularly sensitive to social issues and ideas. Thus, responding to the social phenomena, the youth aspires to overcome the negative emotions caused by uncertainty of development of civilization concepts and civilization relations which are shown today basically through discussed «collisions».

Youth is optimistic in its natural essence: the most viable and active young people today (as in all previous times) are choosing to take part in the social development of humanity, setting for themselves goals that go beyond the mode of existence that was a condition of their life and development in childhood and adolescence.

The search for life path, the meaning of one's life endows the life-affirming part of youth with high worldview feelings, acting as an internal condition of human development and existence in youth [4, p. 347-348].

Key words: *young age; conditional boundaries of a young age; physical and mental achievements; sense of adulthood; aspiration for adult status; responsibility for one's choices; choice of life path; development of consciousness; overcoming obstacles within; state of consciousness; hopes, aspirations, ambitions; heightened sensitivity; increasing sensuality; towards the world itself; simplicity; new achievements of reflection; social problems and ideas; aspiration to overcome negative emotions; optimism of youth; search of a vital way; participant of social development of mankind; youth maximalism; social situation in life; significant activities; communication with seniors; communication with peers; friendship; falling in love and love; energy potential in youth; heightened sensuality; mental development; value orientations; identity-alienation features; personality problems; self-awareness; potential for developing supra-situative activity; anticipations and premonitions of novelty; energy potential; young from family; young without parental care.*

Феноменология психических побегов: эскапизм и аутизм. Обособление, выраженное тенденцией «уйти» от мира, эскапизм, происходит по многим внутренним и внешним причинам. Здесь мы обсудим те проявления обособления личности, которые вплетены в психологическую ткань возрастного развития в юности.

Известно, что подростки и юноши склонны к эскапизму – к «уходу» от реальных отношений в условиях сложившегося культурного бытия в некие пространства, образуемые подростковой и молодежной субкультурой. Речь идет о нормальном аутизме.

Социальная ситуация как условие развития и бытия в отрочестве и юности в сознании человека этого возраста принципиально отличается от того восприятия окружающей жизни, которое он испытывал в детстве. Хотя многие обстоятельства продолжают воспроизводить прежние условия жизни, но теперь сама социальная ситуация по-иному трансформируется в сознании. Теперь уже иначе расставляются акценты: семья, сверстники, школа, вуз, общество в целом обретают новые значения и смыслы. Происходит перестройка в шкале ценностей, переосмысливается картина мира, меняется самосознание.

Стремясь обрести самость, юноши и девушки пытаются изжить свою зависимость от семьи и от взрослых вообще тем, что «бегут» от прежних отношений, *совместно отчуждаясь от старших**. Специфическое эскапистское общение со сверстниками приобретает исключительную значимость.

Взаимное притяжение в условиях совместного постижения особого мира становится самоценным. Теперь межличностная идентификация направлена на сверстников – единомышленников, на людей «одной крови». Обе формы идентификационных отношений – проекция и интроекция – реализуются в кругу сверстников: 1 – *проекция*, наделение другого своими психическими особенностями, склонностями и чувствами; 2 – *интроекция*, наделение себя психическими особенностями, склонностями и чувствами другого.

Усиление идентификаций со сверстниками, приводя к обособлению от других людей, обеспечивает усвоение конвенциональных ролей, норм, правил поведения внутри возрастной группы или внутри некоего сообщества.

Как и у подростков, в ранней юности формируется своеобразная знаковая система: сленг или арг. Сленг придает эффект усиления идентичности чувству «Мы» тем, что сокращает дистанцию между общающимися через проекцию и интроекцию всех членов группы. Определенная категория молодежи пользуется сленгом в школе, техникумах, вузах, спортивных группах, во дворах, а также в диффузных неформальных объединениях. Их сленговые названия – панки, металлисты, хиппи, фашисты, люберы и др.

Эскапизм может привести юных в секты, в объединения наркоманов и алкоголиков. Эскапизм может затянуть в экстремальные сообщества. Сегодня в России активно влияют на самосознание юных многочисленные панк-группы, которые становятся для определенной категории молодого поколения знаковыми образцами**. Главное во всех панк-образованиях то, что «панк-рок – музыка, настроенная против общества. Но настроенная не действиями, не какими-нибудь террористическими актами, хулиганскими выходками, а идеей. Панк-рок – это государство в государстве, это отдельное общество панковское – панки тусуются с панками.

* Мухина В.С. Проблемы генезиса личности. М., 1985; Мухина В.С. Аутизм как компонент психического и личностного развития на этапах детства, отрочества, юности // Развитие личности. 2002. № 3. С. 103–112; Мухина В.С. Групповой эскапизм и индивидуальный аутизм – компоненты социального и личностного развития на этапах отрочества и юности // Развитие личности. 2004. № 1. С. 156 – 175.

** В числе прочих групп можно назвать: «PURGEN»; «ДК»; «SATAN CLAUS»; «Мавзолей»; «To Da. Zöö \ Defekator»; «ЧУДО-ЮДО»; «Дети-Кеннеди»; «Наив»; «Четыре тарака-на»; «Лосьон»; «АВЪ»; «Банда четырех»; «Химера»; «Трутни» и др.

Живут в своем мире», – из интервью с группой «Purgen» [12, с. 20]. Здесь большое значение имеют эпатаж и бунт. Как говорят панк-музыканты, «большинство молодняка воспринимают панков как “бесиловку”, “пьянку”, подростковые тусовки. Они плюются, блюют, держатся друг за друга, кричат» [12, с. 22].

Наряду с группированием вокруг определенного уровня рок- музыкантов старшие подростки и молодежь также сообществами могут убежать и в другие сферы знаковой для них культуры. Главное в этом побеге – обособление от той нормативности, на которую их ориентируют социальные нормы и табу.

Помимо побегов в сообщества, зараженные ритмом и шумом музыки, молодежь ускользает в особые миры эскапистской литературы.

В XX столетии возникла Literature of escape – эскапистская литература, идентифицирующая некоторую категорию молодежи и даже взрослых, обособляющая их от проблем реальной жизни и уводящая в мир фантазии. К современным эскапистским литераторам можно отнести таких авторов, как Дж.Р.Р. Толкиен, П. Мак Киллип, Дж.К. Ролинг, М. Фрай, Ф. Фармер, а также А. Жвалевский и И. Мытько, С.В. Логинов и др. В 30-е гг. XX столетия в жанре fantasy вышла книга Дж.Р.Р. Толкиена «Властелин колец». Затем по нарастающей пошел поток книг fantasy. Началось время эскапистской литературы. Стремление определенной возрастной категории «убежать», безусловно, имеет социальные и психологические подсылки. Чувствительные к социальным и возрастным особенностям подростков и юношей писатели создали своими fantasy условия для массового «побега» от проблемного реального мира.

Произведения жанра fantasy на сегодняшний день популярны как в Европе, США, так и в России: издательства выпускают дилогии и трилогии, объединенные в циклы, кинематограф готовит к экранизации сериалы.

В fantasy сочетаются реальность и миф, сюжет имеет захватывающую интригу, герои четко представляют некие архетипы, а захватывающие ситуации – некие модели знакового поведения.

Литература жанра fantasy содержит в себе выраженную провокацию к побегу от действительности. Поклонники жанра fantasy – прежде всего подростки и молодежь, а из их числа те, кто имеет психологические проблемы, и те, кто так или иначе делает попытку найти для себя приемлемый способ существования.

Дж.Р.Р. Толкиен писал: «Хотя фэнтези никоим образом не является единственным способом бегства от действительности, в наше время он представляет одну из самых ярких, а кое для кого и одну из самых неприятных форм эскапистской литературы... Я считаю, что бегство от действительности – одна из основных функций фэнтези, да и ее предшественницы, волшебной сказки...». Дж.Р.Р. Толкиен выражал мнение о том, что бегство не только полезно, но иногда даже связано с героическим поступком [13].

Эта позиция не безупречна. Бегство не всегда полезно. Бегство может быть не полезно вовсе. Само по себе бегство не геройство. Бегство может быть связано с трусостью перед жизнью, с психологической неготовностью к социализации на этом этапе жизни.

Вся литература, которая подходила под определение эскапистской, в 60-е гг. XX в. искала пути выхода из кризиса, «следствием которого явились массовые

молодежные политические и социальные движения 1960-х годов, а причиной – общая дегуманизация общества. Они стали искать в литературе не забвения или ухода – они стали искать иные формы взаимодействия с обществом и окружающим миром. В том числе и формы взаимодействия с властью», – писал П. Пиретт [14]. Сегодня мы с замиранием сердца наблюдаем побег молодежи в мир *fantasy*.

Героический это выбор или трусливое бегство от реальной действительности? Зачем молодежь обращается к бегству? Это ее выбор.

Бегство органически присуще человеку (как и животному) в случае опасности. Но человеку в минуты опасности присущи и ярость, гнев, агрессия. Человек, однако, может сосредоточиться и с «холодной головой» разрешить проблему. Сегодня весьма заметная часть молодежи бежит в мир эскапистской литературы. Это социально-психологическое явление не только нашего времени. Мифы, сказания и сказки имели не менее сильное влияние на умы и сердца многих и многих поколений: по существу, эти произведения давали передышку и надежду многим поколениям далеких и близких наших предков.

Сегодня известны примеры оказания помощи подросткам и молодежи посредством вовлечения их в заданные сюжеты с заданными героями. Книжки, ориентированные на предстоящие тренинги, можно также отнести к пресловутой *Literature of escape*.

В 80-е гг. XX в. была разработана так называемая многоярусная терапия – метод «для лечения неблагополучных подростков и юношей». Этот метод был основан на научно-фантастическом пятитомном цикле «многоярусный мир» [15]. Пациенты выбирали себе персонаж или несколько персонажей, отождествляли себя с этими персонажами и старались, образно говоря, ими стать. Как показано в книгах, «... вначале курс психотерапии казался юному герою (17-летнему Джиму) глупой игрой. Но когда он в своем воображении вошел в тело и разум Орка (вымышленного персонажа), все изменилось. Джиму пришлось бороться за собственную независимость, так как черты Орка начали постепенно проявляться в нем самом. Джим с каждым входжением в мир Орка все отчетливее понимал, что *этот мир так же – если не более – реален*, как и его родной городок Янгстаун в штате Огайо. И с каждым разом все сложнее оторваться от Орка, изгнать его из своей жизни».

Доктор Э. Джеймс Джаннини, профессор психиатрии в Университете штата Огайо, писал: «Однажды, в ничем не примечательный день, одна замечательная английская девочка по имени Алиса прошла сквозь зеркало – и очутилась в причудливом, фантастическом мире. Алиса была единственной в своем роде, поскольку ей удалось войти в фантазию, созданную другим человеком, а затем вернуться в альтернативный «реальный» мир. Возьмем для сравнения шизофреников и прочих психотиков – они обитают в своих собственных бредовых мирах и испытывают трудности с возвращением в реальный мир – в систему, общую для человечества. Дети тоже часто живут в таинственном мире своей фантазии. Они почти не знают проблем, лавируя между двумя этими планами фантазии и реальности, но не умеют ввести взрослых в свой тайный мир» [16, с. 411].

Э. Джеймс Джаннини стал использовать научную фантастику, *fantasy*, в качестве альтернативной реальности, в которую врач вводил своих пациентов. Он писал: «Поскольку мы с пациентами встречались на общей планете (в рамках

сюжета книги, В.М.), психотерапия быстро двинулась вперед» [16, с. 413]. Психиатр обращает внимание на тот факт, что особенно больших успехов добивались юноши и девушки, считавшие себя непригодными для жизни в нашем времени.

Наблюдения за подростками и молодежью, увлекающимися эскапистской литературой и проводящими совместно время, показали, что это совсем особая категория юных.

Тяга молодежи «бежать» от трудностей усвоения и установления стиля общения в большом, традиционном социуме и тяга к кооперированию в своих обособленных возрастных «специализированных» по интересам сообществах – типичное социальное явление второй половины XX в. и начала XXI столетия в евро-американской цивилизации. Очевидно, что это явление – результат развития техногенной культуры, а также новых форм разобщения цивилизаций и доминирования идеи «предвосхищения катастрофы». Идея катастрофы провозглашается многими западными социологами, философами и другими специалистами, взявшими на себя ответственность за прогноз будущего человечества*.

Сегодня юношеский и молодежный эскапизм проявляет себя и в так называемом поле галактик Интернета. Испанский социолог, ведущий аналитик информационной эпохи и сетевого общества Мануэль Кастельс (р. 1942) предпринимает глубочайший анализ галактики Интернета и специально обсуждает так называемые *виртуальные сообщества* [17].

«Виртуальные сообщества» – новое понятие, предложенное специалистами социального взаимодействия; оно отражает факт появления нового технологического базиса социального взаимодействия, отличного по ряду параметров от предшествующих форм социального взаимодействия. Сегодня специалисты обсуждают: сообщества Сети и трансформацию социальности; особенности общения в поле Сети; «сетевой индивидуализм»; другие человеческие проблемы, связанные с вхождением в иную реальность.

Новый виртуальный мир творит свои законы общения, каждый молодой человек входит в Сеть с ощущением больших возможностей на свободу самовыражения. Это ощущение дает чувство анонимности. Этот мир со многих снимает чувство ответственности.

В настоящее время 37–38 % аудитории российского Интернета составляют *юноши и молодежь* в возрасте от 17 до 25 лет (internet.ru, yandex.ru, Ассоциация РЕЛАРН), при этом количество юных и молодежи, ищущей общение и новую информацию в Интернете, растет чрезвычайно быстро.

Новые виды связей образуются в поле онлайн-сетей, когда все общающиеся находятся в реальном времени: «здесь и теперь». Они формируют «специализированные виртуальные сообщества», то есть социальные связи, строящиеся в сфере анонимности. Члены этих сообществ в виртуальном пространстве проявляют амбивалентность в отношении стиля общения: с одной стороны, они тяготеют к воспроизведению традиционной культуры в виртуальном поле, но, с другой

* Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада. М., 2004; Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2004; Фукуяма Ф. Великий разрыв. М., 2003; Он же. Конец истории и последний человек. М., 2005; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2005; и др.

стороны, они создают свою субкультуру, в которой по-новому презентуют свою личность.

Молодежь легко усваивает стилистику общения в поле Сети. Информационное поле «символического космоса» создает в юношеском виртуальном сообществе специфическую виртуальную культуру, которая дает возможность каждому продемонстрировать свою собственную *Я-идентичность* или заменить себя на воображаемую, *карнавальную* или *идеальную личность*. Здесь, в поле виртуального общения, возможны виртуальные имя, возраст, пол, внешние физические характерологические особенности. В поле виртуального общения формируются своя стилистика общения и особые знаковые обозначения своих эмоциональных состояний и оценок полученной информации.

Виртуальные образы и знаки – особая реальность, которую осваивает молодежь. Приведем произвольно взятую запись «свободной» беседы молодежи в поле онлайн-сетей. Здесь обычно используются фальсифицированные имена.

```
*** BOBKA has quit IRC f.nl.uu.net irc.delfi.lv)
*** Ekonomist has quit IRC (*.nl.uu.net irc.delfi.lv)
<Loskutok> Hi!
*** badO sets mode: -b T@195.216.185.251 <lrreal> povylazili... nespitsya im ;>
<lrreal> pol tret'ego nochi, a oni v ire sidyat <notka> Jesli ty produkt, znachit tebia net
nigde!!!
<lrreal> nu ili tak
<notka> Voobshe-to pol chetviortogo...
<notka> Pochti...
<lrreal> da, dejstvitel'no
Samuray is away, auto-away after 15 minutes, [l\on:p\on]
*** persey (123123@192.117.114.146) has left #russia (persey)
*** MAMKA sets mode: +l 50
<notka> Hallo!
*** _3yJlyC (-laza@193.40.252.143) has joined Prussia *** Aljushka
(BigMax@195.122.15.1o) has joined Prussia *** HiMiK (-mozg@195.216.162.91) has joined
Russia *** fjk (~menja@7th.heaven.lannet.lv) has joined Prussia *** BOBKA (-vlad@ns.aija.net)
has joined Prussia *** Ekonomist (Ja@ws-rvl-new.junik.lv) has joined #russia
***Lapsik(dd@195.13.184.66) has joined Prussia *** irc.delfi.lv sets mode: +l 59
*** irc.delfi.lv sets mode: +b T@195.216.185.251 ;• <thron> where are you from notka?
vorkrona sets mode: -b T@*.it ^-Samuray- (X) I'm away right now – auto-away after 15 minutes
-^<thron> notka : are you from Moscow? Libeccio (@a-pi15-53.tin.it) has joined Prussia cryslon
sets mode: +b T@*.it
*** Libeccio was kicked by cryslon (banned: requested)
<thron> someone speak english here?
<lrreal> no <Loskutok> yes
<thron> spricht hier einer deutsch?
lrreal doesn't. not even a word
<lrreal> und auch kein einziges wort deutsch
<thron> das ist schon was...
```

*** Samuray has quit IRC (-extreme- Don't use a big word where a diminutive one will suffice.)

<Loskutok> A vot german – ne ponimayu...

Конечно, это форма игры выросших недорослей. Эта игра – общение, которое дает ощущение свободы самовыражения. Но есть замечательное предупреждение: «Не потеряйтесь в Сети!». Специалисты в области Интернет-сети ввели понятие «новые виды слабых связей» [17, с. 156], называя так недолговременные сообщества по интересам, появляющиеся в Интернете. Однако связи могут быть достаточно прочными, процесс общения может захватить потребителя Сети. Такие участники сетевого общения используют Интернет в качестве одного из своих социальных проявлений. Некоторая часть молодежи бежит от реального, живого общения в поле анонимного общения, не задумываясь о том, что виртуальное общение не только забава, но и может нанести реальную психологическую травму. Отдельная категория молодых людей – *странники по Интернету*. Сетевой индивидуализм проявляется в том, что юноша или девушка блуждают из одного поля Сети в другое, из одной программы – в другую. Они непосредственно не включаются в общение ни с кем. Они не совершают целевого поиска конкретной информации. Они бегут, бегут мимо информационных полей, рассеянно блуждая взором по визуальному ряду, едва касаясь заторможенным сознанием значений и смыслов поля транслируемой информации. Такое состояние правомерно отнести к новому виду аутизма – это *сетевой аутизм*.

В общении между людьми постоянно пульсируют две тенденции: *идентификация* – тенденция, выражаемая предлогом «к», который в первую очередь обозначает место, предмет, лицо, к которому направлено движение (физическое и психическое); *обособление* – тенденция, выражаемая предлогом «от», который в первую очередь обозначает место, предмет, лицо, от которого направлено движение (физическое и психическое). Поэтому-то в русском языке движение от чужого, от чуждого обозначается словом *отчуждение*: прекращение или отсутствие близости; отдаление, обособление.

Какие бы побеги «от» нормативного общения с близкими ни совершала молодежь в период ранней юности, она может неизбежно возвратится «к» тем, кто любит и ждет их: как возвратился библейский блудный сын к своему отцу, как раскалялся и сказал самому себе: «Встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостоин называться сыном твоим...».

Но отец сказал: «... и приведите откормленного теленка, и заколите; станем есть и веселиться! ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся». И начали веселиться» [Лк. 15:11–24].

Родительская любовь – прощающая любовь.

Молодые возвращаются «как ветер на круги свои» [Еккл. 1:6].

Помимо обозначения проблемы *группового «ухода»* подростков, юных и молодежи в раннем юношеском возрасте от реальной жизни есть еще одна не менее важная проблема – *индивидуальный «уход»*.

Мы знаем немало откровений, ставших достоянием многих благодаря публикации дневников или воспоминаний великих мыслителей, художников, писателей и

ученых, в которых описаны моменты и долговременные состояния ухода человека во внутренний мир своих переживаний. Речь идет об аутизме.

Аутизм правильно рассматривать не только в контексте психического заболевания или в контексте экстраординарных, выходящих из ряда вон экстремальных обстоятельств, но и как феномен нормального выбора поведения на этапах онтогенеза человека. Аутизм свойствен старшему подростковому и раннему юношескому возрасту. В этот период аутизм – это форма приспособления в субъективно усложненных условиях. Речь идет о нормальном аутизме, свойственному онтогенетическому присутствию эволюционных и культурных влияний на состояние и поведение ребенка, отрока и юноши на всех этапах возрастного развития.

Мы будем рассматривать аутизм как феномен, сопутствующий и содействующий нормальному онтогенетическому развитию.

Аутизм – форма психологического обособления, выражающаяся в стремлении к побегу, уходу от контактов с другими людьми. Аутизм предполагает погружение человека в собственный образный мир воображения, фантазий, грез. Аутизм – всегда стремление создать образы, доставляющие удовольствие; всегда избегание тяжелых мыслей, связанных с душевной болью и переживаниями тягот одиночества.

Реально подавляющее большинство подростков, юношей и девушек в тот или иной момент своей жизни погружаются в состояние грез. Эти состояния могут представлять собой невинную игру воображения, но они могут и увести человека (особенно с еще неокрепшей психикой) от реальной жизни. Жизнь в иллюзии – в искаженном представлении реальных вещей и явлений, возникающих на фоне измененного аффекта, – делает ее более соответствующей эмоциональным ожиданиям. Однако в этом таится опасность потери способности к социальной активности, потери социальной сензитивности.

Юность тяготеет к воображению. Способность к творческому воображению вводит человека в другую, желаемую среду и делает неудовлетворенные желания осуществимыми. Подросток и юноша отличаются тем, что у них присутствует готовность уйти из реальности в грезы. Уход в грезы может нести угрозу капсулирования. В связи с проблемой тяготения юных к побегу, к эскапизму следует обратиться к Ф.М. Достоевскому – тонкому знатоку психологии человека.

В письме к брату Ф.М. Достоевский рассуждал: «Видишь ли, чем больше в нас самих духа и внутреннего содержания, тем краше наш угол и жизнь. Конечно, страшен диссонанс, страшно неравновесие, которое представляет нам общество. Вне должно быть уравновешено с внутренним. Иначе, с отсутствием внешних явлений, внутреннее возьмет слишком опасный верх. Нервы и фантазия займут очень много места в существе. Всякое внешнее явление с непривычки кажется колоссальным и пугает как-то. Начинаешь бояться жизни» [18, с. 137–138].

Ф.М. Достоевский считал, что «паралич мечтательности» – «одна из болезней века». Мечтатель остро реагирует на невыносимые социальные условия: «Неужели же вы думаете, что я бы мог жить, если бы не мечтал. Да я бы застрелился, если б не это. Вот я пришел, лег и намечтал». «Он – он спился, он не вынес. Я – мечтатель, я выношу. Я бы вынес» [19, с. 18]. Грезы, мечта, аутизм – во многом способы приспособления к сосуществованию с реальной действительностью.

Капсулирование на мечте – конечно, типология человека со «слабым сердцем». Но в подростковом и юношеском возрасте юный человек нередко спасается от реальных проблем с помощью побега в свой обособленный внутренний мир, творимый грезами и мечтой. И это происходит с человеком уже достаточно давно, если судить по источникам – много тысячелетий. Можно говорить о типологии человеческого духа, о типологии выбора человека, об его готовности к эскапизму – побегу от реальности.

Юные и молодые люди, имея многообразный опыт в реальной жизни и испытывая негативные чувства в отношении своих неудач, в своих грезах создают множество желаемых ситуаций, которые иллюзорно греют их чувства. Число ситуаций бесчисленно и разнообразно: один жаждет стать снова ребенком; другой – статусным чиновником, бизнесменом; третий – волшебником; четвертый – гетеросексуалом; пятый – странствующим по звездам [20]. Нередко в этом возрасте молодые люди жаждут кому-то погибели – из-за обиды, из-за желания «увидеть, как это бывает», из-за жажды материального благополучия. В то же время молодые люди реализуют в аутизме свои романтические стремления и высокие моральные и гражданские порывы – они устремляются в своем воображении к разрешению самых невероятных задач.

В аутизме юношества, кроме того, постоянно присутствуют сексуальные влечения с их многочисленными перверсиями. В юношеском возрасте наряду с идеализацией любовных отношений в аутистическом состоянии могут всплывать сексуальные извращения из-за неконтролируемых биологических (в том числе эндокринных), психологических и социальных факторов. Обычно перверсии возникают в постнатальном онтогенезе. Их возникновение обязано также влиянию микросоциальной среды, этнических традиционных ценностей и коммуникативным полям, транслирующим новые идеи эпохи цивилизации.

Если типология сознания зависит от врожденных особенностей, от индивидуального пути отдельной личности и от момента исторического развития общества, то типология содержания аутистических переживаний также зависит от названных составляющих. Именно историческое время вносит свое содержание в образы, работающие на аутизм юношества.

При нормальном развитии через реальные образы, внедряющиеся в аутистическое мышление, взрослеющий молодой человек возвращается в пространство реалистических отношений, в проблемы, которые ему предстоит разрешить в реальном мире.

Процесс развития человеческой личности в принципе бесконечен. Человек обретает себя, осознавая потребность в развитии. Для этого человек организует свою волю, действуя как существо сознательное. Однако личность – субстанция весьма ранимая. Достаточно изменить условия существования человека в обществе, как действует *эффект неопределенности*. Нетерпимость к неопределенности является выраженной психологической особенностью человека.

Эффект неопределенности влияет на специфику развития и обратимости-необратимости естественных для человека психических процессов. Эффект неопределенности или реальные трудности существуют объективно, и они влияют на отношение человека к общению.

Та часть молодежи, которая прошла путь эскапизма и аутизма, в норме обретает способность к возвращению в человеческое сообщество, к социально приемлемому нормативному общению со старшими и сверстниками.

Описанные особенности возрастного эскапизма и аутизма обычно проходят, когда появляются *друг, любимая девушка* и когда юноша с головой погружается в *учебу, спорт, трудовую деятельность*.

Как ни парадоксально это звучит, после описания возможных вариантов психологических побегов *от* других следует указать на выраженную тягу человека в юности к другим людям.

Юность жаждет общения ради общения, когда можно обменяться информацией и чувствами, прийти с собеседником к соглашению или утвердиться в противоположном мнении. В такого рода взаимодействиях происходит выраженное обособление общения от других видов деятельности. Общение развивается как самостоятельная форма взаимодействия, где непосредственное эмоциональное взаимодействие сочетается с обменом информацией и сотрудничеством в решении проблемных задач.

Общение в юношеском возрасте приобретает новое содержание и новые формы своего осуществления, которые отличаются от общения подростков: расширяется диапазон языковой культуры общения, изменяются круг и глубина обсуждаемых проблем. В такого рода общении приветствуются *диалогические формы обсуждения* значимых проблем, где каждый из общающихся проявляет уважение и внимание к собеседнику, поддерживая его чувство личности.

Диалогическая речь – взаимное, чаще двустороннее, общение, при котором активная роль переходит от одного участника коммуникации к другому. Главное в диалоге то, что последующие высказывания стимулируются предыдущими, проявляя себя как реакция на высказанное суждение. Для диалогической речи наиболее благоприятны неофициальность и непубличность контакта, его устный и непринужденный характер, атмосфера нравственного равенства говорящих. Диалоговое общение развивает рефлексивные способности говорящих и на общее течение темы диалога.

Особая форма диалога – «с глаза на глаз», когда собеседникам для взаимопонимания надо видеть и чувствовать состояние друг друга. Однако широко распространен диалог и вне визуального контакта (телефонные разговоры, общение по Интернету и др.).

В то же время в условиях учебной и трудовой деятельности молодежь осваивает официальные и риторические диалоги, которым присущи нормированность, традиционность, учебная или профессиональная заданность.

Диалог развивает общение молодых в высшей степени. Он дает возможность оттачивать мысль и овладевать способами воздействия на соучастника диалога. Конечно, это еще не «разговоры богов», не философские диалоги Платона, но это часто попытка построить общение в духе философского, риторического, художественного жанра. *Диалогические отношения часто бывают не логическими, а персонологическими*. Отношения в диалоге строятся по типу *субъект-субъектных*. В диалоге отношения должны иметь в виду *личностность, персонологичность, субъектность* общающихся сторон. Культура диалога как специфической

деятельности общения такова, что она требует от входящих в ее поле речевого, умственного, эмоционального и нравственного развития. М.М. Бахтин рассуждал: «*“Услышанность”* как таковая является уже *диалогическим отношением*. Слово хочет быть услышанным, понятым, отвеченным и снова отвечать на ответ и так ad infinitum [лат. до бесконечности]. Оно вступает в диалог, который не имеет *смыслового* конца (но для того или иного участника может быть физически оборван). Это, конечно, ни в коей мере не ослабляет чисто предметных, исследовательских интенций слова, его сосредоточенности на своем предмете. Оба момента – две стороны одного и того же, они неразрывно связаны» [21, с. 338].

Монологическая речь бытует в форме устной речи, вырастая из диалога или существуя независимо от него, в форме речи письменной или в форме внутренней речи. В форме письменной речи монологи в развернутом виде могут быть представлены в личных дневниках, в виде авторского повествования, лирического послания и др.

В форме внутренней речи происходят «уединенные» монологи, «автокоммуникации» (Ю.М. Лотман) – это общение в воображении. Монологическая речь также учит юношу мышлению и рефлексии, при этом создавая несколько иные условия и возможности для саморазвития и самоактуализации.

Речевое общение неразрывно связано с развитием и статусом человеческой личности. Не всегда ведая об этом, молодежь тем не менее стремится к общению как ценностной для себя деятельности. В речевом общении юные учатся отстаивать свои мысли и чувства, учатся реализовывать свои притязания на уникальность.

2. Общение со сверстниками своего и противоположного пола.

Дружба. Влюбленность и любовь

Прежде чем мы будем обсуждать то, как общаются юноши и девушки друг с другом, следует рассмотреть, что происходит с ними в плане физического развития и связанные с этим изменения в психической сфере.

Динамика возрастных изменений половых функций. Известно, что в отличие от всех других физиологических функций половые функции детерминированы возрастом. В целом до наступления полового созревания большая часть сексуальных проявлений пребывает в латентном состоянии и разворачивается в пубертатной фазе, продолжаясь в репродуктивном периоде. Таким образом, любое проявление сексуальности необходимо соотносить с возрастом.

В юности человек проходит следующие периоды половых проявлений: *пубертатный, переходный, период зрелой сексуальности*. Каждый период имеет свои особенности.

Пубертатный период [лат. pubertas половая зрелость] – период, на протяжении которого в организме совершаются внутренние перестройки, завершающиеся достижением *половой зрелости*, то есть способности к воспроизведению потомства. Начало процесса полового созревания обусловлено гипоталамическим отделом мозга. Перестройка гормональной регуляции сопровождается изменением физического облика и психической сферы. Важный признак пубертатного развития – установление регулярной активности гонад, проявляющееся у девушек менструациями, а у юношей – эякуляциями. Установление внутрисекреторной активности гонад у

обоих полов проявляется фазовыми изменениями темпов роста отдельных сегментов скелета, установлением пропорций тела и развитием вторичных половых признаков. Если появление признаков пубертатного развития у обоих полов начинается в подростковом возрасте (у девочек могут появиться первые признаки пубертата еще в детстве), то завершение пубертатного развития происходит в юности: у девушек в 17-18 лет, у юношей в 20-21 год происходит остановка роста скелета.

Пубертатный период – *период кризиса*, который носит крайне сложный характер из-за гормональной перестройки и коренной перестройки психической сферы.

Психика в пубертатном периоде наиболее ранима. Это определяется физическим состоянием подростка и юноши, когда бушующие железы еще не пришли в согласованное взаимодействие, когда не произошла синхронизация функционирования всех органов. Это определяется и ранимостью психики, побуждаемой гормональными бурями и социальной позицией.

В обществе до сих пор существует неопределенность юридических граней и общественного мнения в отношении молодежи. Ф.М. Достоевский в начале XX в. героем своего романа «Подросток» сделал 20-летнего молодого человека. И.С. Кон (середина XX в.) указывал, что в общественном мнении зачастую и двадцатилетнего человека не считают за взрослого, так как существует правовая и моральная неопределенность юности. Период юности удлиняется «за счет, с одной стороны, более раннего полового созревания, а с другой стороны, более позднего социального созревания»*.

На фоне общей ранимости психики особой уязвимостью отличается сексуальная сфера. Специалисты-сексологи полагают, что именно в пубертатном периоде половое сознание должно совершить переход от *романтической стадии* через похотливое ослепление *сексуальной фазы* с ее неуловимо-навязчивой фиксацией психики на генитальной сфере к стадии *зрелого полового созревания*, гармонически сочетающего чувственность с высочайшими идеалами человеческой любви [22, с. 199].

Основная тенденция пубертатного периода – стремление к самоутверждению всех сторон личности – находит проявление и в половой сфере, нередко завершаясь началом половой жизни.

При этом, однако, общие тенденции развития сексуальных проявлений молодежи весьма разнообразны. Одни устремляются в романтическую любовь, другие – в беспорядочный секс.

Медики выделяют особый, переходный период в развитии мужчины [22, с. 193–195].

Переходный период характеризуется беспорядочными, случайными половыми связями. Для него наиболее типично чередование эксцессов (крайних проявлений) с более или менее длительными абстиненциями**, протекающими на фоне суррогатных (мастурбации, дневные поллюции и др.) или викарных (ночные

* Кон И.С. Половая мораль в свете социологии // Сов. Педагогика. 1966. № 12. С. 64–77; Кон И.С. В поисках себя: личность и ее самосознание. М., 1984.

** Абстиненция – здесь состояние, возникающее в результате прекращения сексуальных отношений.

поллюции) форм половой активности. Этот период может завершиться обретением постоянного партнера или вступлением в брак.

Период зрелой сексуальности характеризуется установлением уровня половой активности, приближающегося к индивидуальным особенностям, определяемым условиями жизни, половой конституцией, а также общими ценностными ориентациями на жизнь и свое место в мире. Этому способствует возможность иметь интимную близость с постоянным партнером, с супругом, с супругой.

Юность лишь только готовится к движению в направлении к зрелой сексуальности. *Половая энергия* ищет соответствующего выхода, рождает в психике *внутреннюю эротическую напряженность*.

Помимо телесного физиологического напряжения, проявляет себя еще и психологическое напряжение, которое связано с представлением о начале половой жизни как о доказательстве возжеланной зрелости или о внутреннем сопротивлении желательной, пугающей перспективе расстаться с чистой, наивной юностью и взойти на неясный пока новый уровень социальной жизни и личностных изменений. Половая жизнь подчас выступает как средство для самоутверждения [23], однако это не есть единственный и не самый социально значимый способ самоутверждения.

И.И. Мечников, основываясь на результатах произведенного им статистического анализа, пришел к следующему заключению: «Половая зрелость (pubertas), общая физическая зрелость (nubilitas) и брачная зрелость (возраст вступления в брак) составляют три важных момента в жизни человека, имеющих одну и ту же цель – удовлетворение стремлений к поддержанию вида (размножение). В одних случаях (большинство первобытных народов) эти три момента совпадают друг с другом, в других же случаях они раздвигаются, между ними появляются промежутики, тем более длинные, чем дольше совершается развитие, и потому наиболее ощутительные у наиболее цивилизованных народов» [24].

Положение современной молодежи остается столь же для нее проблематичным, как и в конце XIX и начале XX столетий. В этом есть и свое позитивное начало: в достойных внимания источниках можно соприкоснуться с опытом предшествующих поколений. Для этого полезно обратиться к размышлениям Ж.Ж. Руссо, Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского, Марии Башкирцевой*, а также к дневникам и рефлексиям на свою жизнь многих других известных представителей культуры и науки. Это весьма поучительные тексты для укрепления у юных и молодежи чувства личности.

Общение с представителями другого пола. В юности молодые люди хорошо понимают и чувствуют, что природа готовит их к воссоединению, которое дарует в своем апогее любовь и детей. В то же время социальные ожидания окружающих направлены на то, что юноши и девушки должны начать влюбляться.

Любовь – это чувство сильной привязанности, горячей сердечной склонности, влечение к конкретному человеку. Любовь как высшее проявление лучших качеств

* Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: в 2 т. М., 1981; Добролюбов Н.А. Дневник 1852 года // Собр. соч. Т. 8. М.; Л., 1967; Чернышевский Н.Г. Дневник. М., 1932; Башкирцева М.К. Дневник Марии Башкирцевой: Избранные страницы. М., 1991 и др.

личности и как переживание высших чувств воспета в веках – в мифах, поэмах, стихах и романах. Одним словом, и природа, и социум готовят молодых людей к любви. *Юность – возраст мечтаний о любви и ожидания любви.*

Юноши и девушки меняют отношение друг к другу по природным, социальным и психологическим побуждениям. В их общении, безусловно, присутствует размытая напряженность, которую порождают физическая и психологическая напряженность, а также напряженность, связанная с усилением требований гендерных ролей. Юным предстоит научиться общению на новых основаниях. Это должно быть общение мужчин и женщин, которое не только соответствует социальным нормам и идеалам той культуры, к которой они принадлежат, но и обеспечивает каждой из сторон достижение явных или скрываемых целей. Однако здесь может и не быть осознаваемых целей – юные люди могут быть наивны и непосредственны.

Общение в группе приятельствующих и дружащих юношей и девушек развивается по своим законам. Присутствие в разновозрастном сообществе юных людей противоположного пола провоцирует особую стилистику общения. Здесь властвует флирт.

Флирт – любовно-эротическая игра, кокетство. Флирт окрашивает своеобразными интонациями голос, веселит и лукавит взгляды. Флирт волнует кровь. Здесь присутствует провокация, эротический подтекст.

Общение юношей и девушек включает в себя специфические мужские и женские позы и жесты. Многие молодые вольно или невольно захвачены заимствованными из своей или иной культуры способами кокетства и обольщения «другой стороны». Девушки рдятся во флер, тонкие шелковые ткани, надевают одежды, подчеркивающие их женские прелести. Юноши также не хотят отставать в приемах и форме одежды, усиливающих их физическую мужественность. Иной раз российский молодой человек демонстрирует свою мужскую статью по типу латиноамериканских мачо, так как физически этот образ весьма выразителен. Одежды, позы и жесты – знаковая идентичность, которая имеет значение в узнавании и приятии (или неприятии) представителей своего круга и возраста.

Диапазон общения может быть столь разнообразно представлен в реальной жизни молодого поколения, что трудно описать даже типичное. Однако можно указать на крайние проявления в отношениях между юношами и девушками: всегда поколение молодых порождает своих романтиков и своих циников.

Романтизация другого – внутренняя потребность возвышенной души. Идеализация, поэтизация другого дает упоительное волнение, творит ощущение душевного полета, раскрывает удивительную красоту и бесконечную многозначительность мира и в то же время обрекает на неизмеримые страдания из-за собственного несовершенства.

Юный романтик может переживать общение с идеальным образом в своем воображении.

Левушка Толстой признавался: «... После ужина и иногда ночной прогулки с кем-нибудь по саду – один я боялся ходить по темным аллеям – я уходил один спать на полу, на галерею, что, несмотря на миллионы ночных комаров, пожиравших меня, доставляло мне

большое удовольствие. В полнолуние я часто целые ночи напролет проводил сидя на своем тюфяке, вглядываясь в свет и тени, вслушиваясь в тишину и звуки, мечтая о различных предметах, преимущественно о поэтическом, сладострастном счастье, которое мне тогда казалось высшим счастьем в жизни, и толкуя о том, что мне до сих пор дано было только вообразить его. Все получало для меня другой смысл: и вид старых берез, блестящих, с одной стороны, на лунном небе своими кудрявыми ветвями, с другой – мрачно застилавших кусты и дорогу своими черными тенями, и спокойный, пышный, равномерно, как звук, возмраставший блеск пруда, и лунный блеск капель росы на цветах перед галереей, тоже кладущий поперек серой рабатки свои грациозные тени, и звук перепела за прудом, и голос человека с большой дороги, и тихий, чуть слышный скрип двух старых берез друг о друга, и жужжание комара над ухом под одеялом, и падение зацепившегося за ветку яблока на сухие листья, и прыжки лягушек, которые иногда добирались до ступеней террасы и как-то таинственно блестя на месяце своими зеленоватыми спинками, – все это получало для меня странный смысл – смысл слишком большой красоты и какого-то недоконченного счастья. И вот являлась она с длинной черной косой, высокой грудью, всегда печальная и прекрасная, с обнаженными руками, с сладостными объятиями. Она любила меня, я жертвовал для одной минуты ее любви всей жизнью» [25, с. 310–311].

В это же самое время юный Левушка, общаясь с юными девицами, демонстрировал им принятое в обществе поведение. Он был идентифицирован с принятой культурой и проявлял себя соответственно своему хорошему воспитанию.

«После обеда я иногда удостоивал девочек ездить верхом с ними (ходить гулять пешком я считал нецелесообразным с моими годами и положением в свете). И наши прогулки, в которых я провожу их по необыкновенным местам и оврагам, бывают очень приятны. С нами случаются иногда приключения, в которых я себя показываю молодцом, и дамы хвалят мою езду и смелость и считают меня своим покровителем» [25, с. 309].

Юноша из благородного семейства, хорошего воспитания мечтает о близости с Ней – Прекрасной Дамой. Каким преображенным он видит привычный мир дивной природы, сколь высоко он ценит любовь! «Я жертвовал для одной минуты ее любви всей жизнью», – свидетельствует Левушка. От ожидания любви душа романтика преображалась, мир раскрывался по-новому. Временами он испытывал *тоску и одиночество*.

Готовность к страстной любви, муки чувственных волнений в воображаемых обстоятельствах приводят к чувству одиночества, обособления от всего мира. Н.А. Бердяев писал: «Тема одиночества – основная. Обратная сторона ее есть тема общения. *Чуждость и общность* – вот главное в человеческом существовании» (курсив мой, В.М.) [26, с. 39]. Романтики часто одиноки и отчуждены от других и от самих себя. Они невосполнимо несчастны.

В то же время уже в юности произрастают *циники* – юноши и девушки, легко проявляющие грубую откровенность, вульгарно бесстыдные к нормативам нравственности, благопристойности, к человеческим ценностям, пользующимся всеобщим признанием. Это могут быть спонтанные циники, поступающие бесстыдно от неведения, от отсутствия культуры, но это могут быть *юноши и молодые люди*,

которые приняли для себя циничное отношение к другим, ко всему миру в целом в качестве своей жизненной философии.

В отношениях со сверстниками противоположного пола их цинизм особенно устрашает.

Приведу пример из книги Э. Лимонова «Подросток Савенко»: «После яростной и унижительной близости Светка обращается к долгое время обожавшему ее Эди.

– Ну и что? – спрашивает Светка тихо. – Ты видишь, ты опоздал.

Эди вначале даже не понимает, что Светка имеет в виду под этим “опоздал”. Он недолго смотрит на Светку.

– Как видишь, – говорит Светка, – я уже не целка. – Говорит она цинично-спокойно, как бы совсем другая женщина, а не та Светка, которую он знал до сих пор, разговаривает сейчас с Эди-бэби. “Целка” в ее устах звучит противно, как будто сказал это Вовка Золотарев или Славка Цыган. Грязно как-то звучит. Так вот она какая, Светка, на самом деле, думает Эди.

– Шурик? – спрашивает он.

– Какой там Шурик, – презрительно усмехается Светка. – Два года назад еще меня трахнул один из отцовских друзей, пьяный был. Отец уже умер с перепоею, а друзья его к нам все еще ходили. “Заботились об одинокой вдове с ребенком”, – саркастически передразнивает кого-то Светка.

– А Шурик? – спрашивает Эди.

– Дался тебе этот Шурик, – говорит Светка почти дружелюбно. – Ну и Шурик, – добавляет она смело и усмехается. – Не переживай, – говорит Светка, – я его не люблю. Я никого не люблю...

– И меня не любишь? – спрашивает Эди зло. Он приподнялся на локте и смотрит на Светку во все глаза. Он не может до сих пор поверить, что это та самая Светка, с которой он расстался до праздников – три дня назад. Всего три дня назад.

– Ты мальчик, – отвечает Светка задумчиво. – А я женщина. Мужчина должен быть намного старше женщины, потому что женщина созревает быстрее. Так чтобы быть равными в постели, мужчина должен быть намного старше. Лет на десять минимум, – заключает Светка.

Эди-бэби, стесняясь, подтягивает брюки, встает, застегивается, но Светка продолжает лежать на полу. Снизу, с полу, она вдруг говорит Эди:

– Я очень испугалась тебя, извини. Вообще-то я собиралась давно тебе все рассказать, но все оттягивала. Боялась. Мать говорит, ты такой чувствительный, к тебе нужен особый подход. Потом ты всегда ходишь с этой ужасной бритвой. – Светка замолкает.

– Я тебя хоть раз обидел? – спрашивает Эди.

– Один раз показывал нож. – говорит Светка. Эди-бэби подбирает с полу свою тетрадку со стихами. Во время потасовки тетрадь выпала из кармана куртки. Светка встает и опять натягивает материн халат.

– Уходишь? – спрашивает она грустно.

– Ответь мне на один вопрос, – обращается к ней Эди задумчиво. – На х*я ты во все это играла? Знаешь. поцелуй, зажженный газ у тебя на кухне, вино, я, м***к, читающий тебе свои стихи. Если ты меня не любила, зачем все это?

Светка молчит, потом, трудно подыскивая слова, говорит:

– Видишь ли, ты этого сейчас не поймешь. Дело в том, что в каком-то смысле я тебя любила и люблю.

Эди насмешливо и зло кивает головой.

– Я вижу, – говорит он. – Ты меня любишь.

– Да, люблю, – говорит Светка, – но не как мужчину. Мне всегда нравилось с тобой разговаривать, и ни с кем я не чувствовала себя так уютно, как с тобой. Мне было очень с тобой интересно. Ты необыкновенный парень.

– Кончай, – морщится Эди. – Можно и без этого.

Светка замолкает.

– Ну, я пошел, – говорит Эди. – Прощай! – говорит он» [27, с. 259–298].

Юный влюбленный подросток Савенко подспудно чувствовал, что сведение его чувства к Светке к одному лишь сексу есть унижение и Светки, и самого себя. *Чистый секс есть отрицание любви во всей полноте ее возможных форм существования.* И тогда от отчаяния, от потери поправленной любви мальчишка яростно уничтожает и без того не лучшую ситуацию в его жизни.

Циничные, срамные слова, которые используются во время секса, ярость и недоумение юного любовника не перекрывают цинично-спокойной позиции молодой девушки из социально ущербной среды. Здесь налицо агрессивное отчуждение. И это тоже общение со сверстниками противоположного пола. Общение по поводу любви и секса. Но и в этом случае мы видим, что и циники подвержены чувству покинутости и одиночества.

Кроме романтиков и циников в общении полов взаимодействуют восторженные и рациональные личности. Когда носители этих противоположностей воссоединяются друг с другом и, стремясь к взаимной идентификации в чувствах, беседуют по поводу любви, то видно, насколько неравнозначны их отношения: восторженный, склонный к экзальтации в крайнем возбуждении делает поспешные предложения, а рациональный рассудочно и логично оценивает результаты своих побед и возможность продолжения отношений. Здесь не важно, кто из двоих экзальтирован, а кто свободен от влияния этих эмоций. Их ждут несовпадения. Рациональный занимает более защищенную позицию.

Из дневника Марии Башкирцевой, которой скоро 16 лет:

«16 марта. К десяти часам приходит Пьетро. Зала очень велика и очень хороша; у нас два рояля – один с длинным хвостом, другой – маленький. Я принялась тихонько наигрывать “Песню без слов” Мендельсона, а А. запел свой собственный романс. Чем серьезнее и горячее он становился, тем более я смеялась и становилась холодна. Для меня невозможно представить А. серьезным.

Все, что говорит любимая женщина, вероятно, кажется очаровательным. Я иногда могу быть забавной для людей равнодушных ко мне, для равнодушных – и подавно. Среди фразы, преисполненной любви и нежности, я говорила какую-нибудь вещь – неодолимо смешную для него, и он смеялся. Тогда я упрекала его за этот смех, говоря, что я не могу верить ребенку, который никогда не бывает серьезен и который смеется, как сумасшедший, от всякого пустяка. И так – много раз, так что он наконец пришел в отчаяние. Он стал рассказывать, как это началось: с первого вечера – на представлении Весталки.

– Я так люблю вас, – сказал он, – что готов бог знает что сделать для вас. Скажите, чтобы я выстрелил в себя из револьвера, я сейчас сделаю это.

– А что бы сказала ваша мать?

– Мать моя плакала бы, а братья мои сказали бы: “Вот нас стало двое вместо троих”.

– Это бесполезно, я не хочу подобного доказательства.

– Ну так чего же вы хотите? Скажите! Хотите, чтобы я бросился из этого окна – вон в тот бассейн? <...>

– Через месяц я уеду, и все будет забыто.

– Я поеду за вами повсюду.

– Вам не позволят.

– Кто же мне может помешать? – воскликнул он, бросаясь ко мне.

– Вы слишком молоды, – говорю я, переменяя музыку и переходя от Мендельсона к ноктюрну, более нежному и более глубокому.

– Женюсь. Перед нами такое прекрасное будущее.

– Да, если бы я захотела его!

– Вот те на! Конечно, вы хотите!

Он приходил все в больший и больший восторг; я не двигалась, даже не менялась в лице.

– Хорошо, – говорю я, – предположим, что я выйду за вас замуж, а через два года вы меня разлюбите.

Он задыхался.

– Нет, к чему эти мысли? <...>

Верный Пьетро, – не то чтоб я ничего не чувствовала к нему, напротив, но я не могу согласиться быть его женой. Богатства, виллы, музеи всех этих Рисиоли, Дория, Торлопи, Воргезе, Чиара – постоянно давили бы меня. Я прежде всего честлюбива и тщеславна. <...>

– Суббота, 18 марта. Мне никогда не приходится ни на минуту остаться наедине с А. – это меня сердит. Я люблю, когда он говорит, что любит меня. С тех пор как он все высказал мне, я постоянно сижу, опершись локтями на стол, и думаю. Я люблю, может быть. Всегда, когда я утомлена и наполовину дремлю, мне кажется, что я люблю Пьетро. Зачем я так тщеславна? Зачем я честлюбива? Зачем я так рассудительна? <...>» [28, с. 60–61].

Даже когда нет любви, девушка продолжает вести амурную линию в общении – ведь когда тебе говорят слова любви, это так греет, волнует и так радует сердце. Горячность поклонника возбуждает чувства и в той, кому поклоняются.

«Пятница, 19 мая. Я написала ему в восьми словах следующее:

“Уходите в двенадцать часов, поговорю с вами внизу”.

– Поняли? – спрашиваю я, стирая.

– Да.

С этой минуты я почувствовала облегчение и была как-то странно возбуждена. Я каждую минуту оборачивалась на часы и боялась, как бы не поняли причину этого. Как будто бы можно было отгадать! Только нечистая сила способна мучить себя этими страхами. В двенадцать часов он встал и простился, крепко сжимая мне руку.

– Прощайте, – сказала я ему.

Глаза наши встретились, и я не сумею описать, какая между нами пробежала искра.

– Итак, тетя, завтра утром мы уезжаем; идите к себе, я вас там запру, а то вы будете мне здесь мешать писать, я скоро лягу.

– Ты обещаешь?

– Конечно.

Я заперла тетю и, бросив взгляд в зеркало, спустилась по лестнице, куда Пьетро уже раньше проскользнул, как тень.

– Когда любишь, столько говорится друг другу даже молча! По крайней мере, я вас люблю! – прошептал он. Я забавлялась, разыгрывая сцену из романа и невольно думая о Дюма.

– Я завтра еду. И нам надо серьезно переговорить, я чуть было не забыла!..

– Да, просто ничего в голову не идет...

– Пойдемте, – говорю я, притворяя дверь так, что сквозь щель падал слабый луч света.

И я села на последней ступеньке маленькой лесенки, в глубине коридора. Он стал на колени.

Каждую минуту мне казалось, что кто-то идет, я неподвижно застывала, содрогаясь от каждой капли дождя, ударявшего в стекла.

– Да это ничего, – говорил он.

– Вам хорошо говорить! Если бы кто-нибудь пришел, вы будете польщены, а я пропала бы!

Закинув голову, я смотрела на него сквозь ресницы.

– Со мной? – сказал он, поняв мои слова в другом смысле. – Со мной? Я слишком люблю вас, вы можете быть вполне спокойны.

Я протянула ему руку, услышав эти благородные слова.

– Разве я не был всегда приличен и почтителен?

– О нет, не всегда. Раз вы даже хотели меня обнять.

– Не говорите об этом, прошу вас. Ведь я так просил простить меня. Будьте добрая, простите меня.

– Я простила вас, – сказала я потихоньку.

Мне было так хорошо! Так ли это бывает, думала я, когда любят? Seriously ли это? Мне все казалось, что он сейчас рассмеется, – так он был сосредоточен и нежен. Я опустила глаза перед этим необычайным блеском его глаз.

– Ну, видите, мы опять забыли говорить о делах; будем серьезны и поговорим.

– Да, поговорим.

– Во-первых, как быть, если вы уезжаете завтра? Не уезжайте, прошу вас, не уезжайте!

– Это невозможно, тетя.

– Она такая добрая! Оставайтесь.

– Она добра, но она не согласится. И поэтому – прощайте. может быть, навсегда!

– Нет, нет же, ведь вы согласились быть моей женой.

– Когда?

– В конце этого месяца я буду в Ницце. Если вы согласитесь на то, чтобы я удрал, сделав долг, я поеду завтра же.

– Нет, я этого не хочу; в таком случае я вас больше не увижу.

– Но вы не можете помешать мне ехать безумствовать в Ниццу.

– Нет, нет, нет, я вам это запрещаю!

– Ну, так надо ждать, чтобы мой отец дал мне денег.

– Послушайте, я надеюсь, что он будет рассудителен.

– Да он ничего не имеет против, мать говорила с ним; но если он не даст мне денег? Вы знаете, как я зависим, как я несчастлив!

– Потребуйте.

– Дайте мне совет, вы, рассуждающая как книга, вы, говорящая о душе, о Боге; дайте мне совет.

– Молитесь Богу, – говорю я, подавая ему мой крест и готовая рассмеяться, если он примет это в шутку, и соблудости свой строгий вид, если он примет это серьезно.

Он увидел мой невозмутимый вид, приложил крест ко лбу и опустил голову в молитве.

– Я помолился, – сказал он.

– Правда?

– Правда. Но дальше... Итак, мы поручим это барону Висконти.

– Хорошо.

Я говорила “хорошо”, а думала: “Это мы еще посмотрим”.

– Но это еще нельзя сделать так скоро, – сказала я.

– Через два месяца.

– Вы смеетесь? – спросила я, как будто это было совершенно невозможно.

– Через шесть.

– Нет.

– Через год?

– Да, через год. Вы подождете?

– Если нужно; только бы я мог видеть вас каждый день.

– Приезжайте в Ниццу, потому что через месяц я уезжаю в Россию!

– Я поеду за вами.

– Это невозможно.

– Почему?

– Мать моя не захочет.

– Никто не может помешать мне путешествовать.

– Не говорите глупостей.

– Но ведь я вас люблю!

Я нагнулась к нему, чтобы не потерять ни одного его слова.

– Я всегда буду любить вас, – сказал он. – Будьте моей женой.

Мы входим в банальности влюбленных, банальности, которые становятся божественными, когда люди действительно полюбили навсегда.

– Да, право, – говорил он, – это было бы так хорошо – прожить жизнь вместе, у ваших ног, обожая вас. Мы оба будем стары, так стары, что будем нюхать табак, и все-таки всегда будем любить друг друга. Да, да, да. милая!..

Он не находил других слов, и эти слова, такие обыкновенные, становились в его устах величайшей лаской.

Он смотрел на меня, сложив руки. Потом мы рассуждали, потом он бросился к моим ногам, крича задыхающимся голосом, что я не могу его любить, как он меня любит, что это невозможно» [28, с. 79–82].

Совсем юная, но тонкая, умная и рациональная особа, наслаждаясь страстными чувствами влюбленного в нее юноши, испытывает восторг от того, что она любима.

В 19 лет Мария писала в своем дневнике:

«М. говорит мне о своей любви... Это опять прежняя история: я не люблю его, но его огонь очень согревает меня. Он говорит так хорошо. Он даже плакал. Приближаясь к дому, я смеялась меньше, я была размягчена этой прекрасной ночью и этой песней о любви. Ах, как это хорошо – быть любимой!.. нет ничего в мире, что могло бы сравниться с этим» [28, с. 189–190].

Романтика, восторг – знаки юношеской любви. В ранней юности даже самые светлые головы и рациональные умы жаждут восторга от романтических отношений.

Едва потеряв надежду на продолжение любовных песнопений, девушка становится грустной и одинокой. Юноша, не получивший поощрения, также склонен к печали и переживанию своей покинутости и ненужности. Спасение юность находит в убежении в иной мир – мир воображения. Н.А. Бердяев писал в своей философской автобиографии: «Прежде всего я убежден в том, что воображение есть один из путей прорыва из этого мира в мир иной» [26, с. 39]. Воображение помогает юным спастись от напряжения взаимных отношений и в своем внутреннем мире создать условия, благоприятствующие вождленному общению.

Позднее, заручившись некоторым жизненным опытом, став увереннее в себе, юноша становится достаточно самоактуализированным и, следовательно, достаточно устойчивым к перипетиям отношений с представительницами противоположного пола. Теперь даже в любви молодой человек способен оставаться вполне самодостаточным, сохраняя свою индивидуальность и личностную автономность.

Именно об этом феномене писал А.Г. Маслоу: «... может показаться парадоксальным, так как индивидуализм и отчужденность на первый взгляд абсолютно несовместимы с той особого рода любовной идентификацией, которую мы обнаружили у самоактуализированных индивидуумов, отчужденность здорового человека может гармонично сочетаться с его абсолютной, полной идентификацией с предметом своей любви» [29, с. 280]. В контексте нормальных здоровых отношений это действительно так – и не должно быть иначе: у самоактуализированных юных и молодых людей нормальная отчужденность здорового юноши может гармонично сочетаться с его абсолютной идентификацией с предметом его любви.

Постепенно, набирая жизненный опыт, юный человек открывает для себя, что любовное отношение к человеку – это моральное отношение к нему. С.Л. Рубинштейн писал: «Моральный смысл любви (любви мужчины и женщины) в том, что человек обретает исключительное существование для другого человека, проявляющееся в избирательном чувстве: он самый существующий из всего существующего. Быть любимым – это значит быть самым существующим из всего и всех» (курсив мой, В.М.) [8, с. 373]. Взаимная любовь в юности выступает как первейшая

потребность девушек и юношей, как высшая форма общения, утверждающая, романтизирующая существование другого человека. В этом проявлении – истинные чувства, возвышаемые духовным подъемом эмоций, чувств и разума юной развитой личности,

Итак, общение со сверстниками противоположного пола несет в себе в ранней юности возможность развиваться личностно и социально через ценностные и романтические отношения. Молодые люди учатся взаимной идентификации, открывая для себя невозможность своего существования как изолированного «Я» в сфере отношений мужчины и женщины. Любовная идентификация открывает юному человеку способность радоваться существованию другого, любимого человека. При этом развитая личность влюбленного не растворяется в другом абсолютно, а, оставаясь достаточно обособленной и самоактуализированной, проявляет себя в высшей степени способной к любви и сохранению своей личной целостности. *Истинная любовь способствует полному и глубокому подъему чувств личности, развивая потенциал юного человека до уровня глубокой чувствительности к значениям и смыслам внешних реалий (природе, предметного мира, образно-знаковых систем и сфер социально-нормативного пространства), а также к самому человечеству через любовь к юной девушке, как к исключительному дорогому человеку, через любовь к своим друзьям и родным или обретенную в перипетиях жизни дорогим близким людям – ровесникам или старшим.*

Общение со сверстниками противоположного пола в высшем проявлении своего потенциала – школа социальных отношений и восхождения личности к вершинам своего «Я», к вершинам самоактуализации, к духовному акме.

3. Феноменология энергетического потенциала в юности.

Эволюционные и исторические послы обостренной чувственности

Феноменология энергетического потенциала в юности. Обсуждая особенности развития в отрочестве – в период начала интенсивного созревания пола (в период восхождения пубертата) и его энергетического потенциала, мы достаточно подробно останавливались на идеях, которые побудили философов и ученых к познанию феномена *энергетизма*, как философского учения, в основе которого лежит представление об энергии как субстанциональной и динамической первооснове мира [30, с. 547].

Наиболее последовательным теоретиком энергетизма стал немецкий философ и ученый, член-корреспондент Императорской академии в Санкт-Петербурге (1896), лауреат Нобелевской премии по химии (1909) Вильгельм Фридрих Оствальд (1852 – 1932). В.Ф. Оствальд пришел к пониманию того, что энергия, а не материя является «единственной субстанцией мира», и что материя сущностно соединена с энергией [30]. Интересы В. Оствальда касались диапазона от химической энергии и раздражимости нервной системы, вплоть до духовной жизни. Философ исходил из «энергетического мирозерцания» [31, с. 120]. Он настаивал на том, что материя сущностно соединена с энергией («материя рядом с энергией», «материя тождественна энергии»), что существует пространственная связь различных энергий.

В России энергетические послы В. Оствальда произвели эффект бума*.

Как бы то ни было, ученые-естествоиспытатели были задеты идеей мировой энергии материи. Они не пропустили безразлично послы В. Оствальда. Так, отечественный физиолог и психолог Иван Михайлович Сеченов (1829–1905) не смог не писать о том, что «наука показала, что по телу нашему идет каждое мгновение необозримое количество электрических токов, и что присутствие их в жидкостях без электролиза невозможно» [32, с. 18].

Несколько позднее Иван Петрович Павлов (1849–1936), создавая учение об условных рефлексах и их сигнальной функции, изучал: проявления психической активности животных и человека; степени человеческой энергии; формы жизненной энергии человека; превращение энергии в нервный процесс и др.

Преемственность идеи феномена энергии продолжалась.

Владимир Михайлович Бехтерев (1857–1927) – русский невропатолог, физиолог, доктор медицины, психиатр и психолог изучал идеи В. Оствальда о феномене энергии. Особый интерес В.М. Бехтерева вызвала идея о психической энергии, о психическом импульсе. Мыслитель сформулировал «закон сохранения энергии в отношении психики».

Обращаясь к проблеме жизни, В.М. Бехтерев выделял так называемую скрытую жизнь. При этом он выражал уверенность в том, что «присутствие скрытой энергии мы встречаем уже на пороге жизни» [33, с. 90]. Он выражал уверенность в том, что «естественно представлять, что жизнь и психизм – два неразрывных явления, обязанные одной общей скрытой энергии» [33, с. 91].

В.М. Бехтерев неустанно утверждал, «что жизнь и психизм одно и то же, что все основные жизненные процессы обуславливаются особой скрытой энергией, которая лежит также в основе психических процессов...» (курсив мой, В.М.) [33, с. 91].

Внимательное прочтение трудов В.М. Бехтерева приводит к пониманию того, что идеи ученого, касающиеся феномена активности психики и общих законов сохранения энергии, нельзя отпустить в небытие – эти идеи должны быть сохранены для последующего внимания, изучения и развития.

Я писала в разделе III Отрочество о разделяемых мной идеях В.М. Бехтерева, как «важно обратиться к обсуждению феноменологии энергетического потенциала подростков» [30, с. 550]. Отрочество относят к предпубертатному и пубертатному периодам – этапам полового созревания и сопутствующему ему интенсивному неравномерному развитию и росту тела, формированию высших психических функций. При этом специально следует указать на появление у некоторых подростков ощущения в себе чувства скрытой энергии. В то же время иные отроки продолжают сохранять в себе инфантильные, по сути детские еще признаки физического и психического состояния.

В юности та часть отроков, которая сохраняла в подростничестве инфантильные признаки физического и психического состояния, начинает пробуждаться и продвигаться в своем развитии по направлению к пубертатному периоду – этапу полового созревания и сопутствующему ему интенсивному неравномерному развитию и росту тела, формированию высших психических функций и осознанию и

* Бум [англ. boom] – оживление вокруг какого-либо события; шумиха, сенсация.

принятию себя социально и психологически взрослеющим и, стало быть, ответственным за себя перед обществом, своим государством и своей Родиной.

Проблемы психосексуального развития в юности. В связи со значимостью проблемы физического и психического развития в юности, необходимо обратиться к работам специалистов.

Дмитрий Васильевич Колесов (1936–2007) – доктор медицинских наук, профессор, действительный член АПН СССР (1978). Сфера научных интересов: педиатрия, возрастная физиология, общая и возрастная психология, социальная психология. Ученый изучал закономерности психосексуального развития на всех этапах возраста человека [34].

Д.В. Колесов обладал удивительной способностью доступным чистым русским языком писать о проблемах психосексуального развития человека, начиная с этапа детства. Он писал: «Психосексуальное развитие ребенка – созревание способности любить, создавать со временем собственную семью, родить и воспитать детей, а также общаться с окружающими, интуитивно и осознанно учитывая их особенности, связанные с половой принадлежностью» [34, с. 57]. Врач и ученый-исследователь в спокойном тоне, хорошим русским языком беседовал со своим читателем о том, что комплекс свойств и качеств, характеризующих половую принадлежность человека со стороны его поведения, развивается, начиная с раннего возраста, и со временем достигает степени, свойственной взрослому. Это происходит постепенно.

Постепенно развитие тела, психики и духовности складывается в систему, определяющую отношение человека к своему и другому полу. Со временем человек становится способным осознавать свои возможности, стремления и предпочтения в этой сфере.

Д.В. Колесов указал на «три главных компонента психосексуального развития:

- Элементарные сексуально значимые реакции;
- Различение ребенком людей по полу и осознание собственной половой принадлежности; усвоение соответствующей социальной роли;
- Половое влечение, его формирование и созревание.

Из названных компонентов формируется целостная система физиолого-психологических реакций и их самооценки; развиваются вкус и сексуальные предпочтения; накапливается опыт межполовых отношений» [34, с. 57].

Специалист в области возрастной физиологии и возрастной психологии Д.В. Колесов уведомлял своих коллег и молодежь в том, что в любой жизненной ситуации в поведении ребенка, подростка, юноши, взрослого может происходить что-то от любого из названных трех компонентов. И от их сочетаний, и ото всех трех сразу.

Обсудим последовательно сущностные особенности трех главных компонентов.

Первый компонент: элементарные сексуально значимые реакции. Они могут быть рефлексорными и поведенческими. Наиболее явная из них – эрекция*. Эта

* Эрекция [лат. erectio выпрямление]. 1. выпрямление, увеличение объема и отвердевание мужского полового члена, наступающее в результате наполнения кровью полостей пещеристых тел под влиянием нервных импульсов при половом возбуждении; 2. выпрямление какой-либо части тела, например туловища.

автоматическая реакция проявляется у малыша-мальчика, начиная с возраста одного-двух месяцев, при наполнении мочевого пузыря. Это именно сексуальная реакция. Мочеиспусканию эрекция препятствует. То, что может происходить – это проявление полноценности центра эрекции.

Эрекция эпизодически бывает спонтанно во все периоды детства, однако чаще она отмечается у подростков (10-12 до 15-16 лет). У старших подростков она порою длительна: до нескольких часов в сутки на протяжении нескольких недель или месяцев. Это результат влияния на центр эрекции возникающего в крови количества половых гормонов.

У подростков, юношей и молодых мужчин эрекция нередко возникает во время поездок в транспорте – при ритмичной тряске или вибрации, при физическом напряжении, особенно борьбе, «возне» и т. д. Иными словами: *по неспецифическим причинам*. Не в связи с моментами общения с представителями женского пола.

У созревших, взрослых мужчин эрекция возникает под влиянием сексуально значимого объекта. *Постепенно формируется механизм торможения эрекции в ситуациях, когда она неуместна.*

У девушек и женщин могут случаться аналогичные эрекции реакции. Однако незначительные размеры соответствующего органа (клитора) делает ее практически незаметной.

Еще одна способная к эрекции часть тела – соски молочных желез. Их эрекция эпизодически и кратковременно бывает у подростков в ходе полового созревания, изредка – у мужчин. У девушек и женщин эрекция сосков регулярная и важная реакция. Способность сосков к эрекции – признак хорошего развития молочных желез, независимо от их размеров. Это важно при кормлении ребенка грудным молоком. Кроме того, эрекция сосков является признаком сексуального возбуждения, она возникает в соответствующих ситуациях. Однако у женщин со слабой способностью сосков к эрекции ее отсутствие в соответствующей ситуации не является признаком отсутствия такого возбуждения.

Сексологи и сексопатологи обсуждают проблему половой конституции в контексте разных возрастных периодов. Однако оценка интенсивности сексологических проявлений только в возрастном аспекте, без учета индивидуальных черт сексуальной организации человека, не может считаться достаточной. Клинические наблюдения показывают, что сексологически здоровый мужчина при определенных обстоятельствах может вообще не иметь *поллюций*. В сфере половой активности то, что для одного предстает как *эксцесс*, у другого вызывает *явления половой абстиненции**. В этом случае без опоры на критерии, позволяющие оценить половую конституцию мужчины, сексолог в ряде случаев не может понять (определить) – имеет ли он дело с больным или перед ним представитель конституционального типа, соответствующего *крайним нормальным проявлениям зрелой сексуальности*.

Эволюционные и исторические послы обостренной чувственности: мотивационные аспекты либидо. Известно, что *либидо человека отличается двухкомпонентностью*. Это обусловлено тем, что у человека, задействованы, с

* Половая абстиненция [лат. abstinencia воздержание] – половое воздержание.

одной стороны, элементарные соматические процессы, протекающие на сегментарном уровне (генитальный аппарат), а с другой – высшие отделы центральной нервной системы, определяющие его поведенческие проявления и личностные установки. Это обстоятельство заставляет уделять особое внимание мотивационным аспектам полового влечения.

Двухкомпанентное либидо есть частное, но особенно показательное проявление биосоциальной природы человека. Оставаясь существом биологическим, подверженным голоду, холоду и страху, человек в то же время может активно и сознательно регулировать выбор цели и стиль своих действий. Так, определенная часть мужчин в шкале ценностных ориентаций которых сексуальная сфера занимает подчиненное место, когда они испытывают наибольшее вдохновение и удовлетворенность в моменты творчества, они могут воспринимать начальные стадии половой абстиненции как моменты, отвлекающие от творческого восхождения к *акме*, и оттого нежелательные, отнюдь не отторгая в принципе половое возбуждение и удовлетворение.

Таким образом существует две категории мужчин, которые, не отказываясь от радости сексуального удовлетворения, все же прежде всего ценят в них средство избавления от сексуального напряжения, отвлекающего их от выполнения столь значимых для них творческих разрешений, возникших (в науке, в искусстве и др.) проблем. Эта мысль проводится на страницах руководства для врачей [35, с. 144–148].

С глубоким уважением относясь к осведомленности отечественного невропатолога, основоположника советских сексологии и сексопатологии, доктора медицинских наук Георгия Степановича Васильченко (1921–2006) и его высокому профессионализму, хочу задать вопрос: «Почему Вы, глубокоуважаемый Георгий Степанович, автор и редактор столь серьезной монографии, не пишете тех же слов о творчески ориентированных женщинах? Ведь они так же могут быть подвержены сильнейшему влиянию творческих состояний ума и души».

Хочу здесь специально обратиться к юным, входящим в реальную жизнь: «Хотя многие из вас проходят в эту пору разные периоды своего взросления, не помешает узнать какие перипетии вам предстоит переживать в ближайшем будущем. Уже в молодости, которая не за горами. Вам предстоит еще многое постичь о себе как о биосоциальных единицах и как об уникальных личностях».

3. Раннее материнство и отцовство

Материнство и отцовство в юности. Материнство и отцовство связаны с представлениями о семье, семейных отношениях.

Семья – близкие родственники, идентифицирующие друг с другом и живущие вместе. В первую очередь это родители с детьми. Общее в семье имеет определяющее значение.

В каждой культуре придается особое значение ценности семьи, однако разные культуры включают семью в разные ментальные отношения. Прежде всего это отношения *мужчины и женщины* в семье и их отношение к своему *ребенку*. Именно социальная ситуация формирует мужчину как отца, а женщину как мать.

Э. Эриксон справедливо указывал на то, что «юноша, физически созревший для деторождения, все же не способен любить так, чтобы чувствовать связь с другим человеком (это могут давать друг другу лишь люди с *достаточно сформированной идентичностью*), он не может последовательно прилагать усилия, чтобы быть родителем» [36, с. 255].

Два пола, конечно, различаются в отношении психосексуального развития и развития готовности к родительству и семейным отношениям: материнство – это физическое и психологическое состояние, а также социальная роль; отцовство – это психическое состояние и социальная роль.

В режиме развития способности к материнству и отцовству взросление может быть замедлено или интенсифицировано. Движение к отцовству и материнству имеет свои закономерности в развитии юноши и девушки в этой сфере. «Какими бы ни были частичные удовлетворения и частичные воздержания, характеризующие добрачную половую связь в разных культурах – удовольствие ли и гордость от мощной детородной активности без каких бы то ни было обязательств, или эротическое состояние без детородного завершения, или дисциплинируемое и самозабвенное замедление, – развитие “эго” использует психосексуальные силы юности для усиления стилевой определенности и идентичности. Здесь также человек никогда не является животным: даже тогда, когда общество содействует близости полов, оно делает это стилизованным способом. С другой стороны, сексуальный акт, говоря биологически, – это акт порождения потомства, и в любой социальной ситуации, которая в конечном итоге неблагоприятна для завершающей фазы порождения потомства и заботы о нем, существует элемент психобиологической неудовлетворенности, которую здоровые в других отношениях люди могут вытерпеть, так же как можно выдержать и все другие частичные воздержания, оказывающиеся для определенных периодов и в особых условиях благоприятными для целей формирования идентичности. У женщины, несомненно, эта неудовлетворенность играет намного большую роль вследствие ее более глубокой включенности, физиологически и эмоционально, в половой акт как первый шаг в обязательство порождения потомства, о котором ей регулярно напоминает, телесно и эмоционально, ее ежемесячный цикл» [36, с. 255–256]. Юность обладает чувством постоянной неудовлетворенности и природной плодовитости – это обстоятельство постоянно создает ловушки для естественного материнства и отцовства.

Материнство – особое состояние женщины-матери в период беременности, родов, кормления новорожденного, а также свойственное женщине-матери чувство любви к своему ребенку, желание быть матерью.

Отцовство – осознание кровного родства между мужчиной и его ребенком, а также чувство покровительства, ответственности и любви.

Сегодня, как об этом уже говорилось выше, реальная ситуация складывается таким образом, что она может негативно влиять на отношения юной девушки к материнству. Эта же социальная ситуация исподволь влияет и на юного потенциального отца.

Глубинно конец XX и начало XXI в. создают условия, которые влияют на традиционно сложившуюся ментальность материнства.

Ментальность – это уровень индивидуального и общественного сознания. Контекст ментальности материнства зависит от общей социальной ситуации. Сегодня в числе прочих проблем, связанных с глобализацией, это и социальные перемены, отражающие новые достижения в репродукции с помощью медицины. Речь идет о социальном родительстве и биологических предтечах происхождения ребенка, о донорском материнстве, анонимном предоставлении спермы, заимствовании чужой яйцеклетки и о многом другом. Эти достижения науки и техники, реально помогая отдельным людям – женщинам, мужчинам, семьям, в действительности отчуждают ценность материнства как уникальную, неповторимую возможность зачать, выносить и выпестовать ребенка. Отчуждение может происходить как в общественном самосознании, так и в самосознании будущей матери. Каждая юная женщина, как потенциально уникальная личность, сама может определить свое отношение к материнству. Но, если юная женщина живет во время, когда благодаря новым достижениям науки материнство вольно или невольно девальвируется, ей может быть чрезвычайно сложно обрести себя в предстоящем материнстве.

Материнство как психологическое состояние и присваиваемая феноменологическая культурная ценность определяет особенности самосознания женщины – биологической матери. В сфере притязаний на признание позиция «Я – мама» в условиях благоприятного окружения может поднимать статус юной мамы в ее собственных глазах на особое место, обусловленное традиционными ценностями. В сфере психологического времени мать центрируется на настоящем времени, в котором безусловную ценность обретает дитя.

Обсуждая социальную ситуацию, в которой юная женщина формируется как мать, сегодня следует учитывать не только тип семьи, в которой она взращивалась и формировалась, и тип ее собственной семьи, но и гонимые звучащие социальные перемены, связанные с проблемой репродукции с помощью медицины.

Кроме того, сегодня сознание человечества будоражат не только донорское материнство, не только анонимное предоставление спермы и ужасающая практика использования эмбрионов в качестве «расходного материала», но и неумолимо изменяющаяся ментальность материнства как социально-исторического явления.

В живом мире всегда есть вариации поведения – это имеет эволюционный смысл и значение. Но когда условия жизни человека складываются таким образом, что природные и исторически сложившиеся безусловные ценности начинают подавляться извращающимися привнесенными «культурой» условиями, это отражается на самосознании всех участников «новой» жизни. В том числе это отражается и на феномене материнства как на безусловной ценности, сложившейся в истории человечества.

Сегодня о будущем человеческой природы озабоченно пишут философы, психологи, медики. Поднимаются морально-нравственные проблемы генной инженерии*. В это время в условиях обыденной жизни, как это было из века в век, вырастают во множестве новые поколения мужчин и женщин, которых природа, возраст

* Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М., 2002; Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. М., 2004.

и социальные представления «о запретном и столь желанном» толкают в объятия друг друга, следствием чего становится *беременность – плод – дитя*. Новое поколение потенциальных родителей живет в иных условиях, чем предыдущие поколения.

Мы живем во времена, когда дитя можно выращивать в пробирке, и, следовательно, чудо вынашивания, рождения и взращивания начинает девальвироваться. Особенно явно это сказывается на социально ущербных слоях общества, где происходит постоянная девальвация ценностей обыденной жизни, труда, моральных правил. Здесь чаще совершаются преступления по отношению к младенцу.

Дарованную женщине природой способность воспроизведения – зачатия, вынашивания и рождения младенца – никуда не денешь. Дети появляются.

Но многие юные матери видели и слышали о клонировании, о препаратах, снижающих способность к зачатию, о выращивании клеток в пробирках, об искусственном осеменении, об искусственной матери, о матери-доноре и пр. Социально принимаемые допущения выступают как условия, которые меняют ментальность человека, в данном случае – ментальность материнства.

Конечно, каждая женщина как уникальная личность сама может определять свое отношение к материнству. Но если у женщины имеются специфические осложненные особенности, если она живет во времени, когда благодаря новым достижениям науки материнство вольно или невольно девальвируется, ей может быть чрезвычайно сложно обрести себя в материнстве.

Материнство – культурный феномен, и его смысл и значение могут меняться вместе с культурой. Материнство в норме – чувство любви и ответственности за своего ребенка, способность к рефлексии на физические и психические состояния ребенка, а также способность к психологическому его сопровождению и реальному ведению по жизни.

Материнство имеет глубокие биологические предпосылки, однако оно предстает в человеческой культуре и как сформированный в процессе исторического развития общества социальный заказ, определяющий самосознание и чувства женщины-матери.

Для нормального развития материнства как феномена женского поведения требуется ряд условий, содействующих потребностно-мотивационной сфере.

Нами были выявлены диадно-триадные отношения в любви, родительстве и детстве, которые определяют условия взаимодействия трех связанных друг с другом лиц: мать-отец-дитя.

Представим этапы развития потребностно-мотивационной сферы в индивидуальном опыте развивающегося ребенка-девочки – будущей матери:

1. *Диадно-триадные отношения*: диада «Мать-Дочь» – взаимодействие девочки с матерью (идентификация и обособление); диада «Отец-Дочь» – взаимодействие девочки с отцом (идентификация и обособление); триада «Мать-Отец-Дитя» – взаимодействие мужчины и женщины в семейном союзе, в родительской позиции и в гендерных ролях;

2. *Диада «Я-Другие»* – обучение девочки, подростка гендерным ролям в контексте игры, социальных отношений, усвоения культурных ценностей (идентификация и обособление);

3. *Диада «Мужчина-Женщина»* – переживание подрастающей девушкой физического влечения, любви, освоение ценностей половой, материнской и отцовской сферы, их дифференциация;

4. *Триада «Мать-Отец-Дитя»* – подготовка к рождению собственного ребенка (беременность и роды); общие социально психологические условия, место отца ребенка, мотивация беременности матери;

5. *Диадно-триадные отношения*: диада «Мать-Дитя» – индивидуальная привязанность к ребенку на всех этапах его развития и любовь к нему как уникальному существу; триада «Мать-Отец-Дитя»*.

Полноценное материнство предполагает сохранение любви и привязанности к отцу ребенка. Абсолютное переключение на младенца обесценивает не только союз мужчины и женщины, но и вредит самому материнству. Дитя – результат супружества, родительства, любви. Полноценное отцовство предполагает сохранение любви к матери своего ребенка и позицию ответственного отношения к своему ребенку и к своей семье.

Каждая женщина является носителем материнского потенциала как биологическая и социальная единица, а также как уникальный субъект, прошедший свой индивидуальный путь на всех этапах развития ценностной и потребностно-мотивационной сферы материнства.

Реально материнство определяет содержание материнской позиции в зависимости от физического самочувствия женщины и от конкретных социально-психологических условий, при этом ценностно-смысловые ориентации на материнство являются самыми чувствительными к жизненным обстоятельствам и перспективам.

Полноценное отцовство предполагает сохранение любви к женщине, которая произвела на свет общего ребенка, и развитие чувств к появившемуся на свет младенцу – *своему сыну* или *своей дочери*. Юный отец при этом подвергается бытовым испытаниям и испытаниям, связанным с перестройкой идентичности во многих сферах любви и других отношений.

С появлением новорожденного меняются условия жизни. Традиционно мать и новорожденного (особенно новорожденного) изолируют от внешнего мира и контактов с другими людьми. Во внешнем обособлении матери и ее ребенка заложен глубокий психологический смысл. Диада «Мать-Дитя» предопределена природой: оба они нуждаются в покое, в изоляции. Стресс, который пережила роженица, требует реабилитации и восстановления физического и психического здоровья. Новорожденный нуждается в покое и физическом ощущении матери, он тоже пережил стресс – стресс своего рождения.

В нормальных условиях социальный статус роженицы поддерживает ее в период слабости и растерянности – она окружена близкими, их вниманием, поздравлениями, подарками. Окружающие упрочивают ценность ребенка, проявляя повышенное внимание к нему, обеспечивая поддержку юной матери и создавая наилучшие условия вхождения в материнство.

* Здесь мы описываем лишь отношения-позиции развивающейся девочки – будущей матери. Подобная модель существует и для мальчика.

Юная женщина, понеся свой бесценный плод, проходит непростые инициации. Шок от беременности как неожиданности сочетается у юной девушки с *состоянием беременности*. («У меня такое чувство, как будто это происходит не со мной», «Как будто я помещена под стекло, а все происходящее – где-то далеко»). При рождении ребенка юная мать может с изумлением поделиться: «У меня такое ощущение, что к этому ребенку я не имею никакого отношения», «Я *знаю*, что я родила *этого* ребенка, но не чувствую, что он мой», «Мне так плохо, а тут еще этот ребенок!» Указание «*этот*» хотя и имеет значение «ближайший в пространственном отношении», но не несет в себе тех смыслов и эмоциональных оценок, которые присутствуют в таких понятиях, как «*мой*», «*свой*». «Мой» – всегда: мне принадлежащий; родной, близкий. А еще «мой» может обозначать того, «кому я принадлежу, частью которого я являюсь» («Дорогой мой человек», «Мой ребенок»).

Использование более отчужденного «этот» вместо «мой» и «свой» – не просто речевые просчеты. Бессознательно юная биологическая мать выражает обособление от ребенка, неудовольствие тем, что он своим появлением обременяет ее жизнь. Отчужденные юные матери могут открыто заявлять о своем неудовольствии материнскими обязанностями, о которых им настоятельно напоминают. В этом случае невозможно услышать «Мой ребенок» – ведь мать явно отчуждена от рожденного ею ребенка.

Отчужденная мать может принять позицию *непринятия* или открытого *отвержения* ребенка. Отвержение – отвергание, избегание, пренебрежение – одно из проявлений отчуждения. Отчуждение – позиция отделения, обособленности, прекращение близости. Исследования криминального насилия ярко иллюстрируют ошибочность распространенного мнения о безусловной ценности ребенка для его родителей [37, с. 134–135]. Наиболее драматична ситуация, когда в роли отвергающей, не принимающей стороны выступает мать ребенка.

Термин «непрятие» используется в значении выражения такого отношения матери к своему ребенку, при котором она либо еще не способна, либо не хочет удовлетворять его естественные потребности в пище, тепле, чистоте, а также потребность в нормальном психическом развитии, реализуемую обычно в общении и игре. В результате ребенок попадает в ситуацию хронического дефицита, постоянного неудовлетворения потребностей.

Отвергаемый ребенок оказывается зависимым от жизненно важных условий, воплощенных для него прежде всего в лице матери. Предназначение матери – обеспечение любви и безопасности. Отвергнутый ребенок живет на предельном уровне экстремальной ситуации: он никогда не испытывает чувства безопасности, удовлетворение потребностей постоянно депривируется. Ситуация экстремальности условий существования ребенка является провоцирующей для формирования предпосылок к развитию преступной, асоциальной личности.

При условии отвержения ребенка склонность к насилию может развиваться уже в раннем возрасте, когда происходит самоотождествление ребенка с отчужденной и агрессивной семьей.

Факторы, определяющие тип материнского отношения к ребенку. Тип материнского отношения к ребенку зависит от следующих факторов. Это, во-первых, *социальная ситуация* – наличие или отсутствие полной семьи, где сосуществуют

муж, жена и ребенок (дети). Семью могут укреплять: ближайшие родственники – бабушки, дедушки, родители, сестры, братья и др.; достойная работа; дом – квартира, частный дом и др.; семейный достаток; неформальные, эмоционально теплые отношения значимых людей (родственников, друзей) друг к другу. Это, во-вторых, врожденные особенности женщины в своих материнских проявлениях. Сюда относятся: способность к сензитивному восприятию нужд и особенностей ребенка, способность к тонкой идентификации со своим ребенком; материнская холодность; материнская агрессивность. При этом большое значение имеет физическое и психическое здоровье матери. Это, наконец, в-третьих, внутренняя позиция самой матери к своему ребенку. Здесь определяющее значение имеет то, какую позицию занимает мать по отношению к ребенку – субъектную или объектную; какую позицию отводит мать своему ребенку – субъектную или объектную.

В идеальном случае юная женщина-мать относится к себе и к своему ребенку как к субъекту, как к целостной в будущем уникальной личности. Конечно, мать и ребенок при этом находятся в неравных отношениях: «старший» – «младший»; «имеющий достаточный жизненный опыт» – «не имеющий вовсе жизненного опыта». Мать сознательно отвечает за умственное, социальное, эмоциональное и личностное развитие своего ребенка.

В обыденной человеческой жизни модель идеальной материнской позиции – цель поведения любящей, разумной матери. Совсем юные матери – чаще всего выходцы из неблагоприятных жизненных условий, из неблагополучных семей. Их социальное научение нередко повторяет негативный опыт неадаптированной семьи.

Факторы, определяющие тип материнского отношения к ребенку

Социальная ситуация материнства	Эволюционные и социальные влияния	Внутренняя позиция матери по отношению к ребенку
I. Полная семья: благополучная и неблагополучная II. Неполная семья: социально адаптированная мать, социально неадаптированная мать III. Мать-инвалид: физическое нездоровье, психическое нездоровье IV. Лишение родительских прав Мать в условиях лишения свободы	I. Материнская сензитивность, способность к идентификации II. Материнская холодность, отчужденность Материнская агрессивность	I. Адекватный тип: субъект-субъектный Неадекватный тип: субъект-объектный (эгоистичная мать-эксплуататор) объект-субъектный (мать, лишенная чувства личности) объект-объектный (инфантильная мать)

Обратимся к таблице, позволяющей увидеть факторы, определяющие тип материнского отношения к ребенку и возможные сочетания условий, предпосылок и внутренней позиции самой матери.

Все три фактора, представленные в таблице, дают некоторые корреляции при их взаимодействии, которые позволяют прогнозировать тип материнского отношения к ребенку. Так, юная мать, родившая своего ребенка в условиях лишения

свободы, вряд ли способна развить прирожденную ей чувствительность, сензитивность с такой же легкостью и естественностью, как это могло бы быть в условиях благополучной, любящей семьи рядом с любимым и любящим мужем. Кроме того, матери, находящиеся в заключении, редко оказываются замужем. На свободе их редко ждут полные родительские семьи. Некоторым по выходе на свободу некуда преклонить голову – ни жилья, ни работы. *Суровое настоящее и неясное будущее не содействуют нормальному развитию адекватной материнской позиции.*

Для этого случая характерен неадекватный тип внутренней позиции матери, когда ребенок поставлен в пассивную позицию. Таких позиций три.

Ребенок – объект манипулирования. В условиях лишения свободы мать может использовать своего ребенка как *объект манипулирования* с целью решения своих повседневных задач. Здесь определенно снижена ценность ребенка.

Ребенок – сверхценный субъект. В других, менее типичных для условий заключения, весьма редких случаях мать ставит ребенка в позицию *сверхценного субъекта*, что, безусловно, будет портить ребенка и разрушает личность самой женщины.

Ребенок пассивной матери. Наконец, есть матери, пассивно плывущие по течению заданных обстоятельств, которые, не обретя чувства личности в себе, *не ведают о ценности своего ребенка.*

Все перечисленные позиции представляют собой неадекватный тип отношения к ребенку и материнству как к социальной ценности.

Серьезные проблемы ожидают юную мать, хотя и находящуюся на свободе, но которая плохо себе представляет, кто отец ребенка, или юную инфантильную мать и такого же инфантильного отца, которые вместе испытывают полную растерянность от «неожиданного» результата их незрелой любви.

Юные, формируя свои ценностные ориентации в жизни, должны определиться не только со своими проблемами, касающимися учебы и трудовой деятельности, но и с предстоящим материнством и отцовством.

Конечно, в ранней юности рождение ребенка накладывает на юных родителей обязательства, к которым они еще не готовы ни психологически, ни социально. Готовность к построению собственной семьи должна быть сформированной в соответствии с традициями той культуры, к которой принадлежат юные люди, а также в соответствии с их достаточным умственным развитием и достаточно определившимся социальным статусом.

ЛИЧНОСТЬ В ЮНОСТИ

1. Умственное развитие и ценностные ориентации

В юности человек хранит в своем сознании уже достаточно образов, запечатленных психикой. Как говорилось об этом выше, образы реального мира оставляют во внутреннем мире трансформированные психические образы, лежащие в основу индивидуального сознания. Эти образы обусловлены историей пройденного в детстве и отрочестве жизненного пути, а также особенностями развития всего

потенциала высших психических функций. У каждого – свои особые обстоятельства развития и жизни; свои особые образы, формируемые в сфере зрения, слуха, а также в сфере тактильных, мышечных, вкусовых и обонятельных чувств.

В юности у человека появляется безграничный потенциал образов, наполняющий внутреннее пространство психики: это чувственные образы (образы восприятия, образы представления), а также знаковые образы (образы, лежащие в основу различных классификаций и формирующих ценностные ориентации). Как никогда прежде, в юности человек стремится познать реалии физического мира и реалии субъективных состояний человеческого духа.

Юность особенно сензитивна к особенностям психических образов своего собственного внутреннего мира, а в этой связи и к питающему этот внутренний мир до конца непознаваемому, бесконечно разнообразному внешнему миру.

Жан Пиаже (1896 – 1980) – один из виднейших психологов XX столетия, основатель школы генетической психологии, позже развил свой подход к познанию – генетическую эпистемологию (модель онтогенетического развития познавательных способностей).

Ж. Пиаже в свое время специально обсуждал влияние социальных факторов на интеллектуальное развитие [38, с. 210–221]. Он писал: «Человеческое существо с самого своего рождения погружено в социальную среду, которая воздействует на него в той же мере, как и среда физическая. Более того, подобно тому как это делает физическая среда, общество не просто воздействует на индивида, но непрерывно трансформирует самую его структуру, ибо оно не только принуждает его к принятию фактов, но и представляет ему вполне установившиеся системы знаков, изменяющие мышление индивида, предлагает ему новые ценности и возлагает на него бесконечный ряд обязанностей. Это позволяет сделать очевидный вывод, что социальная жизнь трансформирует интеллект через воздействие трёх посредников: языка (знаки), содержания взаимодействий субъекта с объектами (интеллектуальные ценности) и правил, предписанных мышлению (коллективные логические или дологические нормы).

Конечно, общество в социологии необходимо рассматривать как нечто целое, хотя это целое, весьма отличное от суммы индивидов, есть не что иное, как совокупность отношений или взаимодействий между индивидами» [38, с. 210]. И далее ученый выражал понимание того, что каждое такое отношение между индивидами существенно видоизменяет его участников и формирует некую целостность. Эта целостность при этом охватывает все общество. Эти отношения крайне многочисленны и сложны. Они реально образуют непрерывную канву истории через посредство взаимодействий одних поколений на другие, благодаря синхронной системе равновесия в каждый исторический момент. И далее Ж. Пиаже рассуждал о том, что «индивид, измененный социальными отношениями» осуществляет в контексте социального влияния социализацию своего индивидуального интеллекта в зависимости от своей индивидуальности [38, с. 212]. Эта тенденция безусловно явно проявляется в психологии умственного развития человека в сензитивный период поры юности.

Внешний мир, прежде всего социальные условия, во многом определяет психическое развитие человека. И прежде всего – умственное развитие.

В юности человек открывает для себя, что его индивидуальные образы и знания не только не совпадают подчас с индивидуальными образами, знаками и знаниями сверстников и взрослых, но и имеют свои уникальные особенности. Присутствие юного человека среди других людей и необходимость вступать во взаимные отношения (связи, общения) с другими приводят к пониманию того, что нужна определенная коррекция. Эта необходимость помогает в какой-то мере понимать друг друга, но в действительности субъективный мир каждого юного человека насыщен индивидуальными образами*. В юности человек учится постигать своеобразие своего внутреннего мира, учится рефлексировать на то, как он развивает у себя высшие психические функции.

Никогда так, как в юности, человек не включен в переживания, связанные с собственной психической деятельностью. В юности он жадно учится *созерцать, смотреть и видеть*. В то же время юноша стремится научиться *самостоятельному мышлению*, хочет сформировать для себя свои ценностные ориентации. Юноша пытается понять сущностные особенности культурных ценностей, которые определяют человеческие ориентации в мире. Он пытается проникнуть в нормативную, предписанную сторону явлений общественного сознания, он пытается понять, в чем суть социального блага и зла, содержащихся в общественных явлениях, а также суть морального добра и зла, заключенных в мотивах и поступках людей. При этом каждый молодой человек проходит свой индивидуальный путь в постижении особенностей своего внутреннего мира и общих тенденций жизни людей.

В отдельные периоды жизни, особенно в подростковом и юношеском возрасте, *внутренние образы могут довлеть над сознанием человека*, доминируя над его возможностью воспринимать и оценивать реальный мир. Это может происходить из-за разных внутренних и внешних причин.

Поглощение внутренним миром, когда психические образы захватывают и держат внимание, может привести к состоянию *аутизма*. Некоторый уход от реальности – норма психической жизни. В этом случае мы говорим о *нормальном аутизме*.

В юности человек по разным причинам может «уйти в себя»: сильное чувство, неразделенное другим в данный момент; стрессовая ситуация обыденной жизни, которую еще пока сложно разрешить; проблемы, связанные с поиском жизненных целей и жизненного пути, и др. Реально в юности многие в тот или иной момент «уходят» в *состояние грез, психического капсулирования*. Жизнь в грезах снимает напряжение от реальных проблем, дает возможность сделать передышку.

Нормированный уход в грезы полезен в юношеском возрасте. В потоке образов воображения создается особый мир, который существует вне реалистического пространства и вне реалистического времени. В этом мире молодой человек в свободном полете воображения реализует свои притязания по своему усмотрению. В

* У каждого человека в его онтогенезе эволюционно или ситуативно (в зависимости от жизненных обстоятельств или социальных условий), на следующих возрастных этапах этот расцветающий внутренний мир может прийти к истощению и оскудению. Это обстоятельство может быть обусловлено самыми разными внешними и внутренними (телесными, психическими и духовными) причинами. В.М.

грезам, в нормальном аутизме аффекты обычно окрашены положительно, что дает возможность релаксации и отдохновения.

Многие люди *нередко грезят** в юности, а некоторые переживают видения. О многих явлениях нашей психики почему-то принято умалчивать. Это неправильно. Люди должны знать, что происходит в их внутреннем мире. Это знание укрепит человека, если об этом говорится открыто, если это описано как возможное нормальное проявление психической жизни.

Я уже писала о том, что человек должен научиться преодолевать тяжкие эмоции и мысли о смерти. Сделать все возможное, чтобы *не впасть в состояние глубокого уныния* перед неизбежным своим исходом и кончиной всякого другого человека, принять жизнь и смерть как эволюционно присущее всему живому и сохранить свой дух в своем теле.

Следует принять: «*Возникающее столкновение со смертью – феноменологическое явление жизни*» [1, с. 774].

Как мы об этом судили выше, капсулирование на мечте, уход в грезы – *возможный способ пребывать в своем внутреннем мире*. Мечта или нереализованные потребности в подростковом и особенно в юношеском возрасте спасают человека от непосильного напряжения. Ведь чувство личности – субстанция весьма ранимая.

Однако смысл человеческой жизни – активность в сфере физической, умственной и духовной деятельности.

В норме, имея свой особый внутренний мир, человек между тем в большей мере психологически находится во внешнем пространстве: в природном и предметном мире, созданном историей человечества; в мире социального пространства и знаковых систем. В юности, предаваясь грезам, безудержному фантазированию, молодой человек отдает себе отчет в малой перспективности этого занятия, ели все пустить на самотек. Так, среди множества правил, выбранных для своего развития, юный Левушка Толстой сформулировал знаменательные правила: 32 – «Не делай *château en Espagne*»^{**}; 33 – «Старайся дать уму как можно больше пищи».

В юности человек сензитивен к зрительно воспринимаемой действительности, он стремится к видению некой сущности вещей; он стремится к овладению схемами, знаковыми системами, созданными в человеческой культуре.

Ж. Пиаже писал: «Восприятие – это знание, приобретаемое нами об объектах или их движениях в результате прямого и непосредственно осуществляющегося контакта с ними, тогда как интеллект – это знание, существующее лишь тогда, когда в процессе взаимодействия субъекта с объектом имеют место различного рода отклонения и когда возрастают пространственно-временные расстояния между субъектами и объектами» [38, с. 109]. Ж. Пиаже показывал, что интеллектуальные структуры, и в частности операциональные «группировки», характеризующие конечное равновесие в развитии интеллекта, с самого начала существуют целиком или частично в форме организаций, общих восприятию и мышлению, сенсомоторные функции связаны с интеллектом.

* Греза – прежде всего мечта, создание воображения. Видение – то, что представляется воображению в грезах или во сне.

** Воздушных замков [франц.].

Апеллируя к исследованиям и научным обобщениям Ж. Пиаже, можно утверждать, что в юности окончательно отрабатываются интегративные связи между процессами, ответственными за умственное развитие. При этом если уже подросток способен «парить над действительностью» и «его парение представляет собой хорошо спланированный и строго регулируемый полет фантазии», то восприятие, мышление и воображение юноши становятся сензитивными к внешнему и внутреннему его миру в высшей степени [39, с. 281]. В этот возрастной период, согласно Ж. Пиаже, становится возможным «бесконечное расширение власти мышления» [39, с. 297].

При всей вариативности субъективных образных и символических явлений внутренней жизни в юности человек научается тонко *рефлектировать* на многообразие, вариативность, спонтанность и системность своих образов. Юноша учится постигать свой внутренний мир и управлять им, развивает свое самосознание.

Юности присуща склонность рефлектировать на протекание своих психических процессов, на переживания по поводу особенностей этих процессов. Юноша может углубленно анализировать особенности протекания своих психических процессов и часто пытаться придавать им сакральное, чуть ли не мистическое значение.

Упражняясь в рефлексивных действиях по поводу своих психических процессов и личностных побуждений, молодые люди могут выработать субъективные формы их анализа и теоретического осмысления. Можно сказать, что человек в юности открывает для себя *рефлексию как форму самопознания*. Как указывал еще Сократ, *человеку подвластна прежде всего деятельность его собственной души*. Самопознание – значимый для человека способ познания себя в мире и мира в себе.

В юности человек с особым вниманием может обратиться к рефлексии на особенности протекания в себе психических процессов, а не только на результаты этих процессов. Его интересует не только результат мыслительной деятельности и результат деятельности всех сфер познания, но и процесс течения и построения мысли, как и процессы протекания всех остальных познавательных функций.

Опыт собственных рефлексий на «мыслимое и мысли» приводит молодого человека к потребности познать то, о чем рассуждали по этому поводу такие мыслители, как Сократ, Платон, Аристотель, Дж. Локк, И. Кант, а также К.Р. Поппер, представители экзистенциальной психологии и феноменологии и другие исследователи рефлексии. Нельзя не согласиться с Э. Гуссерлем, который указывал на «продуктивную способность» рефлексии, благодаря которой «поток переживания со всеми его разнообразными событиями становится ясно постигаемым и анализируемым» [40, с. 181]. Продуктивная способность рефлексии может достичь апогея своего развития в юности.

В юности человек может стремиться *познать себя* с горячностью, присущей этому возрасту. В самопознании он проявляет *упорство и максимализм*, которые, однако, могут привести к срыву, отчаянию, депрессии.

В контексте обсуждения юношеских рефлексий на самопознание правильно обратиться к личности юного Поля Валери – поэта и мыслителя XIX-XX вв. В 20 лет он увлекся саморефлексией и пережил кризис душевного отчаяния, которое усугубило отчаяние интеллектуальное.

Поль Валери писал: «Мне было двадцать лет и я верил в могущество мысли». Он искал себя в самоотречении и развитии своей личности, он размышлял о психических возможностях человека: о внимании и фантазии, о функционировании человеческого разума, он был опьянен исследованием своей воли. В этот период он создал своего «господина Теста» – персонаж, который должен был помочь юному философу превозмогать свой кризис и добраться до понимания сущности человеческой личности.

«Тест был зачат в период хмельного угара моей воли, посреди причудливых излишеств самопознания» [41, с. 133]. Далее молодой человек перечислял перипетии своих рефлексий по поводу анализа собственных психических функций: «Я в острой форме страдал манией точности. Я доводил до крайности безрассудное стремление понять все до конца и отыскивал в себе критические пределы внимания. Я напрягался изо всех сил, чтобы удержаться несколько лишних мгновений на какой-то мысли. То, что удавалось легко, было мне неинтересно и почти противно. Я целенаправленно стремился к ощущению усилия и не ценил тех удач, которые были всего лишь естественными плодами наших природных способностей. Иными словами, результаты вообще – следовательно, творения – интересовали меня меньше, нежели энергия творца – субстанция творений грядущих» [41, с. 133–134].

В юности жажда рефлексии на самого себя может превратиться в доминантное состояние и в сверхидею.

Поль Валери отдавался страстному желанию «познавать и изведать самого себя, какой я есть, без пробелов, подтасовок и уступок самолюбию». Он писал: «Я отметал тогда не только Словесность, но и почти всю Философию, как нечто Смутное и Нечистое, претившее всему моему существу. Традиционные объекты умозрения так мало занимали меня, что я искренне удивлялся то философам, то самому себе. Я не понимал тогда, что истинно возвышенные проблемы не кажутся заманчивыми с первого взгляда, их прелесть и притягательность кроются на три четверти в известных условностях, которые необходимо знать и принимать, если хочешь быть вхожим к философам» [41, с. 134].

Юный человек может начать отрицать приемы мышления, которые уже сложились в обществе и преподносятся ему как обязательные способы мышления. Он может отдаваться «свободному» созерцанию вещей и протекающих в его сознании процессов.

Юный Поль Валери постоянно обращался к психической процессуальности, происходящей в нем самом: «Я пытался свести себя к собственным реальным способностям. Я не слишком верил в свои силы и без труда отыскивал в себе все, что требуется, чтобы себя возненавидеть; однако меня поддерживала неутомимая жажда ясности, презрения к общепринятым взглядам и кумирам, отвращение к легким результатам и сознание границ собственных возможностей» [41, с. 135].

Рефлексивная направленность на процессы собственной психической деятельности приводит молодых людей к откровениям, которые удручают их, так как

уничужают их наивную самость. Они вдруг открывают для себя то, «что наши оценки собственной мысли находятся в чрезмерной зависимости от выражения мысли чужой!».

Рефлексия на свои психические процессы и на результаты своих мыслительных подвигов по большей части открывает молодому человеку, что *он мыслит как все*, что внутренне присущие ему психические процессы типичны для большинства людей равного с ним психического здоровья и умственного потенциала. Подобное откровение может вызвать шок и последующее сопротивление. Однако эти откровения развивают самосознание.

«Я предпочел сберечь себя для себя самого», – писал Поль Валери [41, с. 139]. Он стремился предположить в себе ступень сознания более высокую и умственную свободу. «Эта незамысловатая операция открывала мне любопытнейшие пространства, как будто я спустился в глубины моря», – вспоминал о своих рефлексиях юный философ. Он стремился отслеживать «до конца» свои мысли и «идти в глубь до предела». Лишь позже он узнал: «до предела» идти невозможно, предела – нет.

Поль Валери, мучаясь от одинокого *самонаблюдения* за своими психическими процессами и от рожденных вследствие их мыслей, находит для себя своеобразный выход – он производит для себя господина Теста, с которым вступает в диалог. Вдвоем они приходят к пониманию ценности *ясности*. Господин Тест доверительно высказывает свои мысли: «Да, ясность, по моему убеждению, такая редкость, что во всем мире – особенно в мире мыслящем и пишущем – она примерно равна по объему бриллианту в соотношении со всей массой планеты. Темнота, которую мне приписывают, незначительна и прозрачна по сравнению с той, которую я вижу вокруг. Счастливы те, кто договорились сами с собой, что они все понимают».

Эта последняя фраза пронизательного молодого Поля Валери могла бы стать эпиграфом к любому труду, притязающему на полное объяснение особенностей познавательной сферы человека (да и многих других проблем).

Поль Валери писал о нечистой совести, которая затмевает наше познание: «Она нашептывает мне, что только тот, кто ничего не ищет, никогда не оказывается впотьмах и что людям нравится только то, что им известно. Но я заглядываю внимательно в глубь себя, и мне приходится согласиться... Я и вправду... устроен неудачно и никогда не бываю вполне уверен в том, что действительно понял нечто, усвоенное моим умом без усилия. Я плохо отличаю то, что ясно без обдумывания, от того, что абсолютно темно...» [41, с. 189].

Многие, многие юные люди, подобно Полю Валери, пытаются искать в самих себе уникальные, только им присущие способы познания мира и своей глубинной психической и личностной сущности. Одни при этом тяжело переживают откровения собственной ограниченности, понимая, что «до предела» идти невозможно: предела нет. Другие иронично оценивают свои особенности и свои пределы.

Так, парадоксальный и веселый Даниил Хармс (1905–1942) в юности составил список своих нестандартных утверждений. Три из них касаются особенностей человеческого мышления.

Даниил Хармс утверждал:

«Новая человеческая мысль двинулась и потекла. Она стала текучей. Старая человеческая мысль говорит про новую, что она “тронулась”».

«Один человек думает логически; много людей думают ТЕКУЧЕ».

«Я хоть и один, но думаю ТЕКУЧЕ».

«Все» [42, с. 296].

Помимо углубленно погружающихся в самопознание есть еще некая категория молодых людей, которая вовсе не стремится рефлексировать на себя. Некие знания о себе, конечно же, накапливаются у каждого человека в опыте, который он получает в предшествующие периоды жизни. Однако именно рефлексия на себя самого, рациональное мышление, направленное на осознание особенностей протекания своих интимных психических процессов (в том числе и самого мышления), – процесс, который в развернутой форме присущ не каждому.

В юности молодые люди привержены к обмену впечатлениями от *автономных образов* друг друга и впечатлениями от *познаваемых ценностей*, которые вплетены в ткань общественной жизни людей. *Юность озабочена поиском сверхидей*.

Если *идея* – форма отражения внешнего мира, включающего в себя сознание цели и перспективы его дальнейшего познания и практического преобразования, или определяющее положение в системе взглядов, воззрений. *Идея* в философии – форма постижения мира и мысли.

Для Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770–1831) – выдающегося немецкого философа, создателя учения, построенного на принципах абсолютизма, диалектики, системности, историзма. Согласно видению философа, идея является объективной истиной, которая венчает весь процесс развития.

Философ писал, что «когда *идея* будет ... составлять единственное содержание духа, – тогда *субъективный дух* достигнет своей *цели* и перейдет в *объективный дух*. Этот последний знает свою свободу – он познает, что его *субъективность* в своей истине составляет саму *абсолютную объективность* – он постигает себя не только в самом себе как идее, но и порождает как *действительно существующий* вовне мир свободы» [43, с. 262].

Г.В.Ф. Гегель полагал, что философия должна обладать содержанием и развивать перед юными это содержание. Он страстно обращался к юношеству, выражая уверенность в том, что «юность есть та счастливая пора жизни, когда человек еще не находится в плену у системы ограниченных целей, поставленных перед ним внешними нуждами, когда он способен свободно отдаваться бескорыстным научным занятиям и когда, наконец, он еще не подпал под влияние отрицательного духа суетности, бессодержательности чисто критических исследований. Здоровое еще сердце дерзает желать истины, а философия живет в царстве истины, строит его, и, занимаясь ее изучением, мы становимся причастными этому царству. *Все, что объединяет человеческую жизнь, что обладает ценностью и признается таковой, имеет духовную природу и это царство духа существует только посредством осознания истины и права, посредством постижения идей*» (курсив мой, В.М.) [44, с. 83].

Выражаю абсолютное согласие с великим философом в его точном восприятии и понимании феномена юношеского возраста и призывом к юности. *Феномен*

юношеского возраста состоит в тончайшей его сензитивности и способности свободно отдаваться бескорыстному познанию идей философии и научным занятиям.

Что касается сверхидей, то «сверх» – первая составная часть слов, обозначающая превышение в чем-либо предела, меры, нормы; крайнюю, очень высокую степень какого-либо значимого качества или состояния.

Особое место в сфере умственного развития и ценностных ориентаций в юности занимают художественные образы, искусство. В человеческой культуре художественный образ создается в творческой деятельности поэта, писателя, композитора, художника и т. д. Обращаясь к художественным произведениям, юноша пытается постичь их исключительную новизну через *сотворчество* в своем восприятии и воображении. Художественный предмет (картина, поэзия, проза, музыкальное произведение) может стать достоянием воспринимающего его человека. Так как в самой природе художественных образов существует область невысказанного, то это побуждает человека (особенно в юности) творить свои варианты из недосказанного и дает вдохновенное *чувство сотворчества*.

В юности человек стремится *прикоснуться к таинству* живописи, музыки, поэзии, прозы и к другим искусствам, дабы постичь особую реальность образно-знаковых систем, творимую гениями рода человеческого, и *вдохновенно войти в этот особый мир*, рожденный художниками. Помимо всего прочего искусство источник просвещения. Переживания причастности к искусству, понимания искусства и сотворчества обогащают жаждущую юность в умственном и духовном отношении.

Приобщенность к искусствам развивает образную сферу юноши. Усвоенные прежде индивидуальные образы мира и структурирующие их сенсорные эталоны, присвоенные в детстве через обучение разнообразным сферам знаний, в юности получают возможность прорасти на новый уровень развития. Умственное развитие в юности как раз и состоит в том, что человек может подняться в своем развитии на уровень художественного постижения мира, на уровень рождения сверхидей.

Вместе с художником (или вслед за художником) юноша постигает квинтэссенцию, сущностное значение идеального (художественного) образа. Юноша способен научиться воспринимать исключительную силу воздействия материализованного художниками образа. Для непосредственного и восторженного восприятия юноши конкретный художественный образ может стать критерием истинности – ведь в юности человек весьма *максималистичен*.

Присваивая новые способы видения и презентации новых художественных образов, юноша *подражает* новым образцам и жаждет их *многократных повторений*. Так происходит освоение культурного пространства высшего уровня, творимого художниками во всей истории человечества и художниками современного поколения. Именно освоение художественного слоя культуры в наивысшей степени развивает человека в юности.

В юности человек стремится к знанию – к осведомленности или информированности. При этом в юности человек склонен к философствованию и формированию собственного оригинального знания.

Особое значение приобретает *стремление познать бытие в реальности знаковых систем языка*. В юности у заинтересованной части молодежи внимание сосредоточено на интенсивном речевом развитии. Человек в этот период стремится не

только к развитию богатства родного и иностранного словаря, не только к усвоению множества новых знаний, закодированных в значениях и смыслах осваиваемых языков, но и к *идеогенезу* – усвоению значимых для развития индивидуального сознания понятий.

В юношеском возрасте молодой человек становится пристрастно-заинтересованным в мифах и в научных изложениях многих понятий, значимых для осознания своей человеческой сущности и развития своей личности. В этот период перед человеком встает множество вопросов: «Что такое человек, индивид, личность?», «Кто Я?», «Каков смысл моей жизни и человеческой жизни вообще?». Это общая тенденция умственного развития в юности.

Общие умственные способности в ранней юности, как правило, уже сформированы, однако они продолжают совершенствоваться. При этом следует подчеркнуть, что, говоря о потенциальных возможностях к умственному развитию в юности, мы должны не забывать, что речь идет именно о тенденции к развитию. Тенденция – это только направление в развитии и некая возможность достижения в этом развитии. Очень многие молодые люди, вступившие в пору юности, застревают в сфере умственного развития на более ранних его этапах. Это объясняется не только условиями и предпосылками развития, но и в большой мере внутренней позицией самого молодого человека. Поэтому мы наблюдаем столь разительные различия в отношении умственного развития в юношеском возрасте: одни создают высокохудожественные произведения и высоко-интеллектуальные проекты, другие не в состоянии одолеть сути предлагаемых образов и идей или не интересуются этой сферой духовной и интеллектуальной культуры вовсе. Так, суждения, откровения, дневники и творения юных Левушки Толстого, Александра Блока, Корнея Чуковского (Николая Корнейчукова), Даниила Хармса (Даниила Ювачева) и многих других молодых людей, размышляющих о себе, о жизни: для кого-то из юных – скучные и непонятные бредни, нелепые, лишенные здравого смысла странные мысли, «слова», для кого-то – это путь развития речи.

Левушке Толстому было 17 лет, когда он начал вести дневник. Начав дневник, он стал искать в этом занятии пользу для собственного умственного развития.

([7] апреля. 8 часов утра.) Я никогда не имел дневника, потому что не видал никакой пользы от него. Теперь же, когда я занимаюсь развитием своих способностей, по дневнику я буду в состоянии судить о ходе этого развития. В дневнике должна находиться таблица правил, и в дневнике должны быть тоже определены мои будущие деяния. Через неделю ровно я еду в деревню*. Что же делать эту неделю? Заниматься английским и латинским языком, римским правом и правилами. Именно: прочесть «Vicar of Wakefield»**, изучив все незнакомые слова, и пройти 1-ю часть грамматики: прочесть как с пользой для языка, так и для римского права первую часть институций*** и окончить правила внутреннего образования, и отыграть потерянное лапе в шахматы [45].

* В имение Юшковых – Паново, в тридцати верстах от Казани.

** «Векфильдский священник» – роман Оливера Голдсмита.

*** *Институция* – первая часть свода законов византийского императора Юстиниана; с нее в университетах начиналось изучение римского права.

Позже Левушка Толстой формулирует для себя важнейшие правила для развития воли телесной, чувственной и разумной.

*Правила для развития воли телесной**

Правило общее. Все деяния должны быть определениями воли, а не бессознательным исполнением телесных потребностей. Так как мы уже сказали, что на волю телесную имеют влияние чувства и разум, то эти две способности должны определить правила, по которым бы могла действовать воля телесная для своего развития. Чувства дают ей направление и указывают цель ее, разум же дает способы, которыми телесная воля может достигнуть этой цели.

Правило 1. Каждое утро назначай себе все, что ты должен делать в продолжение целого дня, и исполняй все назначенное даже в том случае, ежели исполнение назначенного влекло за собою какой-нибудь вред. Кроме развития воли это правило разовьет и ум, который будет обдуманно определять деяния воли. Правило 2. Спи как можно меньше (сон, по моему мнению, есть такое положение человека, в котором совершенно отсутствует воля). Правило 3. Все телесные неприятности переноси, не выражая их наружно. Правило 4. Будь верен своему слову. Правило 5. Ежели ты начал какое бы то ни было дело, то не бросай его, не окончив. Правило 6. Имей всегда таблицу, в которой бы были определены все самые мелочные обстоятельства твоей жизни, даже сколько трубок курить в день. Правило 7. Ежели ты что-нибудь делаешь, то напрягай все свои телесные способности на тот предмет, который ты делаешь. Ежели же переменяется твой образ жизни, то переменяй и эти правила.

Правила для развития воли чувственной

(Чувства сами назначают себе цель.)

Источник всех чувств есть любовь вообще, которая разделяется на два рода любви: любовь к самому себе, или самолюбие, и любовь к всему нас окружающему. (Я не признаю любви к Богу: потому что нельзя называть одним именем чувство, которое мы имеем к себе подобным или низшим существам, и чувство к высшему, не ограниченному ни в пространстве, ни во времени, ни в силе и непостижимому существу.) Эти два основных чувства действуют взаимно одно на другое. Общее правило: все чувственные деяния не должны быть бессознательным исполнением потребностей чувства, но определением воли. Все чувства, имеющие источником любовь ко всему миру, хороши, все чувства, имеющие источником самолюбие, дурны. Рассмотрим каждый разряд чувств порознь. Какие чувства происходят от самолюбия? 1) Славолубие, 2) корыстолюбие и 3) любовь (между мужчиной и женщиной).

Теперь посмотрим, какие должны быть правила для преобладания воли над каждым из этих чувств.

Правила для подчинения воле чувства самолюбия

Правило 8. Не заботься об одобрении людей, которых ты или не знаешь, или презираешь. Правило 9. Занимайся более сам с собою, чем мнением других. Правило 10. Будь хорош

* Эти правила были составлены 19-летним Л.Н. Толстым в марте – мае 1847 г. и записаны им в отдельной тетради.

и старайся, чтобы никто не знал, что ты хорош. (Славолюбие бывает полезно другим, но не самому себе.) Правило 11. Ищи в других людях всегда хорошую сторону, а не дурную. Всегда говори правду. Ежели, действуя для себя, деяния твои кажутся странными, то не оправдывай свои деяния ни перед кем. К правилам для подчинения чувств воле нужно прибавить еще одно следующее. Правило 12. Никогда не выражай своих чувств наружно.

Правила для подчинения воле чувства корыстолюбия

Правило 13. Живи всегда хуже, чем ты бы мог жить. Правило 14. Не переменяй образа жизни, ежели бы даже ты сделался в десять раз богаче. Правило 15. Всякое приращение к твоему имению употребляй не для себя, а для общества.

Правила для подчинения воле чувства любви

Правило 1. Отдаляйся от женщин. Правило 2. Убивай трудами свои похоти.

Чувства, происшедшие от любви, суть: 1) любовь ко всему существующему, 2) любовь к Отечеству, 3) любовь к известным лицам.

Правила для подчинения воле чувства всеобщей любви

Правило 16. Жертвуй всеми прочими чувствами любви всеобщей, тогда воля будет требовать одного исполнения потребностей любви всеобщей и будет преобладать над нею. Правило 17. Жертвуй десятую долю всего того, чем ты можешь располагать, для блага других.

Люби себя равно с другими и помогай более тем, которые несчастнее и кому тебе удобнее помогать.

Правила для подчинения воле чувства любви Отечества, любви известных лиц

Правило 18. Эти все чувства подчиняются одно другому в том самом порядке, в котором они здесь стоят.

Правила для развития воли разумной

Правило 19. Определяй с начала дня все твои умственные занятия. Правило 20. Когда ты занимаешься, старайся, чтобы все умственные способности были устремлены на этот предмет. Правило 21. Чтобы ничто внешнее, телесное или чувственное не имело влияния на направление твоей мысли, но чтобы мысль определяла сама себя. Правило 22. Чтобы никакая боль, как телесная, так и чувственная, не имела влияния на ум.

Какое бы ты ни начал умственное занятие, не бросай его до тех пор, покуда ты его не кончишь. Так как это правило может повести к большим злоупотреблениям, то здесь нужно его ограничить следующим правилом: имей цель для всей жизни, цель для известной эпохи твоей жизни, цель для известного времени, цель для года, для месяца, для недели, для дня и для часу и для минуты, жертвуя низшие цели высшим [45].

Далее им формулируются правила для развития памяти, деятельности, умственных способностей, а также правила для развития чувств высоких и уничтожения чувств самолюбия и др.

Прописанные юным Л.Н. Толстым 43 пункта правил умственного развития и развития своих ценностных ориентаций на жизнь представляют собой бесценный

документ рефлексий на себя юноши, который впоследствии стал великим русским писателем и философом, оказавшим безусловное влияние на развитие мировой культуры.

Корнею Чуковскому было 18 лет, когда он начал свой дневник. Юноша рефлексировал на свое неумение думать, он заранее стыдится «каждого своего неуклюжего выражения», но дерзает, жаждет для себя в жизни успеха. В этих дневниках мы находим и противоречивые, раздирающие душу мысли о пройденном Л.Н. Толстым духовном пути, и поиск собственных ценностных ориентаций.

«24 февраля, вечер в Субботу (большой буквой).

Странно! Не первый год пишу я дневник, привык и к его свободной форме, и к его непринужденному содержанию, легкому, пестрому, капризному, – не одна сотня листов уже исписана мною, но теперь, вновь возобновляя это занятие, я чувствую какую-то робость. Прежде, записывая ведение дневника, я условливался с собою: он будет глуп, будет легкомыслен, будет сух, он нисколько не отразит меня – моих настроений и дум – пусть! Ничего! Когда перо мое не умело рельефно и кратко схватить туманную мысль мою, которую я через секунду после возникновения не умел понять сам и отражал на бумаге только какие-то общие места, я не особенно пенял на него и, кроме легкой досады, не испытывал ничего. Но теперь... теперь я уже заранее стыжусь каждого своего неуклюжего выражения, каждого сентиментального порыва, лишнего восклицательного знака, стыжусь этой неталантливой небрежности, этой неискренности, которая проявляется в дневнике больше всего, – стыжусь перед ней, перед Машей. Дневника я этого ей не покажу ни за что. <...> Боже мой, какая риторика! Ну разве можно кому-нибудь показать это? Подумали бы, что я завидую славе Карамзина. Ведь только я один, припомнив свои теперешние настроения, сумею потом, читая это, влить в эту риторику опять кусок своей души, сделать ее опять для себя понятной и близкой, а для другого – я это отлично понимаю.

25 февраля 1901 г. <...> Дневник – громадная сила, – только он сумеет удержать эти глыбы снега, а когда они уже растают, только он оставит нерастаянным этот туман, оставит меня в гимназич. шинели, смущенного, радостного, оскорбленного.

2 марта. Странная сегодня со мною случилась штука. Дал урок Вельчеву, пошел к Косенко. Позанялся с ним, наведаясь к Надежде Кириановне. Она мне рассказывала про монастыри, про Афон, про чудеса. Благоговейно и подобострастно восхищался, изменялся в лице каждую секунду – это я умею. Ужасался, хватаясь за голову, от одного только известия, что существуют люди, кот. в церковь ходят, чтобы пошутиться, показаться и т. д. Несколько раз, подавая робкие реплики, назвал атеистов мерзавцами и дураками.

И так дальше. Вдруг на эту фальшивую почву пало известие, что Л. Толстого отлучили от церкви. Я не согласен ни с одной мыслью Толстого... и неожиданно для самого себя встаю с кресла, руки мои, к моему удивлению, начинают размахиваться, и я с жаром 19-летнего юноши начинаю цитировать.

40 лет, говорю я, великий и смелый духом человек на наших глазах кувыркается и дергается от каждой своей мысли, 40 лет кричит нам: не смотрите на меня, заложив руки в карманы, к[а]к праздные зеваки. Корчитесь, кувыркайтесь тоже, если хотите познать блаженство

соответствия слова и дела, мысли и слова. Мы стояли, разинув рот, и говорили, позевывая: “Да, ничего себе. Его от скуки слушать можно”... и руки наши по-прежнему были спрятаны в карманы. И вот... наконец, мы соблаговолили вытащить руки, чтобы схватить его за горло и сказать ему: к[а]к ты смеешь, старик, так беспокоить нас? Какое ты имеешь право так долго думать, звать, кричать, будить? Как смеешь ты страдать? В 74 года это не полагается. И так дальше. Столь же торжественно и столь же глупо...

То есть не глупо, говорил я в тысячу раз сильнее и умнее, чем записал сейчас, но зачем? К[а]к хорошо я сделал, что не спросил себя: зачем? Какое это счастье! <...> Говорил я свою речь, говорил, и так мне жаль стало себя, Толстого, всех, – что я расплакался» [46, с. 9–10].

И здесь мы наблюдаем рефлексии будущего поэта, переводчика и литературоведа на свой умственный потенциал в первоначальный период ведения дневника, видим стремление юноши самоопределиться в своих ценностях в культуре речи.

Что касается особенностей творчества в юности, то миру известно множество персон, которые уже в юности были выдающимися поэтами, музыкантами, математиками и др. Творчество, создание принципиально новых откровений в искусстве и успехи в науке были бы невозможны в юности, если бы этот возраст не обеспечил потенциал умственного развития и ценностных ориентаций. В науке молодые люди овладевают системой развивающихся знаний; точными понятиями, образующими тезаурус направления, отрасли знания. В науке молодой ученый со страстью и смелостью может формировать свои гипотезы и свои системы понятий. Именно в юности человек не только обладает способностью к усвоению всего богатства знаний, систем и методов науки, но и может *предвидеть* дальнейшие возможности движения знаний и *предлагать научно обоснованные идеи преобразования действительности в интересах общества*. Коэффициент полезной деятельности от участия молодежи в духовном производстве может оказаться значительным.

Очарование юности состоит не только в том, что молодой человек может войти в сферу духовной культуры и проявить себя в искусстве или науке – высших формах человеческих знаний. Очарование юности – в *смелых полетах* между реальным и воображаемым мирами, в *смелых философствованиях, сравнении несопоставимых объектов и идей*. При этом юность веселится над возможностью удачно умствовать, шутить, играть речью, словами и мыслями. Это прекрасное свойство юности ведомо самой юности и представителям как старших, так и младших поколений, которые с восхищением наблюдают интеллектуальные проказы юных. Тому можно было бы привести множество примеров, которые развеселили бы и порадовали приобщенных к интеллектуальным проделкам, шуткам и играм юности.

Позволю себе привести произведение, посвященное измерению вещей, молодого Даниила Хармса – одного из самых веселых и парадоксальных русских писателей XX столетия. Хармсу в это время – 24 года. Речь идет о понятии «вершок». Вершок – это русская мера длины, равная 4,4 см, применявшаяся до введения метрической системы.

«Измерение вещей»*

Ляполянов:

За вами есть один грешок:
вы под пол прячете вершок,
его лелеете как цветок,
в случае опасности дуете в свисток.

Друзья:

Нам вершок дороже глаза,
наша мера он отсчета,
он в пространстве наша база,
мы бойцы прямых фигур.
К мерам жидкости сыпучей
прилагаем эталон,
сыпем слез на землю кучи,
измеряем лоб соседа
(он же служит нам тетеркой),
рассматривая форму следа,
меру трогаем всей пятеркой.
Любопытствуя больного
тела жар – температуру,
мы вершок ему приносим,
из бульона варим куру.

Ляполянов:

Но физики считают вершок
устаревшей мерой.
Значительно удобней
измерять предметы саблей.
Хорошо также измерять шагами.

Профессор Гуриндурин:

Вы не правы, Ляполянов.
Я сам представитель науки
и знаю лучше тебя положение дел.
Шагами измеряют пашни,
а саблей тело человеческое,
но вещи измеряют вилкой.

Друзья:

Мы дети в науке,
но любим вершок.

* «Измерение вещей». См.: 42, с. 285 – 288.

Ляполянов:

Смерть отсталым измерениям!
Смерть науки старожилам!
Ветер круглым островам!
Дюжий метр пополам!

Плотник:

Ну нет,
простите.
Я знаю косую сажень
и на все ваши выдумки мне плевать!
Плевать, говорю, на вашу тетю науку.
Потому как сажень
есть косая инструмент
и способна прилагаться
где угодно хорошо;
при постройке, скажем, дома
сажень веса кирпичей,
штукатурка, да солома,
да тяжелый молоток.

Профессор Гуриндури:

Вот мы,
глядя в потолок,
рассуждаем над масштабом
разных планов естества,
переходящего из энергии
в основную материю,
под которой разумею
даже газ.

Друзья:

Наша мера нами скрыта.
Нам вершок дороже глаз.

Ляполянов:

В самых маленьких частичках,
в элементах,
в ангелочках,
в центре тел,
в летящих ядрах,
в натяженьи,
в оболочках,
в ямах душевной скуки,
в пузырях логической науки --

измеряются предметы
клином, клювом и клыком.

Профессор Гуриндури:

Вы не правы, Ляполянов.
Где же вы слыхали бредни,
чтобы стул измерить клином,
чтобы стол измерить клювом,
чтобы ключ измерить лирой,
чтобы дом запутать клятвой.
Мы несем в науке метр,
вы несете только саблю.

Ляполянов:

Я теперь считаю так:
меры нет.
Вместо меры только мысли,
заключенные в предмет.
Все предметы оживают,
бытие собой украшают.

Друзья:

О,
мы поняли!
Но все же
оставляем Вершок.

Ляполянов:

Вы костецы.

Профессор Гуриндури:

Неучи и глупцы.

Плотник:

Я порываю с вами дружбу.
Все» [42, с. 285–288].

Это произведение – тот пример интеллектуальной игры знаками, который одного юношу повеселит и позабавит (а может быть, и вдохновит на подобную игру разума), а другого может оттолкнуть как лишенные здравого смысла бредни.

В юности не каждый молодой человек открыт разнообразию возможностей интеллектуальных упражнений. Не каждый готов играть словами и мыслями, тем

более если они не представляют собой последовательного изложения неких истин и правил. Для молодых людей, которые придерживаются консервативного знания и консервативных способов умственной деятельности, шутки, перемежающиеся с серьезными мыслями, – сфера интеллектуального отчуждения. В этом случае описанные 22-летним Д. Хармсом «предметы и фигуры» в глазах интеллектуального негативиста выглядят как информационный шум и грязь.

В юности способные к тонкой рефлексии мыслители дают себе отчет о происходящей в голове путанице понятий [25, с. 306]. Они могут быть обременены этими открытиями, но могут жить в ощущении счастья просто потому, что юны.

Позиции человека к сфере Великого идеополя общественного самосознания и к сфере ценностных ориентаций определяют его и как личность. Собственно, в юности человек определяет для себя диапазон предметов и явлений, который может быть приемлемым для развития его самосознания и который будет выступать как *условие качества его уникальной жизни*.

Умственное развитие в юношеском возрасте имеет свои особенности: одна категория юных людей развивается в умственном отношении весьма постепенно, что в дальнейшей перспективе может определить достаточный успех в избранной деятельности; другая категория начинает постепенно снижать поступательное развитие познавательной деятельности и начинает искать выход из интенсификации учебной деятельности в деятельность практическую; третья категория проявляет себя в *ненасыщаемом интересе* к конкретной деятельности.

Категория юных с ненасыщаемым интересом к конкретной деятельности обычно имеет тенденцию вхождения в творческую деятельность в качестве желаемого образа жизни. По большей части эта молодежь отличается креативностью, сочетающейся с психическим здоровьем. Так называемый *холический подход** к творчеству занимал А.Г. Маслоу, он писал о связи креативности с психиатрическим и психологическим здоровьем. А.Г. Маслоу указывал на *погруженность в настоящее*: «Для того чтобы лучше вникнуть в суть любого дела, необходимо полностью отдаться ему, не замечать ничего, кроме него и его сущности, уловить его *внутренние* связи и движущие силы, найти (а не придумать) способ его исполнения в его внутренней структуре» [47, с. 75].

Юный человек, погруженный в творческую деятельность, быстро осознает, что творчество требует от него всего времени, чувств, сосредоточения на деятельности, всего, на что он способен.

А.Г. Маслоу писал о том, что «человек, сконцентрированный на акте творчества, теряет обычную дробность и приобретает цельность» [47, с. 81]. Действительно, молодой человек с *ненасыщаемым интересом* к определенной проблеме, к постижению предмета своего интереса стремится к целостному изучению объекта. Ненасыщаемый познавательный интерес – знак одаренности человека.

Чрезвычайно значима *внутренняя позиция* юного человека, погруженного в творчество: «Для творящего творчество превращается в образ жизни, которому подчинена сама его жизнь» [1, с. 914]. Включенность в творческую деятельность,

* *Холический подход* – термин, который использовал А.Г. Маслоу в связи с обсуждением проблемы креативности, физического и психического здоровья человека.

постоянное физическое, психологическое и духовное сосредоточение на предмете творчества становится неким гарантом успеха, гарантом реализации смысла жизни.

Творчество как состояние и работа души определяет не только индивидуальный путь, не только результаты творческих усилий, но и феноменологическую сущность самой личности, большое творчество – всегда личностно: «Большое творчество – всегда личностная позиция» [1, с. 953].

2. Особенности идентификации-обособления в контексте проблем личности

В юности идентификация и обособление обнаруживают себя в высшей степени – как в отдельных друг от друга проявлениях, так и во всех взаимодействиях.

Юность отличается постоянной внутренней готовностью к уподоблению себя значимому другому на основании эмоциональной связи с ним. Здесь ярко представлены *интроекция* (интериоризационная идентификация), которая обеспечивает вчувствование в другого, и *проекция* (экстрариоризационная идентификация), которая осуществляет перенос своих чувств и мотивов на другого. Идентификация может осуществляться как бессознательно, так и сознательно.

Способность к отождествлению в юности может irradiровать подобно процессу возбуждения на все вокруг, начиная от родных и близких, от взрослых, сверстников и младенцев, от героев художественных произведений до предметов природы и рукотворных предметов. Irradiация идентификации на весь окружающий социальный, природный и рукотворный мир дает возможность юному человеку развиваться, учась у самой жизни и у искусства.

Переживание психической или сущностной идентичности в юношеском возрасте развивает личность в высшей степени. Конечно, как писал Э. Эриксон, «в человеческой сущности есть многое, кроме идентичности» [36, с. 146]. В каждом индивиде есть его «Я», есть самосознание, самостояние, потребность в свободе и многое другое. Но идентификация как способность отождествлять себя с другими и других с собой – бесценный дар, в развернутой форме отпущенный человеку. Особенно человеку с развитой способностью к рефлексии, сопереживанию, сочувствованию и вчувствованию.

Идентификация в юности принципиально отличается от *первичной идентификации* ребенка с матерью и отцом, которая в раннем возрасте осуществлялась на бессознательном уровне.

В юности вторичная идентификация происходит не столько на уровне бессознательного подражания, сколько через сложнейшие рефлексии и эмоции, когда бессознательное и сознательное подражания работают в тесном воссоединении.

Вторичная идентификация, произрастающая в юности, в развернутой форме обеспечивает субъекту присвоение себе свойств и качеств реального человека или персонажа художественного произведения.

Вторичная идентификация позволяет юноше преобразовать себя по образцу (эталон; идеальный образ; конкретный человек), когда высокая юношеская сензитивность к социальным образцам позволяет в высшей степени соответствия

достигать самоотождествления с этим образцом. Идентификация развивает себя в целом ряде общераспространенных психических проявлений, таких как *подражание, вчувствование, симпатия, психологическое заражение, проекция* и др. Все указанные психические проявления в юности характеризуются высокой сензитивностью. Обратимся к презентации основных проявлений идентификации.

Подражание – прежде всего действие, следование образцу. Подражание – один из путей усвоения общественного опыта и формирования собственной Я-идентичности. Подражание может быть направлено на животных, на явления и состояния природы. Человечество обозначило понятием «подражание» сущностные особенности искусства как средства познания и воспроизведения действительности. Так, уже в античном учении о подражании (мимесиса), особенно у Платона и Аристотеля, выражено представление об искусстве как о реализации посредством подражания чего-то уже присущего природе. Эта идея продолжала развиваться в философии Возрождения и в более поздние исторические периоды. Подражание нередко рассматривается как принцип творчества в живописи, поэзии, сценическом искусстве. В юности подражание осуществляется как бессознательно, так и под контролем сознания и воображения. Подражание может быть направлено на действие, но может быть направлено и на результат действия, а также на сущностные черты другой личности.

Вчувствование – внерациональное включение в познание человеком внутреннего мира другого (человека, животного и даже растения или предмета, художественный объект, источник эстетического наслаждения). Вчувствование – всегда идентификация в сложной рефлексивной деятельности, в которой участвует весь культурный фонд человека. Юность отличается высокой готовностью к вчувствованию. Этому помогают воображение и мотивация к вчувствованию.

Сопереживание – способность переживать что-либо вместе с другим (другими), разделять чьи-либо переживания.

Сопереживая, человек эмоционально отзывается на состояния другого человека или животного. Сопереживание часто рассматривается как разновидность социальных, нравственных эмоций. Сопереживание осуществляется как на бессознательном, так и на сознательном уровне в форме сочувствия, сорадования, согоря. Сопереживание – всегда идентификация: в одних случаях со своими состояниями и побуждениями, в других – с состояниями и побуждениями другого человека. Разновидность сопереживания – симпатия, доброжелательное отношение к другому. Юность отличается высокой готовностью к сопереживанию.

Психологическое заражение – восприятие, присвоение чувств и мыслей от другого, присвоение свойств другого человека. Психологическое заражение – идентификация с теми свойствами, которые привлекают индивида своей эмоциональной силой воздействия. Психологическое заражение может происходить и от воспринимаемых эмоциональных состояний животных.

Особый случай психологического заражения – самоотождествление с агрессором. Такого рода психологическое заражение работает, согласно А. Фрейд, как механизм защиты: при столкновении с внешней опасностью субъект самоотождествляется с агрессором, приписывая себе сам акт агрессии, подражая физическому или моральному облику агрессора.

Предложенная интерпретация самоотождествления с агрессором носит односторонний характер. Реально психологическое заражение через самоотождествление с агрессором может происходить не только в связи с ограждением или предохранением индивида от посягательств, нападения, неприязненных или враждебных действий. Агрессивная модель поведения и агрессивная личность могут входить в ценностный мир субъекта как идеал, как достойный способ самопрезентации себя в мире.

Проекция – психологический механизм, заключающийся в бессознательном приписывании человеком имеющихся у него неосознаваемых мыслей, переживаний, личностных особенностей другому человеку.

Термин «*самоотождествление проективное*» (самоидентификация проективная) был введен М. Кляйн для обозначения механизма образования фантазмов, при котором субъект помещает себя, целиком или частично, внутрь объекта для нанесения ему вреда, обладания или контроля за ним, – этим термином она обозначает «особую форму самоотождествления, прообразом которой выступает агрессивное объективное отношение».

Проекция объяснялась З. Фрейдом как механизм психологической защиты от сознания присутствия у самого себя тех тенденций, которые приписываются другому.

Проекция присуща юности в высшей степени, так же как в этом возрасте человек погружен в рефлексии по своему поводу и по поводу взаимодействий с другими людьми. В юности человек склонен беспрестанно соотносить свои мотивы, потребности и личностные черты с мотивами, потребностями и личностными чертами других и осуществлять проекции своих особенностей на другого.

Формирование Я-идентичности в подростковом и юношеском возрасте традиционно объясняют сознательным решением определить для себя смысл жизни и личными обязательствами [36]. В теории идентичности Э. Эриксона предложено два измерения: наличие или отсутствие взятых на себя твердых обязательств и наличие или отсутствие личного кризиса.

Статус идентичности описывается в психологии несколькими вариантами состояний. Выделяют: *устойчивую личностную идентичность* – это «самоопределившиеся» и «предопределенные»; *неустойчивую личностную идентичность* – это «неопределенные» и «взявшие отсрочку». Эти статусы различаются тем, как сложились идентичности их обладателей [48, с. 966–967].

Самоопределившиеся самостоятельно сформировали свои обязательства перед собой после периода активного принятия решений и преодоленного переживания кризиса.

Предопределенные пассивно (без критики и без переживания кризиса) приняли цели и ценности, предписанные другими, приняли конвенциональные ценности как свои.

Неопределенные не имеют сформированного чувства идентичности и пока не переживают кризиса, связанного с принятием решений.

Взявшие отсрочку пытаются найти свои собственные ответы на вопросы о том, каковы же должны быть обязательства перед собой, чтобы затем сделать самостоятельный выбор. Эта предложенная Дж. Марсия классификация, являясь

условной моделью возможной идентичности в юности, продуктивна в том отношении, что показывает вариативность идентификаций в этом возрасте.

Личная идентичность – чувство тождественности или преемственности – в юности формируется под влиянием ценностных ориентаций в контексте всех звеньев структуры самосознания: 1 – идентификация в отношении к себе телесному и духовному; 2 – идентификация в контексте притязаний на признание во взаимоотношениях с другими людьми; 3 – идентификация в контексте биологического пола и гендерных ролей; 4 – идентификация в контексте психологического времени личности; 5 – идентификация в контексте социального пространства личности.

Идентификацию в духовном отношении в контексте требований человека к самому себе и притязаний на признание среди других людей мы уже обсудили выше. Иные виды идентификации в юности требуют специального обсуждения.

Половая идентификация занимает особое внимание в юности. Здесь следует говорить о важности формирования *половой идентичности* – переживания и осознания своей половой принадлежности, физических, физиологических, психологических и социальных особенностей своего пола. Важное место занимает *гендерная роль*, которая особенно тонко осваивается в юности. Социальные проблемы пола вызывают в юности ярко выраженный интерес, так как физическое созревание и психологическая готовность к половой идентичности вызывают к ориентации в проблемах гендера*, в проблемах освоения половой роли.

Обладая высокой сензитивностью к любым воздействующим на него условиям и обстоятельствам, молодой человек может подпасть в зависимость от людей, имеющих отклонения в психосексуальном развитии и поведении, и со свойственной юности способностью к идентификации перейти границы принятых в обществе норм. Мы не будем здесь обсуждать половые извращения и границы дозволенного. Но юный человек должен для себя хорошо знать, что если он не имеет грубой врожденной патологии (например, грубые изменения в области гипоталамуса, приводящие к транссексуализму), то вернее идти путем, отпущенным природой и нормативными установлениями традиционных культур, иначе это – мерзость перед людьми и Богом. *Мерзость* – то, что вызывает отвращение. Библия увещевает и наставляет в этом отношении: «Не ложись с мужчиною, как с женщиною: это мерзость. И ни с каким скотом не ложись, чтоб излить семя и оскверниться от него; и женщина не должна становиться перед скотом для сокоупления с ним: это гнусно. Не оскверняйте себя ничем этим...» (Третья книга Моисеева. Левит. 18:21-23).

Однако и нормально обусловленная половая идентификация как процесс физического, психического и социального созревания приносит в юношеском возрасте большое, тягостное напряжение и чувство тревоги.

Об особенностях половой идентификации как процесса развития личности весьма обоснованно и точно писал Э. Эриксон: «Когда юноша, физически созревший для деторождения, все же не способен любить так, чтобы чувствовать связь с другим человеком (это могут давать друг другу лишь люди с достаточно

* Введение в гендерные исследования. Ч. I: учебное пособие / под ред. И.А. Жеребкиной. Харьков; СПб., 2001; Введение в гендерные исследования. Ч. II: хрестоматия / под ред. С.В. Жеребкина. Харьков; СПб., 2001.

сформированной идентичностью), он не может последовательно прилагать усилия, чтобы быть родителем. Два пола, конечно, весьма различаются в этом отношении, как и отдельные индивиды, хотя общества обеспечивают различные возможности и устанавливают разные санкции, задавая границы, в пределах которых индивид должен заботиться о своих потенциальных возможностях и о своей потенции. Психосоциальный мораторий, по-видимому, построен в режиме развития человека. Подобно всем “скрытым состояниям” в русле развития, замедление взросления может быть как пролонгировано, так и действенно и решительно интенсифицировано, что объясняет и совершенно особые человеческие достижения, и совершенно особые слабости в таких достижениях. Какими бы ни были частичные удовлетворения и частичные воздержания, характеризующие добрачную половую жизнь в разных культурах – удовольствие ли и гордость от мощной детородной активности без каких бы то ни было обязательств, или эротическое состояние без детородного завершения, или дисциплинируемое и самозабвенное замедление, – развитие “эго” использует психосексуальные силы юности для усиления стилизованности и идентичности. Здесь также человек никогда не является животным: даже тогда, когда общество содействует близости полов, оно делает это стилизованным способом. С другой стороны, сексуальный акт, говоря биологически, – это акт порождения потомства, и в любой социальной ситуации, которая в конечном итоге неблагоприятна для завершающей фазы порождения потомства и заботы о нем, существует элемент психобиологической неудовлетворенности, которую здоровые в других отношениях люди могут вытерпеть, так же как можно выдержать и все другие частичные воздержания, оказывающиеся для определенных периодов и в особых условиях благоприятными для целей формирования идентичности. У женщины, несомненно, эта неудовлетворенность играет намного большую роль вследствие ее более глубокой включенности, физиологически и эмоционально, в половой акт как первый шаг в обязательство порождения потомства, о котором ей регулярно напоминает, телесно и эмоционально, ее ежемесячный цикл...

Различные препятствия для полного завершения юношеского полового созревания имеют множественные глубокие следствия, создающие важную проблему для дальнейшего проектирования» [36, с. 255–256].

Далее Э. Эриксон с психоаналитических позиций указывал на возможные регрессивные возрождения более ранних стадий психосексуальности: инфантильной генитальной и психомоторной стадии с ее тенденцией к аутоэротической манипуляции, грандиозной фантазией и энергетичной игрой. «В молодости аутоэротизм, максимализм и стремление играть – все безмерно расширяется половой потенцией и локомоторной зрелостью и крайне усложнено тем, что мы вскоре будем описывать как новую историческую перспективу юношеского сознания» [36, с. 256].

Психологи не перестают обсуждать проблему, которая определяет развитие чувства идентичности в юности. Э. Эриксон писал: «Итак, чувство идентичности становится более необходимым (и более проблематичным) всюду, где бы ни предусматривался широкий ряд возможных идентичностей» [36, с. 259]. Эта мысль подтверждает и наше понимание множественности происходящих в юности самоотождествлений, которые могут не только дополнять друг друга при развитии

Я-идентичности, но и мешать гармоничному самоотождествлению. Чрезвычайно важно обрести в юности нормальную половую идентичность как полноценный аспект личной идентичности.

В юности идентификация личности, чувство тождественности со своим «Я» зависит и от того, как развивается у человека его личное *психологическое время*. Позитивно оцениваемые воспоминания о личном прошлом, равно как и проекты, планы и надежды, связанные с будущим, свидетельствуют о существовании Я-идентичности в настоящем.

Э. Эриксон справедливо постулировал в качестве главной дилеммы юности интерактивный конфликт: «идентичность против диффузной идентичности». Поэтому-то так значимо в юности самоопределиться в отношении своего личностного психологического времени, особенно в отношении обязательств перед самим собой и их разумной проекции на будущее.

Идентификация в контексте *социально-нормативного пространства личности* в юношеском возрасте особенно показательна: именно сейчас молодой человек выбирает для себя, какую идентичность он предпочтет. Многие выбирают позитивную, одобряемую обществом идентичность. Но есть и те, кто выбирает для себя негативную идентичность. Это подражание субъекту, негативно оцениваемому общественным мнением.

Возможны случаи и смены идентичности: отказ от прежней идентификации независимо от того, касается ли это самой личности, ее расовой или половой идентичности. Жизнь человека сложна. Идентичность – процесс и механизм, определяющий жизненный путь личности. Догадываясь об этом или глубоко понимая это, человек в своей юности пытается определить для себя, какой же идентификации он будет следовать, так как его Я-идентичность определяет его ценностные ориентации и судьбу.

Идентификация в юности имеет свои выраженные особенности: самоотождествление осуществляется в высшей степени как произвольный процесс, протекающий на сознательном уровне. Юноша стремится присвоить себе свойства и качества другого человека и преобразовать себя по его образцу. При этом самоотождествление осуществляется посредством *обособления* от других, нежелательных влияний и от некоторых нежелательных качеств, присущих самому человеку. Обособление – механизм, сопутствующий и содействующий идентификации. Обособление в юности может быть выражено в высшей степени. Юность отличается постоянной внутренней готовностью к обособлению от нежелательных влияний других людей. Обособление может осуществляться как бессознательно, так и осознанно.

Обособление, сопутствующее повседневной жизни субъекта среди других людей, соединенное с идентификацией в качестве механизмов, включенных в общение, придает общению естественность и обеспечивает перспективу успеха.

Крайняя степень обособления – отчуждение.

Отчуждение может принести как отдельной личности, так и обществу в целом непоправимый ущерб.

Способность к обособлению в юности, превращаясь в крайнюю форму – отчуждение, может иррадиировать подобно процессу торможения на других,

начиная от родных и близких, от взрослых, сверстников и младенцев до одушевленной и неодушевленной природы. Иррадиация отчуждения на весь окружающий социальный, природный и рукотворный мир делает человека социально опасным.

Отчуждение опасно своей заразительностью. Отчуждение рождается в душе в ответ на отчужденные проявления другого, которые отторгаются, не принимаются человеком. Мятежный дух человека благодаря рефлексии содействует обособлению и утверждению человеком своего «Я». А. Камю писал: «Первое движение ума, скованное отчужденностью, заключается в том, что он разделяет эту отчужденность со всеми людьми, и в том, что человеческая реальность страдает в своей целостности от обособленности, отчужденности по отношению к самой себе и к миру. Зло, испытанное одним человеком, становится чумой, заразившей всех. В наших повседневных испытаниях бунт играет такую же роль, какую играет “*cogito*” в порядке мышления: бунт является первой очевидностью. Но эта очевидность извлекает индивида из его одиночества, она является тем общим, что лежит в основе первой ценности для всех людей. Я бунтую, следовательно, мы существуем» [49, с. 134]. Если заражение способностью к идентификации помимо самоотождествления содействует социализации человека, развитию в нем Мы-идентичности, то заражение отчуждением творит отчужденных субъектов, а их множественность творит отчужденное общество индивидов.

Развитие идентичности определяют также сами условия. Исследуя развитие чувства идентичности, Э. Эриксон пишет о том, что юность стремится научиться и идентифицироваться с новыми условиями – с искусностью изобретения, улучшением производства и уходом за механизмами. «Там, где молодежь лишена прав на такой технический опыт, она должна взрываться в мятежном движении; там, где она не одарена, она будет чувствовать отчуждение от современного мира до тех пор, пока технология и нетехнический интеллект придут к определенному слиянию» [36, с. 258].

Здесь необходимо привести знаменательный труд С.Л. Рубинштейна, посвященный человеку в мире. В этом философском и глубоко психологическом произведении человек рассматривается как субъект жизни. С.Л. Рубинштейн заключил свою работу суждением о специфике человеческого существования и отношения человека к бытию: «Все мировоззренческие вопросы, ответ на которые определяет то, как человеку жить и в чем искать смысл своей жизни, при всем их неисчерпаемом разнообразии и богатстве сходятся в конечном счете в одной точке, в одном вопросе – о природе человека (что есть человек) и его месте в мире». С.Л. Рубинштейн рассматривал «проблемы истины, красоты и т. д. не “в себе”, а как предмет отношения к ним человека. В этом заключается преодоление отчуждения, очеловечивание, осуществление связи с жизнью» [4, с. 382].

Отчуждение может проявляться как позитивный и как негативный по своему результату механизм взаимодействия людей.

Отчуждение как *позитивно направленный на саму личность способ реагирования* позволяет человеку уберечь свою Я-идентичность, свое самоотождествление, когда есть реальная угроза вторжения в пределы личности, угроза сбить человека с толку, помешать ему сосредоточиться на важных мыслях и образах в момент

творческого воспарения духа или в других значимых обстоятельствах. В этом случае отчуждение (обособление) выступает как социально приемлемая реакция защиты человеком своей идентичности.

Отчуждение как *негативно направленный способ реагирования* создает опасную ситуацию угрозы другому человеку.

Имея недостаточный опыт в чувстве меры, контролирующем возможные последствия от результатов проявления отчуждения, юноша может позволить себе проявление крайней степени агрессии – вербальной и действенной, которая может обернуться для него и других непоправимым несчастьем.

В юности особенно ясно проявляются дефекты личности, склонной к отчуждению, выражаемому в предпосылках к антиобщественному поведению.

Для определенной категории людей, психологически готовой к преступлению, характерны причины противоправного деяния, *побуждаемые отчужденной позицией* в отношении к другому человеку и *собственной волей* преступника. Отчужденность от другого позволяет принятие криминальной цели и способа ее достижения.

Отчужденность как свойство личности может лечь в основу типологии криминогенности или патологии личности [37, с. 106–108; 50, с. 95–97, 160]. При этом *личная отчужденность эквивалентна социальной отчужденности*.

Среди насильственных преступников существуют люди, у которых нарушение механизмов идентификации-обособления и несформированность ценностных ориентаций сочетаются с нарушением самоотождествления. Потребность утвердиться в собственном мнении как о лице, способном на агрессивный, «сильный» поступок, на рискованное опасное действие, толкает таких субъектов к грабёжам, насилию, убийствам. Насильственные преступники формируют в себе способность к отчужденности для преодоления чувства постоянной неуверенности в себе, изматывающего чувства неполноценности, своей ничтожности и никчемности. «Никто» – парадоксально, что в значении существительного «никто» означает лицо, не имеющее веса в обществе, ничтожную личность. «Ничто» – также в значении существительного означает лицо, не имеющее никакой цены, лишенное серьезного значения.

У лиц, склонных к насилию, нет оснований для позитивного самоотождествления. Поэтому у них постоянная готовность избавиться от негативного чувства собственной неполноценности. Некоторые преступники объясняют тяжкое преступление как акт совершения «сильного поступка». Насильственные действия в этом случае работают на патологическое, асоциальное развитие самоотождествления и крайней степени отчужденности от других людей. Асоциальное самоотождествление может придавать насильнику-убийце искаженное чувство уверенности в собственном существовании, в определенности существования, не как «тварь дрожащая», а как *право* имеющее существо [51, с. 322]*. Ф.М. Достоевский показал не только психологию отчуждения молодого человека, бывшего студента Родиона Раскольникова, но и психологию его возрождения, преобразования личности. Если роман начинается с указания на состояние отчужденности героя, на то, что «с

* «Тварь я дрожащая или право имею...».

некоторого времени он был в раздражительном и напряженном состоянии, похожем на ипохондрию. Он до того углубился в себя и уединился от всех, что боялся даже всякой встречи» [51, с. 5], то заканчивается роман уведомлением читателя о том, что «тут уж начинается новая история, история постепенного обновления человека, история постепенного перерождения его, постепенного перехода из одного мира в другой» [51, с. 422].

Отчужденная личность, даже если речь не идет о злодее, нежелательна или даже неблагоприятна для общества. Исключение могут составлять лишь особо одаренные люди, отчужденные от других своей поглощенностью творчеством. В этом случае общество может оказаться готовым принять отчужденность гения. Во всех остальных случаях отчужденность не поощряется, она антисоциальна.

Анализ возможных осуществлений действий идентификации и обособления в юности показывает, сколь сложен и неоднозначен процесс идентификации-обособления. Идентификация и обособление выступают также и как механизм, содействующий развитию и бытию личности, способности к развитию самооценки. При этом данный феномен имеет тенденции как к тонкому взаимодействию и взаимной коррекции, так и к взаимной необратимости – к расщеплению до уровня внеположенности непересекающихся, отдельно представленных свойств. Склонность к гиперболизированной идентификации в предельном выражении превращается в глупость; склонность к гиперболизированному отчуждению в предельном выражении превращается в кошмар и ужас для окружающих и самого отчужденного.

В юности идентификация и обособление функционируют в высшей степени, так как человек в этот период переживает так называемые высокие мировоззренческие чувства, и вся сфера чувств отличается особой интенсивностью и яркой окрашенностью. Именно это обстоятельство создает реальные личностные проблемы человеку, планирующему свой жизненный путь, определяющему для себя ценностные ориентации и вступающему в межличностные отношения с миром людей.

3. Самосознание в юности. Феномен потенциала развивающейся надситуативной активности

Самосознание в юности. В юности осознание человеком себя как индивидуальности, поиск и утверждение своей неповторимости и уникальности – одна из форм рефлексивной деятельности. Структура самосознания в юности развивается особенно продуктивно, оно направлено на самого себя, глубоко интимно, в рамках всех пяти его звеньев: 1 – *образ тела*, его особенности; «Я» – как более или менее устойчивая часть самосознания в той степени, в какой Я-концепция осознается; 2 – *притязание на признание* своей уникальной сущности во всех возможных проявлениях – амбициях, поведении, чувствах, характере, в том числе в особенностях чувственной сферы и интеллекта, а также в особенностях самой личности; 3 – *половая идентификация* как переживание и осознание своей половой принадлежности, физиологических, психологических и социальных особенностей своего пола; в норме – принятие необратимости своей половой принадлежности и

удовлетворенность этим; 4 – *психологическое время личности** – переживание субъектом своего личного прошлого, настоящего и будущего, а также переживание расширенного времени как своего собственного: история человечества (и космоса) и перспективы развития человечества и его цивилизаций; 5 – *социально-нормативное пространство личности* – пространство всех существующих объективно внешних реалий и реалий внутреннего пространства самой личности.

Все звенья самосознания – аспект, определяющий личностную идентичность.

В юности человек уже способен отдавать себе отчет в том, что он должен развивать свое самосознание, чтобы познать самого себя как индивидуальность, познать свое место среди других людей и множества разнообразных явлений и объектов в мире.

Юноша устремляется к самопознанию и самооценке. Он стремится сформировать представление о собственном «Я» и утвердить себя как личность.

Если мы говорили об отрочестве как возрасте напряженной внутренней жизни, заводящей подростка в глубины таинств его психики, то теперь следует сказать, что этот возраст был лишь преддверием к действительно безграничному по своему потенциалу внутреннему миру юноши. Многие молодые люди в юности обращают особое внимание к своей внутренней жизни, пытаются постичь глубины своей души, своих неоткрытых еще возможностей и тайн.

Выдающийся русский философ и публицист Николай Александрович Бердяев (1874–1948) в своей уникальной попытке к самопознанию исследовал тайну своего внутреннего мира: «Личность человеческая более таинственна, чем мир, ее тайна никому не известна до конца». Тайна личностных глубин не известна до конца самому человеку – носителю этой личности.

Опыт самопознания приводит к бесконечно сложным рефлексиям на условия пройденного жизненного пути, на «некоторые наследственные свойства характера кровной семьи», на свои особенные позиции в отношении к миру, к своей ближайшей среде, к обстоятельствам жизни и к самому себе. Воспоминания детства и юности давали Н. Бердяеву возможность для самопознания своей личности.

Николай Бердяев писал: «Вспоминая себя мальчиком и юношей, я убеждаюсь, какое огромное значение для меня имели Достоевский и Л. Толстой. Я всегда чувствовал себя очень связанным с героями романов Достоевского и Л. Толстого, с Иваном Карамазовым, Версиловым, Ставрогиным, князем Андреем и дальше с тем типом, которого Достоевский назвал “скитальцем земли русской”, с Чацким, Евгением Онегиным, Печориным и другими. В этом, быть может, была моя самая глубокая связь с Россией, с русской судьбой. Также чувствовал я себя связанным с реальными людьми русской земли: с Чаадаевым, с некоторыми славянофилами, с Герценом, даже с Бакуниным и русскими нигилистами, с самим Л. Толстым, с Вл. Соловьевым. Как и многие из этих людей, я вышел из дворянской среды и порвал с ней. Разрыв с окружающей средой, выход из мира аристократического в мир

* Это несколько иной аспект самосознания в сравнении с понятием немецко-американского психолога Курта Левина (1890–1947) «временная перспектива». Термин К. Левина предложен для обозначения актуальных представлений субъекта о своем прошлом и будущем, которым придавалось определяющее значение.

революционный – основной факт моей биографии, не только внешней, но и внутренней. Это входит в мою борьбу за право свободной и творческой мысли для себя. Я боролся за это с яростью и разрывал со всем, что мне мешало осуществлять мою задачу. Сознание своего призвания было во мне очень сильным. У меня было достаточно силы воли для осуществления своей задачи, и я мог быть свиреп в борьбе за ее осуществление. Но я не был человеком выдержанного стиля, я сохранил неопределенные противоречия, я не мог задержаться до конца на чем-либо ином. Я больше всего любил философию, но не отдался исключительно философии; я не любил “жизни” и много сил отдал “жизни”, больше других философов; я не любил социальной стороны жизни и всегда в нее вмешивался; я имел аскетические вкусы и не шел аскетическим путем; был исключительно жалостлив и мало делал, чтобы ее реализовать. Я всегда чувствовал действие иррациональных сил в своей жизни. Я никогда не действовал по рассуждению, в моих действиях всегда было слишком много импульсивного. Я сознавал в себе большую силу духа, большую независимость и свободу от окружающего мира и в обыденной жизни часто бывал раздавлен беспорядочным напором ощущений и эмоций. Я был бойцом по темпераменту, но свою борьбу не доводил до конца, борьба сменялась жаждой философского созерцания. Я часто думал, что не реализовал всех своих возможностей и не был до конца последователен, потому что во мне было непреодолимое барство, барство метафизическое, как однажды было обо мне сказано. Если бы я был демократического происхождения, вероятно, был бы менее сложен и во мне не было бы некоторых черт, которые я ценю, но я больше сделал бы и дела мои были бы более сосредоточенными и последовательными. Если во мне был эгоизм, то это был скорее эгоизм умственного творчества, чем эгоизм наслаждений жизни, к которым я никогда не стремился. Я никогда не искал счастья. Во имя своего творчества я мог быть жестоким. В умственном творчестве есть этот элемент. Intellectuel, мыслитель, в известном смысле урод. Во мне всегда происходила борьба между охранением своего творчества и жалостью к людям. Нужно отличать “я” с его эгоистичностью от личности. “Я” есть первичная данность, и оно может сделаться ненавистным, как говорил Паскаль. “Личность” же есть качественное достижение. В моем “я” есть многое не от меня» [26, с. 37–38].

Н. Бердяеву повезло в том, что у него уже с детства было сильное чувство призвания. Он всегда чувствовал себя призванным к философии.

«Философские книги я начал читать до неправдоподобия рано. Я был мальчиком очень раннего развития, хотя и мало способным к регулярному учению. Я вообще всю жизнь был нерегулярным человеком. Я читал Шопенгауэра, Канта и Гегеля, когда мне было четырнадцать лет. Я нашел в библиотеке отца “Критику чистого разума” Канта и “Философию духа” Гегеля (третья часть “Энциклопедии”). Все это способствовало образованию во мне своего субъективного мира, который я противопоставлял миру объективному. Иногда мне казалось, что я никогда не вступлю в “объективный” мир. Каждый человек имеет свой особый внутренний мир. И для одного человека мир совсем иной, чем для другого, иным представляется. Но я затрудняюсь выразить всю напряженность своего чувства “я” и своего мира в этом “я”, не нахожу для этого слов. Мир “не-я” всегда казался мне менее интересным. Я постигал мир “не-я”, приобщался к нему, лишь открывая его как внутреннюю составную часть моего мира “я”. Я, в сущности, всегда мог понять Канта или Гегеля, лишь раскрыв в самом себе тот же мир мысли, что и у Канта или Гегеля. Я ничего не мог узнать, погружаясь в объект, я узнаю

все, лишь погружаясь в субъект. Может быть, именно вследствие этих моих свойств мне всегда казалось, что меня плохо понимают, не понимают главного. Самое главное в себе я никогда не мог выразить. Это отчасти связано с моей скрытностью. Свои мысли я еще мог выражать, во всяком случае пытался выражать. Но чувства свои я никогда не умел выразить. Моя сухость, может быть, была самозащитой, охранением своего мира. Выражать свои чувства мешала также стыдливость, именно стыдливость, а не застенчивость. Мне всегда было трудно интимное общение с другим человеком, труден был разговор вдвоем. Мне гораздо легче было говорить в обществе, среди множества людей. С глазу на глаз наиболее обнаруживалось мое одиночество, моя скрытность вступала в силу. Поэтому я всегда производил впечатление человека антилирического. Но внутренний, невыраженный лиризм у меня был, была даже крайняя чувствительность и жалостливость. От соприкосновения же с людьми я делался сух. А. Жид в своем *Journal* пишет, что он плохо выносил патетическое и проявление патетизма в других людях его охлаждало. Это в высшей степени я могу сказать про себя. Я плохо выношу выраженный патетизм чувств. Иногда мне казалось, что я ни в ком не нуждаюсь. Это, конечно, метафизически и морально неверно, но психологически я это переживал. В действительности нуждался в близких и бывал им многим обязан. Для моего отношения к миру “не-я”, к социальной среде, к людям, встречающимся в жизни, характерно, что я никогда ничего не добивался в жизни, не искал успеха и процветания в каком бы то ни было отношении. Свое призвание я осуществил вне каких-либо преимуществ, которые может дать мир “не-я”. И меня всегда удивляло, что я какие-либо преимущества получал. Я никогда не пошевелил пальцем для достижения чего-либо. В отношении к людям у меня была довольно большая личная терпимость, я не склонен был осуждать людей, но она соединялась с нетерпимостью. Я делался нетерпим, когда затрагивалась тема, с которой в данный момент увязана была для меня борьба. Меня всегда беспокоило сознание, что недостаточна интериоризация, недостаточно развитие мира в себе, что необходима экстериоризация, действие во вне. По терминологии Юнга, я должен признать себя не только интервертированным, но и экстравертированным. Но вместе с тем я создавал трагическую неудачу всякого действия во вне. Меня ничто не удовлетворяет, не удовлетворяет никакая написанная мной книга, никакое сказанное мной вове слово. У меня непреодолимая потребность осуществить свое призвание в мире, писать, отпечатлеть свою мысль в мире» [26, с. 43–44].

Мы обратились к юности выдающегося, весьма своеобразного, страстного и эмоционального философа, Николая Александровича Бердяева, не случайно. Его интересовали *три проблемы – личность, свобода и творчество*. Всю жизнь Н.А. Бердяев страстно размышлял о свободной личности и о ее способности к творчеству, всю жизнь он стремился осуществить свое призвание – запечатлеть свою мысль в речи, слове и, следовательно, в мире.

В такой же благоприятной для развития своего самосознания среде жила еще одна благородная душа – русская аристократка, художница, известная своим девичьим дневником, который она вела на французском языке. Речь идет о Марии Константиновне Башкирцевой (1860–1884), которая умерла – увы! – совсем юной – в 23 года. Ее дневник – памятник юной девушке, памятник труду, величию дара

личности, таланту саморефлексий, самоанализа, самоуничижения, эгоцентризма и самообожания.

Родовитость и богатство Марии Башкирцевой содействовали раннему развитию ее таланта. Эта юная девушка писала, что она больше славы и бессмертия любила «искусство, музыку, живопись, книги, свет, платья, роскошь, шум, всякую погоду, спокойные равнины России и горы вокруг Неаполя, снег зимой, дождь осенью, весну с ее тревогой, спокойные летние дни и прекрасные ночи со сверкающими звездами» [28].

Мария Башкирцева с юных лет развивала свое дарование художника. Ее дневник насыщен переживаниями того, что для развития таланта художника нужна внутренняя и внешняя свобода, нужен постоянный тяжелый и вдохновенный труд. Дневник можно рассматривать как рефлексии на труд художника, который занят поиском своего пути в искусстве.

Ей восемнадцать лет.

«Четверг, 2 января. Чего мне страстно хочется, так это возможности свободно гулять одной, уходить, приходить, садиться на скамейки в Тюильри и особенно в Люксембургском саду, останавливаться у художественных витрин, входить в церкви, музеи, по вечерам гулять по старинным улицам, вот чего мне страстно хочется, вот свобода, без которой нельзя сделаться художницей. Думаете вы, что всем этим можно наслаждаться, когда вас сопровождают или когда, отправляясь в Лувр, надо ждать карету, компаньонку или всю семью?» [28, с. 202].

Ей девятнадцать. Она нездорова, но жаждет успеха.

«Понедельник, 5 января. Ну! Дело плохо!

Я снова принимаюсь за работу, но так как я не открыто прервала ее, то чувствую вялость и небывалое бессилие. А выставка в Салоне приближается! Говорила обо всем этом с великим Жулианом, и мы оба, особенно он, согласны в том, что я не готова.

Итак, я работаю два года и четыре месяца, не вычитая ни потерянного времени, ни путешествия, это мало, но это и страшно много. Я недостаточно работала, я теряла время, я отдыхала, я... одним словом, я не готова. “Булавочные уколы сводят вас с ума, но сильный удар дубины вы можете перенести”. Это правда. <...>

Вторник, 10 февраля. Имела длинное совещание с отцом Жулианом по поводу Салона; я представила два проекта, которые он находит хорошими. Я нарисую оба, это возьмет три дня, и тогда мы выберем. Я недостаточно сильна, чтобы блестяще выполнить портрет мужчины, сюжет неблагоприятный, но я в состоянии выполнить лицо (разумеется, в натуральную величину) и нагое тело, что, как говорит Жулиан, кажется мне заманчивым, как всем, чувствующим свою силу. Этот человек забавляет меня, он построил на моей голове целую будущность, он заставит меня сделать и то, и это, если я буду умницей, а после нашего последнего разговора я умница. На будущий год это будет портрет какого-нибудь знаменитого человека и картина. “Я хочу, чтобы вы сразу выдвинулись из ряда”. <...>

Суббота, 31 июля. Вчера начала мою картину. Это очень простая вещь по обстановке. Двое сидят под прекрасными деревьями, стволы которых поросли мхом, вверху картины есть просвет, и через него видна светло-зеленая местность. Мальчик, лет десяти, сидит en face с учебною книгою в левой руке, глаза устремлены в пространство. Девочка, лет шести, одной рукой тянет его за плечо, а в другой держит грушу. Ее головка в профиль, и видно, что она зовет его.

Дети видны только до колен, так как все сделано в натуральную величину. <...>

Париж, Воскресенье 22 августа, 8 часов. Каким красивым и удобным кажется мне мой рабочий кабинет!

Прочитала все еженедельные иллюстрированные журналы и другие брошюры... теперь все по-прежнему, как будто бы я не уезжала.

Два часа пополудни. Утешаюсь мыслью, что мои огорчения по своим размерам равняются огорчениям всех других художников: ведь мне же не приходится выносить бедность и тиранию родителей, а на это всегда ведь жалуются художники. Выйти из моего положения я могу не талантом, а созданием чего-нибудь гениального, но такие создания и у гениев являются не через три года учения, особенно теперь, когда столько талантов. У меня хорошие намерения» [28, с. 218–219; 227–228].

Страница за страницей дневника посвящены заветной цели – стать настоящим художником. Она и стала художником – тонким, проникновенным. Но жизнь отпустила ей мало времени. И, чувствуя надвигающийся конец, девушка пишет предисловие к своему дневнику. В этом обращении к читателю юная Мария выражает жажду жизни, жажду утвердить себя в своих амбициях быть художником и писателем. Она в ужасе перед возможным забвением, но она хочет утвердить себя как личность, которая была и которая жаждет остаться в памяти.

Обратимся к Предисловию Марии Башкирцевой, к ее ставшему знаменитым Дневнику.

«К чему лгать и рисоваться! Да, несомненно, что мое желание, хотя и не надежда, остаться на земле во что бы то ни стало. Если я не умру молодой, я надеюсь остаться в памяти людей как великая художница, но если я умру молодой, я хотела бы издать свой дневник, который не может не быть интересным. Но так как я сама говорю об издании, легко подумать, что мысль предстать на суд публики испортила, то есть лишила эту книгу ее единственного достоинства; это наверное! Во-первых, я очень долго писала, совершенно об этом не думая; а потом – я писала и пишу безусловно искренне именно потому, что надеюсь быть изданной и прочитанной. Если бы эта книга не представляла точной, абсолютной, строгой правды, она не имела бы никакого смысла. И я не только все время говорю то, что думаю, но могу сказать, что никогда, ни на одну минуту не хотела смягчить того, что могло бы выставить меня в смешном или невыгодном свете. Да и наконец, я для этого слишком высоко ставлю себя.

Итак, вы можете быть вполне уверены, благосклонный читатель, что я вся в этих страницах. Быть может, я не могу представить достаточного интереса для вас, но не думайте, что это я, думайте, что это просто человек, рассказывающий вам все свои впечатления с самого детства. <...>

Когда я умру, прочтут мою жизнь, которую я нахожу очень замечательной (впрочем, иначе и быть не может). Но я ненавижу всякие предисловия (они помешали мне прочесть много прекрасных книг) и всякие предуведомления этих извергов издателей. Поэтому-то я и пишу сама мое предисловие: без него можно было бы обойтись, если бы я издавала все, но я желала бы ограничиться тем, что начинается с 18-летнего возраста*: все предшествующее

* Дневник Марии Башкирцевой был опубликован с самого начала – с ее двенадцатилетнего возраста.

слишком длинно. Итак, я даю вам заметки, достаточные для понимания дальнейшего: я часто возвращаюсь к прошедшему по поводу того или другого.

Если я умру вдруг, внезапно захваченная какой-нибудь болезнью... Быть может, я даже не буду знать, что нахожусь в опасности, – от меня скроют это. А после моей смерти перероют мои ящики, найдут этот дневник, семья моя прочтет и потом уничтожит его, и скоро от меня ничего больше не останется, ничего, ничего, ничего! Вот что всегда ужасало меня! Жить, обладать таким честолубием, страдать, плакать, бороться и в конце концов – забвение, <...> забвение, как будто бы никогда и не существовал. <...>

Если я и не проживу достаточно, чтобы быть знаменитой, дневник этот все-таки заинтересует натуралистов: это всегда интересно – жизнь женщины, записанная изо дня в день, без всякой рисовки, как будто бы никто в мире не должен был читать написанного, и в то же время с страстным желанием, чтобы оно было прочитано; потому что я вполне уверена, что меня найдут симпатичной; и я говорю все, все, все.

Не будь этого – зачем бы. Впрочем, будет само собой видно, что я говорю все.

Париж, 1 мая 1884 г.» [28, с. 19–20].

Рефлексии на свою личность в юношеские годы Николая Бердяева и дневники юной Марии Башкирцевой раскрывают напряженность внутренней жизни аристократической молодежи России. «Самопознание», опыт философской автобиографии Николая Бердяева, как и Дневник Марии Башкирцевой, показывает, сколь велик потенциал внутреннего мира юности. Оба созидают свою личность, мучительно всматриваясь в свое «Я», которое предстает как «акт познания и предмет познания». Николай Бердяев утверждал: «Моя личность не есть готовая реальность, я созидаю свою личность» [26, с. 297]. Мария Башкирцева утверждала себя, свою уникальную сущность через свое творчество. Она была удручена своей немощностью.

«Воскресенье, 12 октября 1884 г. Я уже не могла выйти.

Я совсем больна, хотя и не лежу.

О, Боже мой, Боже мой! А моя картина, моя картина! Моя картина!» [28, с. 319].

Мария Башкирцева умерла 31 октября 1884 года... Ей было 23 года.

Безусловно, не всякий молодой человек столь одарен и не всякий готов к столь высокой рефлексии на себя. Обычно к столь глубокой рефлексии способны юноши и девушки из интеллигентных, традиционных семей, где существуют условия для духовного развития. Но это могут быть и молодые люди, которые, обладая уже сформированной внутренней позицией по отношению к значению для себя тонкой рефлексии, уже осознали свою неповторимую индивидуальность и одновременно свою ответственность за себя, за близких и все человечество. Эти юноши и девушки открывают для себя, что *быть личностью – это миссия человека*, его предназначение к поиску и реализации своих потенциальных возможностей.

Юности свойственно планировать свое будущее.

Притязания на признание в юности, конечно же, как и в отрочестве, направлены на реализацию себя в сфере физического, умственного и личностного развития. На фоне более высокого уровня умственного развития и более тонкой рефлексии

юноши и девушки учатся достигать успехов, утверждая себя в спорте, познании, творчестве и в развитии своей неповторимой индивидуальности.

Притязание на признание в юности распространяется на все стороны жизни: от сферы физической и личностной до сферы социальных отношений людей. В юности пробуждается потребность утвердить свое *чувство достоинства, потребность в самостоянии*.

Помимо возвышенных устремлений юность имеет множество новообразований, отвлекающих от реализации потребности к духовному росту. Это, во-первых, повышенная сензитивность к чувственным переживаниям, связанным с восприятием представителя другого пола, с легким прикосновением, с бессознательным влечением. Это, во-вторых, юношеский гедонизм, стремление к удовольствию, наслаждению от всего, что питает чувственность. Юношеские чувственные переживания волнуют, пугают и утомляют своими неожиданными проявлениями. Следствием этих возрастных побуждений является то, что часть молодежи уходит в сферу, где реализует свои природно-развивающиеся страсти. Эти и другие причины рассеивают в юности потенциальную возможность развиваться как личность.

Не каждый из юных сосредоточен на стремлении развить в себе позицию личности, способной к самостоянию и развитию своей уникальности.

Все звенья самосознания в реальных обстоятельствах индивидуальной жизни наполняются теми социально значимыми ценностями, которые определяют затем выбор человека в обыденной или экстремальной жизненной ситуации. Этот выбор делается однако не только по ценностной ориентации, не только по мысли, но и по страсти.

Н.А. Бердяев писал о том, что мир не есть мысль. «Мир есть страсть и страстная эмоция». В этом утверждении есть своя правда.

В юности страстные желания могут довлеть над провозглашаемыми ценностными ориентациями. Такие человеческие чувства, как *любовь, страсть к свободе, страсть к сладострастию*, а также *амбиции, алчность, ненависть, зависть, ревность* и др., могут возобладать над личностью, и несчастный непостижимым для себя образом преступает черту дозволенного. Страсть может настолько овладеть всем полем сознания, что молодой человек оказывается заложником тирании этой неотвратимой силы. Человеческая натура не всегда может следовать за здравым смыслом, ценностями и законом.

Особенно склонна к срывам молодежь. Именно в юности чаще всего происходит обострение криминогенных срывов.

В юности человек нуждается в особом самоконтроле. Пафос свободы личности как раз состоит в понимании своих *обязанностей, прав и ответственности*. «Только ответственный – свободен и только свободный – ответственен» – писал Н.А. Бердяев [51, с. 464]. В юности человек должен научиться быть господином самого себя, своих страстей, быть способным к самостоянию.

Безусловно, чтобы быть господином самому себе, следовало бы решить для себя задачу, которую перед собой с древних времен ставило человечество: «Познай самого себя». Но как может решить эту задачу юноша, если многоопытные философы признают в непостижимости потенциала отдельной личности: ведь личность человеческая более таинственна, чем мир?

А. Камю писал о том, что человеческая натура не может стать «такой же устойчивой и ясной, как сам закон... в этом случае она превратилась бы в натюрморт» [52, с. 154]. Тем самым А. Камю выражает не только понимание человеческого бунта, но и «путь племени Каина» [49]*.

Человека, особенно в юности, раздирают возвышенные мечты, плотские страсти, неадекватные желания. Выбрать свой путь, не сойти с дистанции – основная задача в юности. Знаменитое «здесь и теперь», как пронзительное желание чего-либо, особенно важно уметь отразить на всю протяженность своей уникальной жизни. Именно в юности поведение, выбор, психическое состояние могут перестать зависеть от опыта, надежд и перспективных планов ради страсти, требующей своей реализации «здесь и теперь».

Когда мы анализируем те или иные поступки литературных героев или реальных людей, мы можем интеллектуально и эмоционально идентифицироваться с этими персонажами. Однако, когда речь идет о собственном проявлении в контексте реальной ситуации, человек должен уметь владеть своими страстями, должен быть ответственным за себя в каждый момент своей жизни. Именно в юности человек делает один из принципиально значимых для себя выборов: *следовать сформулированным для себя ценностям*, прилагая для этого всю свою волю, все душевные силы, или следовать велению возникающих страстей. В юности человек способен дать себе отчет в том, на какой стадии моральных ориентаций находится: *стадии аномии*, когда отсутствуют определенные нормы и ценности, регулирующие нормативное поведение человека; *стадии гетерономии* (или конвенциональной морали); *стадии автономии*, когда личность способна самостоятельно создавать или выбирать моральные правила для своих ориентаций в жизни, самостояние становится сущностной ценностью.

Реально в юности *моральное сознание* обеспечивает ориентации на все явления жизни и на выбор *стиля поведения*. *Нравственно-положительные проявления личности* столь же значимы, как и ее *нравственно-отрицательные проявления*. Это значит, что молодой человек должен понимать, что его ориентирами могут быть выбраны как *моральные ценности*, так и их антипод – *аморализм*.

В юности молодой человек продолжает искать *целостность и единичность своего «Я»*. Он пытается определить возможную целостность своей личности, однако он может соскльзывать на множественность возможных для человека характерологических свойств: притязаний, мотивов, ценностных ориентаций и реальных проявлений в поступках и линии поведения.

В юношеском возрасте происходит явное разделение по отношению к своей *внутренней позиции*: 1 – на тех, кто стремится определиться со своей внутренней позицией и сформировать в себе способность к контролю за *удерживание целостности своей личности*; 2 – на тех, кто не задается целью определиться со своей внутренней позицией и не озабочен тем, чтобы определиться с проблемой целостности своей личности. В этой связи можно говорить о типологии особенностей осмысления жизненного пути в юношеском возрасте.

* Библейская история: Каин убил своего брата Авеля, за это на него пало Божье проклятие. Каин считается первым человекоубийцей.

В юношеском возрасте происходит разделение по отношению к осмыслению перспектив жизненного пути. В этой связи можно говорить о *типологии осмысления жизненного пути*.

Можно выделить три позиции по отношению к жизненному пути.

Первая позиция – выбор и осмысление значения жизненного пути в рамках ценностей законопослушного общества;

соотнесение целей жизненного пути с притязаниями, нравственными ценностями и собственной совестью.

Вторая позиция – выбор и осмысление значения жизненного пути в сфере позиции аморализма, асоциальной позиции; соотнесение целей жизненного пути с позицией дозволенности преступлений стяжательства и аморализма.

Третья позиция – пассивное движение по волнам складывающихся обстоятельств социальных условий.

Первая, позитивно социально ориентированная позиция, и вторая, асоциально ориентированная позиция, предполагают удержание и отстаивание выбранных ориентиров на нравственные ценности и ценности аморализма.

Вторая и третья позиции могут привести молодого человека к развитию психопатического типа личности, к *социопатии*.

Необходимо помнить о том, что в юности остается проблема синкрета единичности и множественности характерологических свойств личности.

Именно в юношеском возрасте социопатические личности позволяют себе становиться на путь агрессии, преступного насилия над другими людьми. Они совершают кражи, разбой, убийства. Они переходят грань дозволенного не только тем, что совершают противоправные деяния, но и тем, что стремятся обосновать правомерность такого поведения.

Став на путь преступления, человек весьма быстро усваивает черты социопата, с легкостью перешагивающего через нравственные нормы [53, с. 385, 386, 434, 528, 542].

Социопат, по сути своей, неустойчив: он может не проявлять себя до поры как асоциальный субъект, но он может легко стать агрессивным преступником. Главная особенность социопата – его *социальная неприспособленность*, зависящая от его склонности к агрессии и болезненным влечениям. *Социопат на пике стремления к возжелаемой цели всегда отчужден от других людей*, он может культивировать в себе хамство, грубость, наглость, беззастенчивость.

При этом социопатия не есть абсолютная регрессия личности, не есть регрессия и отступление к примитиву по всем направлениям. Социопат может обладать высоким интеллектом и быть талантливым. Социопат, прежде всего, не умеет быть дисциплинированным, не умеет сдерживать свои влечения, свои хотения. Из-за этих особенностей социопат нередко проявляет влечения к алкоголю, к наркомании, к половым извращениям.

А.А. Хвостов показал, что психология человека такова, что собственные неблагоприятные поступки он умеет для себя самого оправдательно объяснить или искренне забыть. Кроме того, аморализм может состоять в специальном «конструировании дескриптов аморализма», когда на одно суждение в пользу морального поведения дается несколько обоснований против [54, с. 28–33]. Человеческое

существо хитроумно в своем потенциале к тонким рефлексиям. Юноше предстоит выбрать для себя позиции морального сознания.

Самосознание в юности может быть столь глубоким и совершенным, что молодой человек может не только осознавать все свои сильные и слабые стороны, но и регулировать свои побуждения и страсти, тем самым как человек бесконечно возвышаясь над всеми другими существами, живущими на земле.

Именно благодаря этому он – самостоятельная личность.

* * *

Юность – период жизни после отрочества до взрослости (возрастные границы условны – от 17-18 до 20-21 г.). Это период, когда человек может пройти путь от неуверенного, непоследовательного подростка, притязающего на взрослость, до действительного повзросления и реальной самоактуализации.

В юности у молодого человека возникает проблема *выбора жизненных ценностей*. Юность стремится сформировать внутреннюю позицию по отношению к себе («Кто Я?», «Каким Я должен быть?»), по отношению к другим людям, а также к моральным ценностям. Именно в юности молодой человек сознательно ищет свое место среди категорий добра и зла. «Честь», «достоинство», «право», «долг» и другие характеризующие личность категории остро волнуют человека в юности. В юности молодой человек расширяет границы добра и зла до предельного диапазона и испытывает свой ум и свою душу в диапазоне от прекрасного, возвышенного, доброго до ужасного, низменного, злого. Юность стремится прочувствовать себя в искушениях и восхождении, в борьбе и одолении, в падении и возрождении – во всем том многообразии духовной жизни, которое свойственно состоянию ума и сердца человека.

Цель юности – выбор жизненного пути.

Знаменательно для самого юноши и для всего человечества, если молодой человек выбрал для себя путь духовного роста и преуспевания, а не прельстился пороком и противостоянием общественным добродетелям. Выбор внутренней позиции – весьма многотрудная духовная работа. Молодому человеку, обратившемуся к анализу и сопоставлению общечеловеческих ценностей и своих собственных склонностей и ценностных ориентаций, предстоит сознательно разрушить или принять исторически обусловленные нормативы и ценности, которые определяли его поведение в детстве и отрочестве. Кроме того, на него обвально наступают современные идеи государства, новых идеологов и лжепророков. Он выбирает для себя неадаптивную или адаптивную позицию в жизни, при этом считает, что именно избранная им позиция является единственно для него приемлемой и, следовательно, единственно правильной.

Как бы страстно ни была направлена юность на поиск своего места в мире, сколь бы ни была она интеллектуально готова к осмыслению всего сущего, многого она не знает – еще нет опыта реальной практической и духовной жизни среди близких и других людей («Если бы молодость знала...»). Кроме того, именно в юности по-настоящему пробуждается данное природой стремление к другому полу. Это стремление может затмевать ум и чувства, несмотря на понимание, знания,

убеждения и уже сформированные ценностные ориентации молодого человека. Юность – период жизни, когда над другими чувствами может доминировать всепоглощающая страсть к другому человеку.

Юность – период, когда молодой человек продолжает рефлексировать на свои отношения с семьей в поисках своего места среди близких по крови.

Он проходит через обособление и даже отчуждение от всех тех, кого любил, кто был ответствен за него в детстве и отрочестве. Это уже не подростковый негативизм, а часто лояльное, но твердое отстранение родных, стремящихся сохранить прежние непосредственные отношения с вырастающими сыном или дочерью. Хорошо для всех, если в конце своего бorerия юноша или девушка возвратятся обновленными духовно с любовью и доверием к своим близким. Если они смогут занять позицию взрослого и ответственного человека.

Юность – период, когда молодой человек ценит свои рефлексивные упражнения, содержанием которых являются он сам, его друг, его девушка, все человечесство.

Юноша и девушка – каждый сам по себе – стремятся к идентификации с собой, со сверстниками того же пола, а также друг с другом. В этом возрасте юность готова пережить чувство первой любви. У каждого она индивидуальна не только по времени проявления (по возрасту), но и по силе ее переживания. Одни испытывают глубокое чувство, другие – поверхностные эмоции. Именно от духовных качеств личности в юности зависит, как проявляет себя молодой человек в перипетиях любовных отношений, в какой мере достойно он решает проблемы, связанные с успехом и неуспехом в любви. Многое при решении проблем зависит от меры развития нравственного самосознания.

Начав в отрочестве созидание своей личности, начав сознательно строить способы общения, молодой человек продолжает этот путь совершенствования значимых для себя качеств в юности. Однако у одних – это духовный рост через идентификацию с идеалом, а у других – выбор для подражания антигероя и связанные с этим последствия развития отчужденной и асоциальной личности.

Юноша продолжает открывать через постоянные рефлексии свою ускользающую, как и в отрочестве, сущность. Он остается легкоранимым – ироничный взгляд, меткое слово другого человека могут разом обезоружить его и сбить с него так часто демонстрируемый апломб. В юности возможен психический кризис.

Лишь к концу юношеского возраста молодой человек начинает реально овладевать защитными механизмами, которые не только позволяют ему внешне защищать себя от стороннего вторжения, но и укрепляют его внутренне. Рефлексия помогает предугадать возможное поведение другого и подготовить встречные действия, которые отодвинут безапелляционное вторжение; занять такую внутреннюю позицию, которая может защитить больше, чем физическая сила. В этот период жизни человек решает, в какой последовательности он приложит свои способности для реализации себя в труде и в самой жизни.

Юность – чрезвычайно значимый период в жизни человека. Вступив в юность подростком, молодой человек может завершить этот период истинной взрослостью, когда он действительно сам определяет для себя свою судьбу: путь своего духовного развития и земного существования. Он планирует свое место среди людей, свою

деятельность, свой образ жизни. В то же время возрастной период юности может ничего не дать человеку в плане развития способности к рефлексии и духовности. Взрослый человек может остаться в психологическом статусе подростка.

Юность – период жизни человека между отрочеством и взрослостью, ранняя молодость. Именно в юности происходит становление человека как личности, когда молодой человек, пройдя сложный путь онтогенетической идентификации уподобления другим людям, присвоил от них социально значимые свойства личности, способность к сопереживанию, к активному нравственному отношению к людям, к самому себе и к природе; способность к усвоению конвенциональных ролей, норм, правил поведения в обществе и др.

В юности получает новое развитие механизм идентификации-обособления. Именно в юности обостряются способности к вчувствованию в состояния других, способности переживать эмоционально эти состояния как свои. Именно поэтому юность может быть столь сензитивна, столь тонка в своих проявлениях к другим людям, в своем переживании впечатлений от созерцания природы и идентификации с ней, в своем отношении и понимании искусства. Идентификация утончает сферу чувствования человека, делая его богаче и одновременно ранимее.

В то же время именно в юности обостряется потребность к обособлению, стремление оградить свой уникальный мир от вторжения сторонних и близких людей для того, чтобы через рефлексии укрепить чувство личности, чтобы сохранить свою индивидуальность, реализовать свои притязания на признание. Обособление как средство удержания дистанции при взаимодействии с другими позволяет молодому человеку «сохранять свое лицо» на эмоциональном и рациональном уровнях общения.

Идентификация-обособление в юности имеет свою специфику: юноша одновременно «горячее» и «холоднее», чем человек в других возрастных периодах. Это проявляется в непосредственном общении с другими людьми, с животными, с природой. На том и другом полюсе добра и зла, идентификации и отчуждения доминирует молодежь. Это пора возможной безоглядной влюбленности и возможной неудержимой ненависти. Любовь – всегда идентификация в высшей степени. Ненависть – всегда отчуждение в крайней степени. Именно в юности человек погружается в эти амбивалентные состояния. Именно в юности происходит восхождение человека до высочайшего потенциала человечности и духовности, но именно в этом возрасте человек может опуститься и до самых мрачных глубин бесчеловечности.

Пройдя путь первого рождения личности и ее существования, не выходящего за пределы непосредственных связей людей, подросток, вырастая из детства и тревожно входя в период юности, обретает возможность второго рождения личности. Юношество самоуглубленно развивает в себе рефлексивные способности. Развитая рефлексия дает возможность для тонкого вчувствования в собственные переживания, побуждения, взаимодействующие мотивы и одновременно для холодного анализа и соотнесения интимного с нормативным. Рефлексии выводят молодого человека за пределы его внутреннего мира и позволяют занять позицию в этом мире. Именно в этом возрасте человек либо обращается к нравственному цинизму, становясь «нравственным пылесосом», либо начинает сознательно стремиться к духовному росту, к построению жизни на основе принятия традиционных и новых

нравственных ориентаций. Между тем в юности углубляется разрыв между молодыми людьми в сфере ценностных ориентаций и притязаний на признание, в способности к рефлексии и в сфере других особенностей, характеризующих личность.

В юности человек стремится к самоопределению как личность и как человек, включенный в общественное производство, в трудовую деятельность. Поиск профессии – важнейшая проблема юности. Знаменательно, что в юности некоторая часть молодежи начинает тяготеть к лидерству как к предстоящей деятельности. Эта категория людей стремится научиться оказывать влияние на других и для этого изучает социальные процессы, сознательно рефлексирова на них.

Юноша несет в себе чувство личности и стремится предстать перед другими и самим собой как личность в ситуациях общения, горячечных молодежных споров и в ситуациях выбора линии поведения и поступка.

Юность, обретая потенциал личности, входящей в пору второго рождения, начинает чувствовать освобождение от непосредственной зависимости тесного круга значимых лиц (родных и близких людей). Эта независимость приносит сильнейшие переживания, захлестывает эмоционально и создает огромное количество проблем. Для того чтобы дойти до понимания относительности любой независимости, для того чтобы ценить родственные связи и авторитет опыта старшего поколения, юности предстоит духовный путь библейского блудного сына через трудные, непереносимо тяжелые переживания отчуждения от круга значимых людей, через глубинные рефлексивные страдания и поиск истинных ценностей к возвращению в новой ипостаси – теперь уже в качестве взрослого, способного проидентифицировать себя со значимыми близкими и окончательно принять их как таковых. Именно взрослый, социально зрелый человек может обладать определенным постоянством мировоззрения, ценностных ориентаций, органически сочетающих в себе не только независимость, но и понимание необходимости зависимости – ведь личность помимо неповторимости, уникальности несет в себе и бытие общественных отношений. *Личность в юности отличается выраженной способностью к самоопределению и к самостоянию.*

В юности человек должен определиться со своими намерениями ко взрослой жизни. Необходимо осознанно выстраивать реалистические планы предстоящего жизненного пути, соотнося их со своими мечтами и реальными (физическими и психическими) возможностями. Молодые люди при этом могут притязать на достижения, рефлексирова на свою **мотивацию, ответственность и волю. Именно мотивация, соединенная с чувством ответственности, позволят молодому человеку добиться многого.**

Важно самоопределился и сказать самому себе: «Пора!».

«Пора!» – знаковое, смыслообразующее слово-понятие, означающее время, которое настало для свершений значимых ориентаций для жизни телесной, социальной и духовной.

«Пора» – слово, которое должен для себя сказать каждый, вступающий в самостоятельную жизнь; это неукоснительно наступающее время, в которое должно совершиться то, что предопределено природой, традицией, государственной системой и самим человеком. Человек свободен в том, когда ему сказать себе «пора». «Пора», сказанное себе, означает, что срок настал, время пришло.

О возможности осуществления жизненного пути. Следует специально отметить особое место той поре в жизни человека, которое уже обозначено в философии и науке как *свободный выбор и осуществление жизненного пути*.

Переход от юности к молодости и затем к взрослости – пора свободного выбора и пора осуществления жизненного пути.

Жизнь каждого человека может отличаться полнотой и интенсивностью ее проживания, а также последствиями свободного выбора в контексте смысло-жизненных ориентиров.

Понятия, введенные в психологию: *время жизни, жизненный путь, смысло-жизненные ориентиры, смысл жизни, образ жизни* являются смыслообразующими понятиями, при этом особое значение для человека должно иметь психологически значимое слово *пора, понятие, определяющее внутреннюю позицию самого человека*.

Понятие «пора» для взрослеющего человека должно быть указанием на то, что настает время неукоснительного самоопределения в жизни – выбора жизненного пути, выбора образа жизни и определения для себя смысла жизни.

«Пора» – это системообразующее значение для самосознания и организации выбора жизненного пути. Это понятие имеет для человека особое значение: «Притязание на признание влияет на характер выбора *жизненного пути* и на соотношение себя с традиционными ожиданиями, когда социальные ожидания побуждают человека повелеть самому себе: “пора сделать выбор”, “пора утвердить себя в жизни” (в профессии, в семье, в личных внутренних достижениях) [1, с. 584]. И далее: «Притязание на признание – одна из основных категорий психологии личности. Мы можем судить о типе личности по тому, какую позицию занимает человек по отношению к месту среди людей, по отношению к пониманию им ожиданий от самого себя в мире, по отношению к избранному жизненному пути, когда социальное “пора” станет стимулирующим “пора” самого человека по отношению к своим амбициям и пониманию необходимости разумного контроля над ним» [1, с. 592–593]. Но не только притязание на признание повелевает «пора». Творческие замыслы, погруженность в значимые для личности цели также побуждают человека сказать себе «пора».

Как считали многие мыслители, самосознание личности определяет характер *выбора осуществления жизненного пути, образа жизни и смысла самой жизни**. Этот перечень смыслообразующих понятий, значимых для понимания феномена человека, обусловлен чрезвычайно значимым для самосознания и самосозидания смыслообразующим концептом «пора».

Честный взыскующий ответ, если не миру, то хотя бы самому себе, позволит взрослеющему человеку лучше понять себя. Именно такое отношение к себе может дать основание что-то предпринять для своего *самосозидания* и

* См.: *Трубецкой Е.Н.* Смысл жизни // Русские философы (конец XIX – середина XX века): антология. Вып. 2. М., 1994; *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М., 1946; *Фромм Э.* Иметь или быть? М., 1990; *Он же.* Бегство от свободы. М., 1989; *Он же.* Душа человека. М., 1992; *Мухина В.С.* Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты): 7-е изд., исправленное и дополненное. М., 2020; и др.

самостояния. Пробуждение самосознания человека будет содействовать пониманию того, что настала «пора» созидания своего жизненного пути и самого себя как личности.

Проблема жизненного пути личности, его биографических ступеней и возрастных стадий, эволюции личности в реальном пространстве хронополя (или, как это обозначили математики, в пространственно-временном континууме)*, ее индивидуального развития и становления нашла широкое отражение в трудах многих философов и исследователей.

Проблема развития, становления человека в ее философском воплощении, как необходимый аспект понимания духа, специально разрабатывалась Г.В.Ф. Гегелем. Он обсуждал как саму жизнь, так и изменения, происходящие в человеке (индивидууме) в естественном возрастном процессе и процессе пробуждения души.

Философ полагал, что «жизнь, будучи первоначально обособлением, кончает тем, что представляет собой отрицательное для-себя-сущее единство и смыкается в диалектике своей телесности лишь с самой собой. Таким образом, жизнь существенно есть нечто живое, а со стороны своей непосредственности она есть “это” единичное живое существо» [44, с. 405]. При этом Г.В.Ф. Гегель указывал: «С точки зрения рассудка жизнь обыкновенно рассматривается как тайна и вообще как нечто непостижимое. Рассудок, однако, этим обнаруживает лишь свою конечность и ничтожность» [44, с. 406]. Эти суждения Г.В.Ф. Гегеля, безусловно, вошли в Великое идеопле общественного самосознания и оказывают влияние на умы последующих философов и ученых, занятых движением к истине о сущности самой жизни, жизненного пути и смысла жизни.

Говоря о значимости и актуальности проблемы жизненного пути личности, одной из центральных концепций которой является категория «развитие личности», следует особо подчеркнуть, что последняя наряду с проблемой структуры самосознания личности, мотивации, психопатологии входит в число основных составляющих теории личности.

К наиболее значимым в сфере понимания жизненного пути следует отнести работы П. Жане и Ш. Бюлер. Эти исследователи сделали попытку обозреть психологическую эволюцию личности в реальном протекании времени. Они попытались соотнести возрастные фазы и биографические ступени жизненного пути: связали биологическое, психологическое и историческое время в единой системе координат эволюции личности.

Обсуждая психологическую эволюцию личности, П. Жане выделил ее телесную, социальную и личностную сущности. При этом специальное внимание он уделял личности во времени, которое определяет функционирование памяти и психические состояния. Все факторы, выделяемые ученым, складываются в ансамбль, который мы называем личностью [55, с. 384–385].

Практически одновременно с П. Жане вышел основополагающий труд Ш. Бюлер о человеческой жизни как психологической проблеме.

* В данном контексте термин *континуум* обозначает временную непрерывную бесконечную протяженность во взаимосвязи пространства и времени.

Ш. Бюлер, проведя аналогию между процессами жизни и процессами истории, определила жизнь личности как индивидуальную историю. Личная, индивидуальная жизнь в ее динамике была названа *жизненным путем личности*.

Ш. Бюлер считала главной движущей силой развития *потребность личности в самоосуществлении*, которая по-разному проявляется в различные периоды жизни.

В русле проблемы жизненного пути личности, ее индивидуальной истории, в связи с вопросом о взаимовлиянии *прошлого, настоящего и будущего* следует обратиться к работам К. Левина. Он писал о том, что жизненная ситуация включает прошлое, настоящее, будущее: «*Действия, эмоции и, безусловно, мораль индивида в любом случае зависят от его общей временной перспективы*»¹.

Автобиографические заметки, дневники, размышления представляют собой ценнейший материал рефлексий философа, ученого или писателя на свой жизненный путь. Эти материалы бесценны для психологии личности.

В арсенале Великого идеополя общественного самосознания существует множество бесценных дневников, в которых можно ознакомиться с рефлексиями авторов на собственные события их детства, отрочества, юности и взрослой жизни.

Таковы: удивительная исповедь Аврелия Августина², исповедь Жан-Жака Руссо³, автобиография Иоганна Вольфганга Гете⁴, лицейские дневники Александра Сергеевича Пушкина⁵, дневник Николая Александровича Добролюбова⁶, воспоминания Сергея Тимофеевича Аксакова⁷, дневники и повесть о детстве, отрочестве и юности Льва Николаевича Толстого⁸, рефлексии на себя, самопознание, поиск смысла Николая Александровича Бердяева⁹, дневники юной Марии Башкирцевой¹⁰, дневник Корнея Ивановича Чуковского^{11*}. Реально в нашей общечеловеческой культуре существует множество дневников, в страницах которых содержится бесценный материал, высвечивающий планы, их реализации и их неосуществления в процессе жизненного пути человека.

Поиск духовности, свободы и ответственности личности есть стремление сформулировать представление о смысле жизни и жизненном пути. В этом отношении весьма значительными являются работы В. Франкла, посвященные смыслу жизни и смерти, любви и страданию, свободе и ответственности¹². В. Франкл

1 Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб., 2000.

2 Августин А. Исповедь. М., 1998.

3 Руссо Ж.-Ж. Исповедь // Педагогические сочинения: в 2 т. М., 1981.

4 Гете И.В. Из моей жизни: поэзия и правда. М., 1969.

5 Пушкин А.С. Из лицейского дневника. 1815 // Собр. соч.: в 10 т. Т. 7. М., 1976.

6 Добролюбов Н.А. Дневник 1852 года // Собр. соч.: в 9 т. Т. 8. М., Л., 1964.

7 Аксаков С.Т. Семейная хроника. Детские годы Багрова-внука. М., 1987.

8 Толстой Л.Н. Дневники. 1847–1894 гг. // Собр. соч.: в 20 т. Т. 19. М., 1965; Толстой Л.Н. Детство. Отрочество. Юность.

9 Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1990.

10 Башкирцева М.К. Дневник Марии Башкирцевой. Избранные страницы. М., 1991.

11 Чуковский К.И. Дневник 1901–1929 гг. М., 1991.

* См. выдержки из названных дневников: Возрастная психология: детство, отрочество, юность: хрестоматия / Сост. и науч. ред. В.С. Мухина, А.А. Хвостов. 7-е изд. М., 2009.

12 Франкл В. Человек в поисках смысла: сборник. М., 1990; Франкл В. Сказать жизни «Да»: психолог в концлагере. М., 2004.

поднял проблему смысла жизни и утраты смысла как общечеловеческий феномен. Он настаивал на том, что «смысл и ценность человеческой личности всегда связаны с обществом, в котором она существует»¹. Неповторимость человеческой личности обнаруживает свой внутренний смысл в сообществе: «Смысл человеческого индивида как личности трансцендирует его собственные границы в направлении к сообществу: именно направленность к сообществу позволяет смыслу индивидуальности превзойти собственные пределы»².

В. Франкл вполне обоснованно полагал, что не только личности необходимо сообщество, ибо в нем ее существование обретает смысл, но и сообщество не может обойтись без личностей – и в этом оно обретает смысл: «Существование личности в полной мере обретает смысл лишь в сообществе. Таким образом, в этом смысле ценность человека зависит от сообщества»³. При этом неповторимость каждого человека и своеобразие всей его жизни являются неотъемлемыми составляющими смысла человеческого бытия. Человеческое существование – особый вид бытия, непоставимый с существованием животных. В идеале человек – нечто завершенное в себе. Однако это всего лишь миф.

В. Франкл настаивал на том, что *жизнь человека должна быть наполнена смыслом*. Человек обладает свободой и ответственностью: «Бегство “в толпу” – это способ скинуть с себя бремя собственной ответственности»⁴. Согласно видению В. Франкла, тенденция к избеганию бремени ответственности оказывается мотивом для любых форм коллективизма.

Учение В. Франкла направлено на понимание сущности смысла. Человек реализует смысл жизни независимо от объективных обстоятельств, предоставляющих или ограничивающих свободу. При этом человек берет на себя ответственность за свободный выбор.

В. Франкл настаивал на том, что *человеческая ответственность – «это ответственность, происходящая из неповторимости и своеобразия существования каждого индивида. Бытие человека представляет собой ответственность, вытекающую из конечности его жизни. Эта конечность жизни, ограниченный отрезок времени, отведенный человеку здесь, на земле, не лишает его существования смысла. Напротив, как мы уже видели, сама смерть делает жизнь более осмысленной»*⁵ (курсив мой, В.М.). Эта позиция формировалась экзистенциальной философией и психологией. В. Франкл в своих суждениях опирался на идеи К. Ясперса, который обсуждал бытие самости и самоопределяющееся бытие.

Особый аспект рассмотрения жизни и жизненного пути человека взял на себя К. Ясперс. Он использовал категорию «*жизнь как бытие в собственном мире*»⁶, называя бытие в собственном мире одним из первофеноменов жизни. Наличное бытие в собственном мире человека определяет то, что «жизнь преодолевает самое себя, трансцендирует в иные возможные миры и поднимается даже над самим

1 Франкл В. Человек в поисках смысла. С. 198.

2 Там же. С. 198.

3 Там же. С. 198–199.

4 Там же. С. 200.

5 Франкл В. Человек в поисках смысла. С. 202.

6 Ясперс К. Общая психопатология. М., 1997. С. 37.

бытием в мире»¹. К. Ясперс называл это фундаментальной взаимосвязью между внутренним миром и окружающим миром. При этом помимо объективного мира – общего для всех каждый человек имеет «собственный (приватный) мир»².

Собственный мир возвышается до «*бытия самости*»³. В человеке, наделенном духовностью и свободой, присутствуют признаки незаменимого *бытия самости* ⁴.

Анализируя вопрос о сущности человека, К. Ясперс пришел к пониманию необходимости обсуждения *незавершенности* человека. Он настаивал на том, что сущности человека в бесконечной потенциальности: «Потенциально человек может все; поэтому человеческая природа неопределима»⁵. Будучи отнесен к какой-либо категории, человек утрачивает свою исконную целостность. В глубинах природы человека сохраняются его возможности, причем эти возможности принадлежат не столько отдельному человеку, сколько человеку как некой генетически детерминированной *сущности* ⁶. Феномен человека состоит в том, что он *планирует* свое будущее, создает себя, осуществляет решающий *выбор*, осознает конечность своей природы и, следовательно, «принципиальную незавершенность своего бытия и всех своих проявлений»⁷.

Незавершенность человеческого бытия, конечность жизненного пути в этом мире требует обращения к озабочению временем – к обозначению необходимости сказать себе: «*Пора!*».

Как оказалось, в научных источниках в контексте обсуждения жизненного пути, свободного планирования будущего, проблем выбора и других значимых для понимания человеческого бытия в мире категорий, понятие «пора» еще не нашло должного места в самосознании каждого из людей. Лишь в обыденной повседневной жизни, лишь в дневниках и литературных произведениях человечество использует это слово чаще для обозначения наступающего времени, но весьма редко для указания необходимости совершения волевого усилия по направлению к новым достижениям в чем бы то ни было.

Между тем о жизненном пути и о свободном выборе целей философы, психологи, психиатры рассуждали весьма ответственно.

К числу значимых источников, позволяющих узреть ведущие смыслы и проекции жизненного пути, можно отнести письма З. Фрейда и его автобиографию ⁸.

Реально работ, предполагающих обращение к жизненному пути личности, бесчисленное множество – и все они отражают стремление созревающего личностно человека осмыслить свой индивидуальный жизненный путь и сформулировать свое видение смысла жизни и связанное с этим видение жизненного пути.

Необходимо отдать должное размышлениям князя Е.Н. Трубецкого, который в начале XX столетия обсуждал жизненный путь и смысл жизни человека, исходя их

1 Ясперс К. Общая психопатология. М., 1997. С. 37.

2 Там же. С. 375, 432.

3 Там же. С. 900.

4 Там же. С. 909.

5 Там же.

6 Там же.

7 Там же. С. 908 – 911.

8 Фрейд З. Письма к невесте. СПб., 2006; Фрейд З. Бесстрашие истины. М., 2006.

постулатов в контексте принятых для него самого значимых ориентиров. Жизненный путь и смысл жизни человек обретает в общении с референтными персонами.

Подходя к обсуждению вопроса о смысле жизни, Е.Н. Трубецкой считал, что *прежде всего следует указать, что надо разуместь под «смыслом»: «Спрашивать о смысле – значит задаваться вопросом о безусловном значении чего-либо, то есть о таком мысленном значении, которое не зависит от чьего-либо субъективного усмотрения, от произвола какой-либо индивидуальной мысли. <...> Речь идет не о том, что значит данное слово или переживание для меня или для кого-либо другого, а о том, что оно должно значить для всех»*¹ (курсив мой, В.М.). Такое понимание смысла адресует нас к опыту жизни людей как результату их реального взаимодействия. Обсудив вопрос о смысле вообще, философ предпринял попытку ответить на вопрос о смысле жизни и о жизненном пути.

Философ исследовал мировую бессмыслицу и мировой смысл, поднимая вопрос «о смысле существования вообще и человеческой жизни в частности»².

Е.Н. Трубецкой указывал на одну из самых мучительных коллизий между приущей человеку жадой смысла жизни и превосмогающей силой, царящей в мире бессмыслицы. Вера в смысл жизни неразрывно связана с верой человека, как носителя этого смысла, в безусловное достоинство человека.

Жизненная суэта требует от человека поиска смысла своей жизни. Е.Н. Трубецкой искал пути победы смысла над бессмыслицей. Он писал: «Мир бессмыслен; но я это сознаю, и постольку мое сознание свободно от этой бессмыслицы. Вся суэта этого бесконечного круговращения проносится предо мною; но, поскольку я сознаю эту суету, я в ней не участвую, мое сознание противопоставляется ей как *что-то другое*, от нее отличное. Сознający суету, как *сознающий*, стоит вне порочного круга»³.

Идея смысла жизни и жизненного пути личности начала активно обсуждаться мыслителями XX столетия.

Во многих своих трудах смысл жизни в контексте жизненного пути человека специально обсуждал Эрих Фромм. Он считал, что в отличие от человека с рыночным характером Новый Человек в числе ряда значимых для личности качеств будет осознавать тот факт, «что никто и ничто вне нас самих не может придавать смысл нашей жизни»⁴.

Согласно видению Э. Фромма, *смысл жизни – быть, любить, чувствовать единение с миром*⁵. Человечество пытается искать смысл жизни, открыть онтологические основания собственного бытия и приобрести экзистенциальный опыт.

*Сама жизнь как «бытие существует здесь и сейчас»*⁶. «Здесь и сейчас» было отнесено Э. Фроммом ко всем временам, обозначающим жизненный путь

1 Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. В кн.: Русские философы (конец XIX – середина XX века): антология. Вып. 2. М., 1994. С. 244.

2 Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. В кн.: Русские философы (конец XIX – середина XX века): антология. Вып. 2. М., 1994. С. 260.

3 Там же. С. 271.

4 Фромм Э. Иметь или быть? М., 1986. С. 192.

5 Там же. С. 192 – 193.

6 Там же. С. 153.

человека, – к прошлому, настоящему, будущему: «Понятия прошлого, настоящего и будущего, то есть времени, вошли в нашу жизнь потому, что они тесно связаны с нашим физическим существованием: ограниченной продолжительностью нашей жизни, необходимостью постоянно заботиться о своем организме, природой физического мира, из которого мы черпаем все, что нужно для поддержания жизни. Ведь жить вечно невозможно; смертным не дано игнорировать время или быть неподвластным ему. Ритмическая смена дня и ночи, сна и бодрствования, роста и старения, потребность поддерживать себя работой и защищать себя – все эти факторы заставляют нас *считаться* со временем, если мы хотим жить, а наш организм заставляет нас хотеть жить. Но одно дело *считаться* со временем и совсем другое – *подчиняться* ему»¹.

В другой своей работе Э. Фромм рассматривал проблему свободы личности через социально-психологические механизмы. Анализируя феномен смысла жизни человека как зависимый от ценностей эпохи, к которой принадлежало его поколение, Э. Фромм указывал на зависимость смыслов от этих ценностей. Он считал, что ценность власти, богатства, славы искажают обретения подлинного смысла жизни: «Если смысл жизни стал сомнителен, если отношения с другими и с самим собой не дают уверенности, то слова становятся одним из средств, способных избавить человека от сомнений. Она приобретает примерно ту же функцию, что египетские пирамиды или христианская вера в бессмертие: она выводит индивидуальную жизнь из физических границ, возносит ее на уровень неразрушимости. Если имя человека известно современникам, и он может надеяться, что так оно и будет и впредь, его жизнь приобретает смысл и значение уже благодаря ее отражению в сознании других»². Однако такое решение проблемы смысла жизни и обретения уверенности доступно лишь той социальной группе, члены которой обладают реальной возможностью достижения известности, славы. Масса людей не имела, не имеет и не будет иметь таких возможностей. Э. Фромм начал свое исследование с эпохи Возрождения. Он рассматривал сущностные особенности разных эпох в контексте их социальных ценностей: от экономических интересов (от накопления богатства) до спасения души. Э. Фромм показал, как смещенные ценности провоцируют жадность, возмущение и злобу³. Он показал те причины, которые, по его мнению, создают условия, когда в обществе индивид становится «одиноким»⁴.

Я упорно повторяю: жизненный путь человека определяют *предпосылки* и *условия* его развития, а также его *внутренняя позиция*, его самосознание.

Проблема жизненного пути личности, ее индивидуальной истории, органически взаимосвязанной с историей общества, – одна из центральных в отечественной психологии.

Основополагающим исследованием в области жизненного пути личности в отечественной психологии явились работы С.Л. Рубинштейна, который отвел проблеме жизненного пути личности специальное место в своих исследованиях.

1 Фромм Э. Иметь или быть? М., 1986. С. 154.

2 Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990. С. 50 – 51.

3 Там же. С. 55 – 57.

4 Там же. С. 59.

С.Л. Рубинштейн справедливо писал: «Всякий человек имеет свою историю потому, что в известной мере развитие личности опосредовано результатами ее деятельности, аналогично тому как развитие человечества опосредуется продуктами общественной практики, посредством которых устанавливается историческая преемственность поколений. <...> Линия, ведущая от того, чем был человек на одном этапе своей истории, к тому, чем он стал на следующем, проходит через то, что он сделал. В деятельности человека, в его делах, практических и теоретических, психическое, духовное развитие человека не только проявляется, но и совершается.

В этом ключ к пониманию развития личности – того, как она формируется, совершая свой жизненный путь»¹.

Наряду с положениями о необходимости представлять жизненный путь как целое, С.Л. Рубинштейн высказал мысль о *поворотных этапах в жизни человека*. Он выдвинул понятие субъекта жизни, поднял вопрос о личности как организующем начале своей жизни, ее ответственности и самосознании.

О поворотных этапах в жизни человека С.Л. Рубинштейн писал, что «в ходе индивидуальной истории бывают и свои события – узловые моменты и поворотные этапы жизни индивида, когда с принятием того или иного решения на более или менее длительный период определяется дальнейший жизненный путь человека. Личность – это конкретный, исторический, живой индивид, включенный в реальные отношения к реальному миру»². При этом реальные отношения могут протекать как в контексте временной непрерывности – в хронополе индивидуального времени жизни, так и в контексте временной прерывности – в хронополе прерывности индивидуального времени жизни. *Непрерывность и прерывность психологического времени* жизни кардинальным образом меняет как жизненный путь, так и смысл жизни человека.

Предложенная С.Л. Рубинштейном концепция субъекта предполагала *активность* самого человека в построении и преобразовании жизни. Согласно С.Л. Рубинштейну, процесс развития личности неотделим от формирования ее сознания и самосознания: «Человек является личностью, лишь поскольку он выделяет себя из природы, и отношение его к природе и к другим людям дано ему как отношение, то есть поскольку у него есть сознание. Процесс становления человеческой личности включает в себя поэтому как неотъемлемый компонент формирование его сознания и самосознания: это есть процесс развития сознательной личности. <...> Поэтому последний, завершающий вопрос, который встает перед нами в плане психологического изучения личности, – это вопрос о ее *самосознании*, о личности, как “я”, которое в качестве субъекта сознательно присваивает себе все, что делает человек, относит к себе все исходящие от него дела и поступки и сознательно принимает на себя за них ответственность в качестве их автора и творца. <...> При этом развитие у личности самосознания совершается в самом процессе становления и развития реальной самостоятельности индивида как реального субъекта деятельности»³.

1 Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946. С. 682 – 683.

2 Там же. С. 676.

3 Там же. С. 676 – 677.

С.Л. Рубинштейн разработал подход к личности как к субъекту жизни. В его концепции рассматривается не только зависимость личности от жизни, но и зависимость жизни от деятельности личности и от отношений личности к своему жизненному пути. Он писал: «Личность в ее реальном бытии, в ее самосознании есть то, что человек, осознавая себя как субъекта, называет своим «Я». «Я» — это личность в целом, в единстве всех сторон ее бытия, отраженная в ее самосознании»¹.

С.Л. Рубинштейн разработал понятие «*направленность личности*» как совокупность сознательных жизненных устремлений и способов их выражения. Из этого следует, что масштабом развития и совершенствования личности является ее жизненный путь. Он пришел к выводу, что жизненный путь нельзя понимать только как сумму жизненных событий, отдельных действий, продуктов творчества. Его необходимо представить как целое, хотя в каждый момент человек включен в отдельные ситуации, связан с разными людьми и т. д.² Для раскрытия целостности, непрерывности жизненного пути С.Л. Рубинштейн предложил не просто выделить его отдельные этапы (например, возрастные), но и выяснить, как каждый этап подготавливает и влияет на следующий. С.Л. Рубинштейн считал, что каждый этап жизни играет важную роль в жизненном пути личности, но не предопределяет его с роковой неизбежностью.

Безусловно, что человек, совершивший что-нибудь низменное, ужасное, становится также другим человеком. *Ничто не проходит для человека бесследно. Вспомним немецкую поговорку: Keinmal ist keinmal, aber einmal ist vielmal**.

Целостность жизни личности является предпосылкой ее активности, ее инициативности, ее индивидуальных проявлений, которые невозможны при внутренней раздвоенности. Активность (психологическая и социальная) является условием определения, выработки и реализации жизненной стратегии личности.

Для характеристики личности как субъекта жизни чрезвычайно важен выбираемый ею способ разрешения противоречий. Неспособность решать жизненные проблемы и противоречия может проявляться в избегании решения проблем, когда человек хочет уклониться от трудностей. Одной из форм ухода является возложение ответственности на других, отсутствие личной активности и инициативы. Неспособность решать жизненные проблемы и противоречия может проявляться и в нарушении традиционных, принятых человечеством, способов решения проблемных ситуаций. Однако сами нарушения являются прежде всего традиционными способами выхода за пределы принятого и дозволенного.

Противоречия, связанные с изменением (потерей, удержанием, переосмыслением) жизненной позиции, наиболее трудны для личности.

Жизненная позиция может меняться или оставаться неизменной в зависимости от характера и способа решения противоречий, конфликтных ситуаций. Разрешение противоречий вызывает у человека удовлетворение, найденное решение помогает мобилизовать силы для построения новой жизненной стратегии. Однако

1 Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946. С. 680.

2 Там же. С. 682.

* Ни разу это ни разу. Но один раз – все равно, что много раз. [См.: Мухина В.С. Возрастная психология: Феноменология развития. Учебник для студ. учреждений высш. образования : в 2-х т. Т. 1. 18-е изд., значительно перераб. и доп. М., 2021. С. 468.]

не следует забывать, что человек может разрешать жизненные противоречия самыми разнообразными способами и выбирать самые разные пути в изменяющихся обстоятельствах жизни.

Способы решения жизненных противоречий характеризуют социально-психологическую и личностную зрелость человека. Жизненная стратегия, безусловно, состоит в постоянном приведении в соответствие особенностей своей личности, своего характера и способа своей жизни. Жизненная стратегия определяется ценностями личности. Критерием движения личности служит наличие смысла жизни, который отражает жизненные цели человека.

Можно определить смысл жизни по отношению к жизненным потребностям, среди многообразия которых можно выделить: *потребность в самореализации, самовыражении*, проявлении своего «Я»; потребность в понимании, в признании со стороны других людей; потребность в деятельности, труде, то есть в том, что составляет содержание обыденной жизни человека.

Человек в своей жизни определенным образом соподчиняет эти и другие потребности, выявляет свои способы и меру их удовлетворения, создавая смысл своей жизни и стремясь избежать ее бессмысленности.

Смысл жизни – это психологический способ переживания жизни в процессе ее осуществления. Смысл жизни – это не только будущее, жизненная цель, но и постоянное ее осуществление. Поэтому, достигая конкретных целей в жизни, человек не утрачивает смысл, а, напротив, только усиливает его, убеждается в нем, переживает его. Это мера достигнутого человеком, оценка достигнутого своими силами по существенным для личности критериям. Важнейшим подкреплением смысла жизни являются либо полученные блага, либо общее чувство удовлетворения тем, как человек строит свою жизнь.

Смысл жизни связан с ответственностью человека за свою жизнь, за ее осуществление. Ответственность возникает при осознании того, что ход жизни человека зависит от него самого.

Контекст жизненного пути требует выделения проблемы временной или жизненной перспективы личности. «Пора» как смыслообразующее понятие определяет активность человека в социальном пространстве.

На жизненный путь личности существенно влияет выбор социально ориентированного или асоциально ориентированного пути самоопределения. Характер самоопределения личности, способ включения в деятельность определяют не только характер совершенствования (или характер регресса) в деятельности, но и жизненную перспективу личности.

Жизненные перспективы личности определяются типом жизненной позиции, взаимоотношениями в ближайшем референтном окружении, и вообще – особенностями ценностных ориентаций. Способ и качество реализации личности во всех ситуациях жизни определяют жизненную перспективу.

Жизненные перспективы личности взрослого человека определяются способами самоопределения, которые зависят от социально-психологической зрелости, активности личности и ее ценностных ориентаций.

Для нормального становления человек должен развиваться в обществе себе подобных: «Каждый отдельный человек входит в культуру, присваивая ее

материальное и духовное воплощение в окружающем его культурно-историческом пространстве. Под культурой обычно понимают совокупность достижений общества в его материальном и духовном развитии, используемых обществом в качестве условия развития и бытия человека в конкретный исторический момент»¹. Понятие «культура» важно для понимания развития личности и формирования ее на жизненном пути: человек всегда входит в определенные внешние условия (предметный, природный мир, а также в мир значений и смыслов родного языка и мир социально-нормативного пространства). Кроме того, быть личностью – значит прежде всего хотеть и уметь брать ответственность за себя, за других и за Отечество².

Понятия «жизненный путь», «судьба», «пора» реально отражают сущность бытия человека. Эти понятия не уходят из нашего обыденного, художественного, философского и научного сознания, а сопутствуют нам во всех проблемных для нас душевных и духовных ситуациях³. Каждый человек, стремящийся развивать и выстраивать в себе личность, подходит к пониманию необходимости перехода *от воспитания к самовоспитанию, от образования к самообразованию*. Личность развивается и определяет направление жизненного пути через взаимодействие с социальными установлениями. *Личность, обладая способностью к свободе выбора, к самостоянию, всегда стремится контролировать свои ориентиры на избранные направления своего жизненного пути в условиях референтного социального окружения.*

Феномен потенциала развивающейся надситуативной активности. Прежде мы, обсуждая пору подросткового возраста, рассматривали как в этот период в развитии личности отрока начинает проявлять себя *инфантильная* надситуативная активность*.

Было констатировано, что в отрочестве сама телесная, физическая и психическая природа этого возраста побуждает отрока к общей активности. Социальная активность может проявляться в ситуациях социальных отношений. Общая активность, свойственная отрочеству в социальных условиях, тенденциозно может проявляться в виде так называемой *инфантильной надситуативной активности*. Речь идет о детском, не взрослом реальном проявлении. Отроки при всех объективных прорывах в физическом, психическом и социальном развитии по сути своей психологии могут проявлять себя явно инфантильно.

Подростки подчас могут поддаваться спонтанно возникающим эмоциональным порывам или «шалым» идеям там, где они вполне могли бы включить разум.

1 Мухина В.С. Феноменология бытия и развития личности. М., Воронеж, 1999. С. 80.

2 Там же. С. 34.

3 Мухина В.С. Возрастная психология: Феноменология развития: в 2-х т. Т. 1: 18-е изд., перераб. и доп. М., 2021; Мухина В.С. Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты): 7-е изд., исправленное и дополненное. М., 2020.

* *Инфантилизм* [лат. *infantis* детский] в контексте этого обсуждения: этап развития социального поведения, когда дети, отроки и юноши еще не достигли умения в проблемных для них социальных ситуациях адекватно традициям и социальным ожиданиям проявлять себя среди окружающих людей или в пространстве города, поселка, деревни или другого иного поселения.

В результате *отроки сами нередко создают ситуации, в которых они проявляют себя профаническим* образом.*

В этой ситуации весьма возможно, что *подростки на волне наивной надситуативной активности могут подпасть в ситуацию, в которой они будут выглядеть не лучшим образом. Они могут подчас легко нарушить сложившиеся в обществе социальные ожидания.*

В свою очередь поколение юношества порой так же может проявлять себя в социальных ситуациях профаническим образом и, следовательно, подпадать на волну наивной (инфантильной) надситуативной активности.

На границе между подростковым и юношеским возрастом эти «отроки-юноши» подчас проявляют себя квазипротестным образом по отношению к как известным им общественно принятым ожиданиям, сложившимся в культуре конкретного поколения, так и к отдельным взрослым – гражданам, которым не повезло оказаться в конкретное время в конкретном месте, когда «отрокам-юношам» вдруг взбрело на ум спонтанно выразить свое протестное или ориентировочно-исследовательское проявление провокационного типа.

Тому можно привести бесконечное множество примеров.

Однажды при большом скоплении людей, ожидающих своей очереди для вхождения в музей имени А.С. Пушкина, что в Москве на Волхонке, д. 12, несколько подростков и юношей, спокойно стоящих в изнуряющем их терпение ожидании, вдруг начали дико хохотать, толкать друг друга и непристойно выражать свою агрессию. *Присутствие людей, ожидающих и предвкушающих встречу с большим искусством, очевидно подогревало их раж – сильное, неожиданное возбуждение, их исступление**.* Именно долговременное присутствие потенциальных носителей нормативных ожиданий послужило подросткам провокацией для демонстрации и испытания социального окружения их выходкой. Сама ситуация долговременного ожидания и необходимость долговременного самоконтроля побудила подростков испытать лояльность и терпение старшего поколения. Наконец, когда способность терпеть, стойко сносить подростковые провокации, лопнула, и «вся очередь» в строгой форме выразила протест подростковой безапелляционности, бедолаги с извинениями притихли.

Исступленное состояние подростка-юноши нередко посещает его в этот возрастной период.

Вспомним индивидуальные неистовые состояния юного Сальвадора Дали: «Моя юность была временем, когда я сознательно углублял все мифы, странности, дарования и черты гениальности, лишь слегка намеченные в детстве. Я не хотел ни в чем ни исправляться, ни меняться. Больше того, я был одержим желанием любой ценой заставить себя любить. Моя личность, самоутверждаясь с неистовой силой, уже не довольствовалась примитивным самолюбием, а устремилась к асоциальным и анархическим наклонностям»³.

* Профан [лат. profanus непосвященный, непросвещенный] – человек, совершенно не сведущий в какой-либо области.

Профанация [лат. profanatio] – осквернение святыни, искажение объективно сущего, непочтительное отношение к тому, что достойно уважения; опошление, осквернение.

Профанировать – искажать, опошлять, осквернять; подвергать профанации.

** Исступление – крайняя степень душевного возбуждения, сопровождающаяся потерей самообладания, неистовство.

3 Дали С. Тайная жизнь Сальвадора Дали, рассказанная им самим. Кишинев, 1993. С. 78.

Вспомним «Мцыри» М.Ю. Лермонтова («Тогда на землю я упал. И в иступлении рыдал») и «Отрочество» Л.Н. Толстого («Все вы гадки, отвратительны, – прибавил я с каким-то иступлением, обращаясь ко всему обществу»).

Таких примеров можно найти множество.

Мы можем вспомнить обиденные ситуации на улицах города, в метрополитене, когда подростки-юноши нарочито нарушают порядок обыденно протекающих жизненных устоев: нарочито сорят на улицах города, нарочито громко и вызывающе проявляют себя среди окружающего их взрослого сообщества.

Конечно, можно понять это поколение, которое, как и дети раннего возраста, в этот период своего взросления испытывает пределы допустимого и недопустимого. На то и пестуем мы отроков-юношей, чтобы обратить их в сторону нормативных социальных ожиданий.

Как бы то ни было, конец подросткового-начало юношеского возраста – период, когда этот возраст проявляет себя инфантильным образом, по сути, бессознательно реально стремясь к плохо осознаваемой пока особой позиции проявления самостоятельности в самоопределении в проблемных для себя социальных ситуациях.

Как бы то ни было, в юности наконец человек может начать проявлять себя в проблемных для себя ситуациях в соответствии со сложившимися социальными ожиданиями, а также может проявлять готовность к надситуативной активности. Он выбирает решение проблемной социальной ситуации в соответствии со своими чувствами, знанием и ориентациями, в соответствии со своей внутренней позицией.

Я в свое время уже обращалась к идеям отечественного психофизиолога, создателя новаторских концепций о построении движений и физиологии активности Н.А. Бернштейна (1896–1966), который исходил из понимания того, что *нервные процессы управляют движениями и действиями человека. Он изучал движения и действия в процессе труда, в спорте и экстремальных ситуациях: при этом действия человека наполнялись новым содержанием за счет нарастающей и расширяющейся активности.*

Н.А. Бернштейн

Я полагаю, что наблюдаемое нами поведение другого человека поведает* нам о нем как о личности.

Я полагаю, что будет вернее говорить не только о нарастающей и расширяющейся активности движений и действий, но и о развивающейся и укрепляющейся внутренней позиции самого человека.

Отечественный психолог-теоретик и историк психологии, доктор психологических наук, почетный член РАО (с 1993 г.) Михаил Григорьевич Ярошевский (1915–2001) выразил свое суждение об идеях Н.А. Бернштейна. Он писал: «Предвосхищаемость результата трудового действия в виде психофизиологической преднастройки организма, способность

* От слова поведать – сообщить, рассказать.

М.Г. Ярошевский

построения проектов действительности, то есть *выхода ответной реакции на “надситуативный” уровень*» (курсив мой, В.М.)¹.

Я полагаю, что *предвосхищаемость решения проблемной ситуации в контексте социальных отношений людей может происходить в контексте идеи надситуативной активности. Я полагаю, что взрослый разумный человек в проблемной для себя социально значимой ситуации непременно должен для себя (и окружающих его людей) выйти из пространства амбивалентного (или поливалентного) напряжения и проявить себя в соответствии со своей внутренней позицией.*

Тридцать лет тому назад молодой российский психолог Вадим Артурович Петровский (р. 1950), доктор психологических наук, профессор, член-корр. РАО (1996) задался весьма глубоким вопросом, значимым для многих отраслей психологии и социологии: «Действительно ли поведение человека всегда отвечает таким мотивам, как наслаждение, выгода, успех? Можно ли предварительно расширив представления об адаптивности, “сообразности” во взаимоотношениях человека с миром, объяснить истоки активности? Или, если человек выходит за границы своих собственных, даже очень глубоких побуждений, то в какие пространства он вступает?»².

Эти и другие вопросы поставил В.А. Петровский в своей книге, выстроенной на основе разработки категории деятельности, идеи ее самодвижения и анализа феномена неадаптивности, таких как риск, возгонка уровня трудности решаемых задач, активность самосознания и т. д.

Молодой ученый адресовал свой труд «не только философам, психологам, педагогам, но и всем потенциальным читателям, чей интерес к психологии личности подкрепляется собственным опытом “бытия на границе” и необъяснимого стремления к ней»³.

С Вадимом Петровским я познакомилась в доме его отца – Артура Владимировича Петровского (1924–2006), доктора психологических наук, профессора, действительного члена АПН СССР (с 1971 г.), действительного члена РАО (с 1992 г.), президента РАО (1991–1997).

С Артуром Владимировичем Петровским я по-настоящему познакомилась, когда я проходила собеседование в аспирантуру, а он был доцентом кафедры общей психологии МГПИ им. В.И. Ленина. Мое первое впечатление: умный, проницательный и ироничный

1 Ярошевский М.Г. История психологии: 3-е изд., перераб. М., 1985. С. 469. (Первое издание вышло в 1966 г.)

2 Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. М., 1992. С. 2.

3 Там же.

человек. Первое впечатление в последующие времена неукоснительно подтверждалось. Однако мои впечатления об А.В. Петровском укрепляли меня в его признании моего существования в психологии как науке и в признании моего существования в мире в качестве личности. Именно в тот период моего вхождения в науку я столкнулась с некоторыми особенностями своей собственной персоны: в психологически значимых для меня ситуациях я не могла позволить себе лояльного соглашательства вопреки моей позиции как человека и поэтому была вынуждена с душевным трепетом упорно размышлять о том, как я должна проявить себя в каждой отдельной значимой для меня проблемной ситуации.

В.А. Петровский в рубрике «От автора» писал: «Тематика книги и сам термин “неадаптивность” были, я думаю, естественной реакцией на правила и стандарты тех лет. Приметы того сложного времени, возможно, содержатся и в тексте этой книги – мне не хотелось что-либо менять в ней с поправкой на сегодняшний день. Полностью рукопись была подготовлена в 1986 г. Книга – о неадаптивном. В те годы, когда она создавалась, своей темой она не особенно “встраивалась” в контекст общественной жизни (подобно тому, как задолго до этого, в начале 70-х гг., “не вписывалась” в контекст доминирующих ориентаций *внутри* науки). Менее всего и сейчас мне хотелось бы “адаптировать” свою книгу к временам перестройки»¹.

В.А. Петровский рассматривал надситуативную активность «в экспериментальных условиях потенциального риска». Иначе говоря, ученый исследовал феноменологию риска.

Меня интересует: *когда, как и в каком случае человек со сформировавшимся чувством личности в проблемной для себя социально значимой ситуации непременно выбирает способ выйти из пространства амбивалентного напряжения и проявить себя в соответствии со своей внутренней позицией в контексте проявлений надситуативной активности. При этом выражаю глубокую признательность Михаилу Григорьевичу Ярошевскому за дарованное вразумительное понятие «надситуативная активность».*

4. Предощущения и предчувствия новизны – дар юным из глубин всей социальной истории человечества

Юношей также увещевают быть
целомудренными.

Тит. 2 : 6

В православии находим наставления пастырю о старцах и юношах: «Ты же говори то, что сообразно со здравым учением: чтобы старцы были бдительны, степенны, целомудренны, здоровы в вере, в любви, в терпении... Юношей также увещай быть целомудренными» [Тит. 2 : 1 ; 6].

Здесь и теперь нельзя найти ничего более светлого, чистого, чем личностные юношеские переживания Льва Толстого. Пройдя этапы детства, отрочества и

1 Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. М., 1992. С. 6–7.

юности, Л.Н. Толстой в 24 года тонко отрефлексировал свои незабытые им чувства и помыслы прошедшего времени.

Если детство Л.Н. Толстой называл счастливой, счастливой, невозвратимой порой, восклицая: «Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений.

Набегавшись досыта, сидишь, бывало, за чайным столом, на своем высоком креслице; уже поздно, давно выпил свою чашку молока с сахаром, сон смыкает глаза, но не трогаешься с места, сидишь и слушаешь. И как не слушать? Мама говорит с кем-нибудь, и звуки голоса ее так сладки, так приветливы. Одни звуки эти так много говорят моему сердцу!»¹.

Если в отрочестве Л.Н. Толстой, обсуждая любимейшие и постояннейшие предметы своих размышлений – они были несообразны, по его мнению, с его возрастом и положением: «Но, по моему мнению, несообразность между положением человека и его моральной деятельностью есть вернейший признак истины»². И далее в том же возрасте: «Мне кажется, что ум человеческий в каждом отдельном лице проходит в своем развитии по тому же пути, по которому он развивается и в целых поколениях, что мысли, служившие основанием различных философских теорий, составляют нераздельные части ума; но что каждый человек более или менее ясно сознавал их еще прежде, чем знал о существовании философских теорий»³. Что можно сказать об отроке Левушке Толстом? Развитой, способный к суждениям и рассуждениям подросток. Но, однако, все-таки отрок, подросток.

Совсем другое дело – юный человек с тонкой способностью к рефлексии на свои чувствительность и затаенно проявляющуюся чувственность.

Я не готова пропустить ни полслова, ни мгновения суждений, проснувшейся к чувствованию души. Юный человек с осторожностью и деликатностью переживает свои состояния и удивительным образом подыскивает точные и прозрачные описания своих чувствований.

Обратимся к самовосприятию и чувствованию юного человека – будущего выдающегося русского писателя, классика мирового звучания.

Он писал: «Несмотря на происходившую у меня в голове путаницу понятий, я в это лето был юн, невинен, свободен и поэтому почти счастлив»⁴ (курсив мой, В.М.).

«Иногда, и довольно часто, я вставал рано. (Я спал на открытом воздухе, на террасе, и яркие косые лучи утреннего солнца будили меня.) Я живо одевался, брал под мышку* полотенце и книгу французского романа и шел купаться в реке в тени березника, который был в полверсте от дома. Там я ложился в тени на траве и читал, изредка отрывая глаза от книги, чтобы взглянуть на лиловатую в тени поверхность реки, начинающую колыхаться от

1 Толстой Л.Н. Детство. Отрочество. Юность. Л., 1966. С. 59–60.

2 Там же. С. 176.

3 Там же. С. 177.

4 Толстой Л.Н. Детство. Отрочество. Юность. Л., 1966. С. 306.

* Под мышкой – то же, что и под мышцей: раздельная форма слова «мышца» (в данном значении – мышца плечевого сгиба) и предлога «под» (место внизу).

Подмышка – место, находящееся под мышцей, внутренняя часть плечевого сгиба.

утреннего ветра, на поле желтеющей ржи на том берегу, на светло-красный утренний свет лучей, ниже и ниже окрашивающий белые стволы берез, которые, прячась одна за другую, уходили от меня в даль чистого леса, и наслаждался сознанием в себе точно такой же свежей, молодой силы жизни, какой везде кругом меня дышала природа. Когда на небе были утренние серые тучки и я озябал после купанья, я часто без дороги отправлялся ходить по полям и лесам, с наслаждением сквозь сапоги промачивая ноги по свежей росе. В это время я живо мечтал о героях последнего прочитанного романа и воображал себя то полководцем, то министром, то силачом необыкновенным, то страстным человеком и с некоторым трепетом оглядывался беспрестанно кругом, в надежде вдруг встретить где-нибудь ее на полянке или за деревом. Когда в таких прогулках я встречал крестьян и крестьянок на работах, несмотря на то, что *простой народ* не существовал для меня, я всегда испытывал бессознательное сильное смущение и старался, чтоб они меня не видели. Когда уже становилось жарко, но дамы наши еще не выходили к чаю, я часто ходил в огород или сад есть все те овощи и фрукты, которые поспевали. И это занятие доставляло мне одно из главных удовольствий. Забьешься, бывало, в яблочный сад, в самую середину высокой заросшей, густой малины. Над головой – яркое горячее небо, кругом – бледно-зеленая колючая зелень кустов малины, перемешанных с сорною заростью. Темно-зеленая крапива с тонкой цветущей макушкой стройно тянется вверх; разлапистый репейник с неестественно лиловыми колючими цветками грубо растет выше малины и выше головы и кое-где вместе с крапивою достает даже до развесистых бледно-зеленых ветвей старых яблонь, на которых наверху, в упор жаркому солнцу, зреют глянцевиные, как косточки, круглые, еще сырые яблоки. Внизу молодой куст малины, почти сухой, без листьев, искривившись, тянется к солнцу; зеленая игловатая трава и молодой лопух, пробившись сквозь прошлогодний лист, увлажненные росой, сочно зеленеют в вечной тени, как будто и не знают о том, как на листьях яблони ярко играет солнце.

В чаще этой всегда сыро, пахнет густой постоянной тенью, паутиной, падалью-яблоком, которое, чернея, уже валяется на прелой земле, малиной, иногда и лесным клопом, которого проглотить нечаянно с ягодой и поскорее заешь другую. Подвигаясь вперед, спугиваешь воробьев, которые всегда живут в этой глуши, слышишь их торопливое чириканье и удары о ветки их маленьких быстрых крыльев, слышишь жужжание на одном месте жировой пчелы и где-нибудь по дорожке шаги садовника, дурачка Акима, и его вечное мурлыканье себе под нос. Думаешь себе: “Нет! ни ему, никому на свете не найти меня тут...”, обеими руками направо и налево снимаешь с белых конических стебельков сочные ягоды и с наслаждением глотаешь одну за другою. Ноги, даже выше колен, насквозь мокры, в голове какой-нибудь ужаснейший вздор (твердишь тысячу раз сряду мысленно; и-и-и по-оо-о двадцать-а-ать и-и-и по семь), руки и ноги сквозь промоченные панталоны обожжены крапивой, голову уже начинают печь прорывающиеся в чащу прямые лучи солнца, есть уже давно не хочется, а все сидишь в чаще, поглядываешь, послушиваешь, подумываешь и машинально обрываешь и глотаешь лучшие ягоды.

Часу в одиннадцатом я обыкновенно приходил в гостиную, большей частью после чаю, когда уже дамы сидели за занятиями. Около первого окна, с опущенной на солнце небеленой холстинной сторой, сквозь скважины которой яркое солнце кладет на все, что ни попадет, такие блестящие огненные кружки, что глазам больно смотреть на них, стоят пальцы, по белому полотну которых тихо гуляют мухи. За пальцами сидит Мими, беспрестанно сердито встряхивая головой и передвигаясь с места на место от солнца, которое, вдруг прорвавшись где-нибудь, проложит ей то там, то сям на лице или на руке огненную полосу. Сквозь другие

три окна, с теньями рам, лежат цельные яркие четырехугольники; на некрашеном полу гостиной, на одном из них, по старой привычке, лежит Милка и, насторожив уши, вглядывается в ходящих мух по светлому четырехугольнику. Катенька вяжет или читает, сидя на диване, и нетерпеливо отмахивается своими беляшными, кажущимися прозрачными в ярком свете ручками или, сморщившись, трясет головкой, чтоб выгнать забившуюся в золотистые густые волосы бьющуюся там муху. Любочка или ходит взад и вперед по комнате, заложив за спину руки, дожидаясь того, чтоб пошли в сад, или играет на фортепьяно какую-нибудь пьесу, которой я давно знаю каждую нотку. Я сажусь где-нибудь, слушаю эту музыку или чтение и дожидаясь того, чтобы мне можно было самому сесть за фортепьяно. После обеда я иногда достаивал девочек ездить верхом с ними (ходить гулять пешком я считал несообразным с моими годами и положением в свете). И наши прогулки, в которых я провожу их по необыкновенным местам и оврагам, бывают очень приятны. С нами случаются иногда приключения, в которых я себя показываю молодцом, и дамы хвалят мою езду и смелость и считают меня своим покровителем. Вечером, ежели гостей никого нет, после чаю, который мы пьем в тенистой галерее, и после прогулки с папа по хозяйству я ложусь на старое свое место, в вольтеровское кресло, и, слушая Катенькину или Любочкину музыку, читаю и вместе с тем мечтаю по-старому. Иногда, оставшись один в гостиной, когда Любочка играет какую-нибудь старинную музыку, я невольно оставляю книгу, и, вглядываясь в растворенную дверь балкона в кудрявые висячие ветви высоких берез, на которых уже заходит вечерняя тень, и в чистое небо, на котором, как смотришь пристально, вдруг показывается как будто пыльное желтоватое пятнышко и снова исчезает; и, вслушиваясь в звуки музыки из залы, скрипа ворот, бабьих голосов и возвращающегося стада на деревне, я вдруг живо вспоминаю и Наталью Савишну, и тапан, и Карла Иваныча, и мне на минуту становится грустно. Но душа моя так полна в это время жизнью и надеждами, что воспоминание это только крылом касается меня и летит дальше.

После ужина и иногда ночной прогулки с кем-нибудь по саду – один я боялся ходить по темным аллеям – я уходил один спать на полу на галерею, что, несмотря на миллионы ночных комаров, пожиравших меня, доставляло мне большое удовольствие. В полнолуние я часто целые ночи напролет проводил сидя на своем тюфяке, вглядываясь в свет и тени, вслушиваясь в тишину и звуки, мечтая о различных предметах, преимущественно о поэтическом, сладострастном счастье, которое мне тогда казалось высшим счастьем в жизни, и тоскуя о том, что мне до сих пор дано было только воображать его. Бывало, только что все разойдутся и огни из гостиной перейдут в верхние комнаты, где слышны становятся женские голоса и стук отворяющихся и затворяющихся окон, я отправляюсь на галерею и расхаживаю по ней, жадно прислушиваясь ко всем звукам засыпающего дома. До тех пор пока есть маленькая, беспричинная надежда хотя на неполное такое счастье, о котором я мечтаю, я еще не могу спокойно строить для себя воображаемое счастье.

При каждом звуке босых шагов, кашле, вздохе, толчке окошка, шорохе платья я вскакиваю с постели, воровски прислушиваясь, приглядываясь и без видимой причины прихожу в волнение. Но вот огни исчезают в верхних окнах, звуки шагов и говора заменяются храпением, караульщик по-ночному начинает стучать в доску, сад стал и мрачнее и светлее, как скоро исчезли на нем полосы красного света из окон, последний огонь из буфета переходит в переднюю, прокладывая полосу света по росистому саду, и мне видна через окно сгорбленная фигура Фоки, который в кофточке, со свечой в руках, идет к своей постели. Часто я находил большое волнующее наслаждение, крадучись по мокрой траве в черной тени дома,

подходить к окну передней и, не переводя дыхания, слушать храпение мальчика, покрывающее Фоки, полагавшего, что никто его не слышит, и звук его старческого голоса, долго, долго читавшего молитвы. Наконец тушилась его последняя свечка, окно захлопывалось, я оставался совершенно один и, робко оглядываясь по сторонам... не видно ли где-нибудь, подле клумбы или подле моей постели, белой женщины, – рысью бежал на галерею. И вот тогда-то я ложился на свою постель, лицом к саду, и, закрывшись, сколько возможно было, от комаров и летучих мышей, смотрел в сад, слушал звуки ночи и мечтал о любви и счастье.

Тогда все получало для меня другой смысл: и вид старых берез, блестящих с одной стороны на лунном небе своими кудрявыми ветвями, с другой – мрачно застилавших кусты и дорогу своими черными тенями, и спокойный, пышный, равномерно, как звук, возмужавший блеск пруда, и лунный блеск капель росы на цветах перед галереей, тоже кладущих поперек серой рабатки свои грациозные тени, и звук перепела за прудом, и голос человека с большой дороги, и тихий, чуть слышный скрип двух старых берез друг о друга, и жужжание комара над ухом под одеялом, и падение зацепившегося за ветку яблока на сухие листья, и прыжки лягушек, которые иногда добирались до ступеней террасы и как-то таинственно блестя на месяце своими зеленоватыми спинками, – все это получало для меня странный смысл – смысл слишком большой красоты и какого-то недоконченного счастья.

И вот являлась *она*, с длинной черной косой, высокой грудью, всегда печальная и прекрасная, с обнаженными руками, с сладострастными объятиями. Она любила меня, я жертвовал для одной минуты ее любви всей жизнью. Но луна все выше, выше, светлее и светлее стояла на небе, пышный блеск пруда, равномерно усиливающийся, как звук, становился яснее и яснее, тени становились чернее и чернее, свет прозрачнее и прозрачнее, и, вглядываясь и вслушиваясь во все это, что-то говорило мне, что и *она*, с обнаженными руками и пыльными объятиями, еще далеко, далеко не все счастье, что и любовь к ней далеко, далеко еще не все благо; и чем больше я смотрел на высокий, полный месяц, тем истинная красота и благо казались мне выше и выше, чище и чище, и ближе и ближе к Нему, к источнику всего прекрасного и благого, и слезы какой-то неудовлетворенной, но волнующей радости навертывались мне на глаза.

И все я был один, и все мне казалось, что таинственно-величавая природа, притягивающий к себе светлый круг месяца, остановившийся зачем-то на одном высоком неопределенном месте бледно-голубого неба и вместе стоящий везде и как будто наполняющий собой все необъятное пространство, и я, ничтожный червяк, уже оскверненный всеми мелкими, бедными людскими страстями, но со всей необъятной могучей силой воображения и любви, – мне все казалось в эти минуты, что как будто природа, и луна, и я, мы были одно и то же»¹.

Чтение сих тонких рефлексий юного человека на свою чувствительность, чувственное восприятие и наслаждение природой и бытием вообще, доставляет ощущение сопричастности к переживаниям.

Как тонко, с какими чувствами к бытию, к самой природе, к своим прилогам и помыслам, к своим мечтаньям и грезам обращался в юности гений пронизательного и тонкого ума и души... И на фоне все охватывающего, чуткого и в то же время чувственного отношения к жизни, к самому бытию, вдруг исподволь, как бы ненавязчиво и случайно возникает затаенный в сознании *ее* образ. И тогда все получало для юного Левушки особый смысл... И тогда являлась *она*: «... всегда печальная и прекрасная, с обнаженными руками, с

1 Толстой Л.Н. Детство. Отрочество. Юность. Л., 1966. С. 306–311.

сладострастными объятиями. Она любила меня, я жертвовал для одной минуты ее любви всей жизнью...»¹.

Юный человек в то же время ощущал, что он один, что он – ничтожный червяк, уже оскверненный всеми мелкими, бедными людскими страстями. Но со своей необъятной могучей силой воображения и любви. В эти минуты ему казалось, что как будто природа, и луна, и он – юный Лев Толстой, были одно и то же.

Юношу Льва Толстого не нужно было увещевать быть целомудренным. Он был целомудренным: девственным и невинным, строго нравственным и чистым.

Для юности целомудрие, нравственные устремления и чистота души – норма телесной, душевной и духовной жизни.

5. Феноменология энергетического потенциала в юности

Юность – заключительный период первого этапа онтогенеза: физического роста и развития; период интенсивного развития, восхождения высших психических функций; период наполнения и увеличения энергетического потенциала телесного и психического развития, а также энергетического потенциала духовного восхождения.

Вновь вспомним великого И.М. Сеченова, который писал: «...наука показала, что по телу нашему идет каждое мгновение необозримое количество *электрических токов...*» (курсив мой, В.М.)². Также не оставим без внимания великого И.П. Павлова, который помимо своего гениального учения об условных рефлексах и их сигнальной функции, изучал проявления психической активности животных и человека; степени человеческой энергии и др.

В тот же период русский физиолог, доктор медицины, психиатр и психолог В.М. Бехтерев размышлял о *психической энергии*, формулировал «закон сохранения энергии в отношении психики». При этом он обсуждал факт присутствия «скрытой энергии» на пороге жизни³. Он выражал уверенность в том, что «жизнь и психизм – два неразрывных явления, обязанные одной общей скрытой энергии»⁴.

Следом за этими русскими корифеями вниманию физиологов и психологов была дарована идея доминанты – очага возбуждения временно, господствующего и побуждающего организм в конкретной ситуации к определенным действиям. А.А. Ухтомский полагал, что под именем «доминанты» следует понимать «устойчивый очаг повышенной возбудимости центров, чем бы он ни был вызван, причем вновь приходящие в центры возбуждения служат усилению (подтверждению) возбуждения в очаге, тогда как в прочей центральной нервной системе широко разлито явление торможения»⁵. В первом томе моего учебника мы уже обсуждали эту проблему⁶.

1 Толстой Л.Н. Детство. Отрочество. Юность. Л., 1966. С. 311.

2 Сеченов И.М. Физиология нервной системы // Избранные произведения. Т. 2. М., 1956. С. 18.

3 Бехтерев В.М. Психика и жизнь. СПб., 1904. С. 90.

4 Там же. С. 91.

5 Ухтомский А.А. Учение о доминанте // Избранные труды. Л., 1978. С. 9–10.

6 Мухина В.С. Феноменология энергетического потенциала в отрочестве // Возрастная психология: Феноменология развития и бытия личности: в 2-х т. Т. 1. М., 2021. С. 551–557.

Отдельно следует обратиться к работам удивительно умного и тонкого специалиста в области медицины и возрастной и социальной психологии – Д.В. Колесова. Ученый выделял феномен *половой доминанты отношения*, которая проявляется нарастанием в крови в отрочестве и в юности уровня половых гормонов: они содействуют уровню устойчивости этой доминанты. Д.В. Колесов писал: «Действие половых гормонов на центральную нервную систему проявляется в том, что доминанта отношения с особой силой начинает “притягивать” и удерживать в себе всю информацию, относящуюся к другому полу, все то, что раньше или не замечалось вовсе, или замечалось, но не вызывало реакции, начинает замечаться, систематизироваться, обобщаться. Именно на этой основе формируются эталоны половой принадлежности: *гормоны “подогревают” не только собственно половое влечение – тягу к другому полу, но и способность разбираться в индивидуальных свойствах его представителей*»¹.

Состояние нервных центров меняется: информация сексуального характера становится для юности еще более актуальной, чем в отрочестве. Теперь она может фиксироваться, концентрироваться и идеализироваться, выстраиваясь в определенную систему типичных доминантных представлений. При этом развивающиеся в юности вторичные половые признаки своего и противоположного пола начинают привлекать особое внимание. Возникает новая доминанта – поиск эстетического идеала своего и противоположного пола. В юности и юноши и девушки начинают интересоваться идеалами физической и духовной красоты – их интересуют эстетические эталоны красоты и дисгармонии. Они начинают искать впечатлений в музеях искусств, в консерваториях, в балетах и операх, в драматических театрах, в книгах – в описаниях великих писателей отечественной и мировой классической литературы.

Юность становится сензитивной к искусствам, адресованным не только к дистантным органам чувств (к зрению и слуху), но и к общему духовному восхождению.

Юные начинают жадно впитывать новые впечатления, становясь особенно сензитивными к красоте, восхищающей зрение и слух, а также к красоте духовных восхождений человечества.

Когда мы обсуждали проблему отрочества², я специально отмечала, «что так называемая *тяга к другому полу как половая доминанта отношения* выражается не только в проявляемом подростками неотступном внимании, но и во внутреннем сопротивлении к внезапно возникшему, неожиданному подростком вниманию к ровеснику, представителю другого пола. В этом случае у многих подростков может *вырастать чувство внутренней оппозиции – противодействия, сопротивления неожиданному побуждению*. (Во внутреннем эмоциональном отношении это может быть оформлено словами: «Я тебя не вижу, не знаю и знать категорически не желаю».) При этом сам подросток порой не отдает себе отчета насколько он реально заинтересован или не заинтересован в познании особенностей представителей другого пола».

1 Колесов Д.В. Современный подросток. Взросление и пол. М., 2003. С. 56–57.

2 Мухина В.С. Отрочество // Возрастная психология: Феноменология развития и бытия личности: в 2-х т. Т. 1. М., 2021. С. 459–591.

Этот факт, когда у подростков может вырастать чувство внутренней оппозиции и скрытого или явного избегания общения с представителями иного пола, безусловно может проявляться у некоторой части отроков (как мальчиков, так и девочек).

Что касается юношеского возраста, то некоторая часть из тех, кто в отрочестве был в явной оппозиции по отношению к представителям противоположного пола, сохраняет за собой эту оппозицию и продолжает избегать общения с представителями противоположного пола. В этом возрасте причиной такого поведения могут быть особенности полового воспитания в семье, личностные внутренние позиции самих подростков в отношении к неожиданным для них изменениям в бытие в новых жизненных обстоятельствах. Но возможно, что в этом возрасте юноши увлечены учением и проблемами, связанными с познанием, со сформировавшимся интересом к овладению новыми знаниями и с интересом к неожиданно открывшимся в Великом идеополе общественного самосознания новым философским или научным идеям. Расширение горизонтов в познавательной сфере может стать познавательной доминантой, которая может доминировать в контексте познавательной сферы.

В то же время у других юношей развивается сексуальный темперамент, который оформляется в постоянное индивидуальное качество. Нередко в этот период возрастает *юношеская гиперсексуальность*.

Д.В. Колесов полагал: «Затрагивая вопрос о юношеской гиперсексуальности, полезно сопоставить факт ее с продолжительностью жизни наших отдаленных предков: 18–20 лет. Как раз тот самый возраст. Следовательно, то, что для наших дней является гиперсексуальностью, для тех времен было нормой и, видимо, оказалось одним из факторов выживания человечества»¹. При этом ученый объяснял: «Следует помнить, что условия жизни в современном обществе оказывают тормозящее воздействие на сексуальную активность человека: слишком много помех свободной ее реализации. В этом смысле можно утверждать, что современный человек – существо сексуально неудовлетворенное (индивидуально – в большей или меньшей степени). Во всяком случае, почти любой мужчина способен в сексуальном плане на большее, чем это оказывается в реальности»².

И далее физиолог и психолог – Д.В. Колесов продолжал: «И еще одно доказательство этого, на этот раз физиологическое. Если потребностное побуждение идет изнутри, почему же так интенсивно воздействуют сексуально привлекательные объекты, даже и тогда, когда индивид, казалось бы, и не думает о половом контакте? Конечно, для разных индивидов эта готовность модифицируется целым рядом дополнительных факторов и обстоятельств, но в принципе это так. Дело в том, что привлекательный объект, воздействуя на доминанту отношения, привлекает к себе внимание, а половая потребность (вернее, часть сексуального потенциала) находится в подавленном (“дремлющем”) состоянии и мобилизуется только в особых случаях. Во всех прочих она компенсируется восприятием эротики или тормозится какими-либо иными интересами. Это удовлетворяет потребность на уровне доминанты отношения, чего, однако, недостаточно для полного ее удовлетворения.

1 Колесов Д.В. Биология и психология пола. М., 2000. С. 113.

2 Там же.

Кроме того, у интеллектуально развитого индивида всегда много конкурирующих интересов и занятий, и поэтому он не будет постоянно думать “о бабах” (или “о мужиках”)¹.

Д.В. Колесов приложил много усилий, чтобы прояснить для себя и других сущностные особенности биологии и психологии пола. Продолжим и мы вести нашу мысль в направлении познания феноменологии энергетического потенциала в юности.

Психо-сексуальное развитие в юности – психологическая и физиологическая способность любить человека другого пола. Эту способность развивают революционные предпосылки и социально-исторические условия – сфера образно-знаковых реалий и формирующееся у каждого поколения отношение к феномену любви представителей разных полов.

Дмитрий Васильевич Колесов – специалист в области биологии и психологии пола выявил «три главных компонента психо-сексуального развития:

- элементарные сексуально значимые реакции;
- различие ребенком людей по полу и осознание собственной половой принадлежности; усвоение соответствующей социальной роли;
- половое влечение, его формирование и созревание»².

Далее замечательный ученый высказал мнение о том, что из этих компонентов формируется целостная система физиолого-психологических реакций и их самооценки; развиваются вкус и сексуальные предпочтения; накапливается опыт межполовых отношений. Все эти компоненты проявляют себя в поведении. В юности человек начинает осваивать связанные с половой принадлежностью стороны поведения.

Аспекты поведения, согласно видению Д.В. Колесова, «характеризуются развитием и все более цельным сочетанием трех содержательных компонентов:

- произвольно-полового;
- осознанно-полового;
- направленно-полового»³.

Как полагал Д.В. Колесов: «В любой жизненной ситуации в поведении ребенка, подростка, юноши, взрослого есть что-то от любого из этих компонентов. И от их сочетания. И ото всех трех сразу. Поведения “вообще” не бывает»⁴.

Все живые существа связаны с окружающим миром через свои *потребности*.

Д.В. Колесов был уверен в том, что: «Сущность любой потребности заключается в том, что живому необходимо нечто *вне себя для себя*. И активность живого реализуется только по направлению этих связей. Это – векторы его активности.

Четыре основных вида связей существ с окружающим миром – базисных потребностей:

- потребность в веществе и энергии;
- потребность в сохранении и продолжении индивидуальной жизни (потребность в самосохранении, потребность в безопасности);

1 Колесов Д.В. Биология и психология пола. М., 2000. С. 113.

2 Там же. С. 57.

3 Там же.

4 Там же. С. 58.

- потребность в сохранении и продолжении жизни вида (потребность в воспроизведении потомства, или потребность в продолжении рода, или потребность в размножении, или половая потребность);

- потребность в информации»¹.

Как писал об этом Д.В. Колесов: «Каких-либо связей иного рода у существ нет и быть не может». При этом сущность любой потребности состоит в том, что живому необходимо нечто «вне себя для себя»².

1. *Потребность в веществе и энергии* («пищевая потребность»). Необходимые для продолжения жизни вещества все живое берет непосредственно из внешней среды, подвергая сложные соединения расщеплению на составные части с тем, чтобы затем синтезировать из них вещества, характерные именно для данного индивидуального существа и (или) его вида. Что касается энергии, то в свободном виде она может усваиваться только растениями, а животные получают ее в форме вещества растений. В «чистом» виде энергии в живых существах нет: она скрыта в связях молекул.

Таким образом, главный смысл и содержание потребности в веществе и энергии состоит в добывании и *превращении в себя* некоторых веществ внешнего (по отношению к существу) мира. Эту потребность можно назвать также потребностью в пластическом (вещества) и энергетическом обеспечении жизни»³. И далее физиолог и психолог рассматривал подробно все основные виды связей человека с окружающим миром.

2. Ученый, рассматривая феноменологию *потребности в самосохранении*, обсуждал потребности всякого «живого существа»: «ведь для существа *значимыми*, (то есть повышающими или снижающими вероятность продолжения его жизни) являются не только метеорологические (климатические) факторы, но и другие существа, которые могут быть использованы им или использовать его для поддержания собственной жизни»⁴.

Потребность в самосохранении таким образом реализуется путем *преодоления активности других существ*.

3. *Потребность в воспроизведении потомства*. Общая и основная тенденция живого к неограниченному существованию находит свое выражение в способности существ *передавать эстафету жизни своим потомкам* – продолжать себя в своих детях.

4. *Потребность в информации*. Новая информация необходима человеку (у Д.В. Колесова «существу») сама по себе для его развития.

Далее Д.В. Колесов продолжал свои размышления о насущных потребностях человека.

5. *Потребность как тяготение*. Необходимость для любого существа в тех или иных реальных объектах вне его проявляется тяготением («биологическим притяжением») к тем или иным из них. Субъективно этот биологический

1 Колесов Д.В. Биология и психология пола. М., 2000. С. 78.

2 Там же.

3 Там же.

4 Там же. С. 79.

магнетизм проявляется побуждениями, стремлениями, желаниями и другими рассматриваемыми психологией состояниями внутреннего мира.

Среди проявлений биологического магнетизма Д.В. Колесов указывал в первую очередь два: тяготение к пище (голод) и тяготение к существу другого пола (половое влечение).

6. *Удовлетворение потребностей.* Д.В. Колесов посчитал правильным различать объективный и субъективный его компоненты. *Объективный компонент:* удовлетворение потребности означает, что существо получило то, что ему необходимо в конкретный момент для продолжения жизни. *Субъективный компонент:* удовлетворение потребности означает более жизнеспособное состояние существа, его пребывание в оптимальном с точки зрения продолжения жизни его состоянии. Сытое и здоровое существо имеет шансы прожить дольше, чем голодное¹.

Далее Д.В. Колесов задавался вопросом: «Может возникнуть вопрос: а как же состояние удовлетворения потребности в воспроизведении потомства? Принципиально то же самое: сексуальная удовлетворенность объективно свидетельствует о том, что были правильно и полностью осуществлены все те действия, которые природой предусмотрены для появления потомства.

Субъективно же оно свидетельствует об оптимальном психофизиологическом состоянии родительских существ, их способности и в последующем осуществлять подобного рода действия. И с теми же (принципиально) последствиями. Другое дело, что у человека *прокреация** и *рекреация*** оказались с течением времени разобщенными. Но природой они были задуманы в неразрывной связи»².

Остается только обратить все обсуждаемые здесь виды потребностей, предложенные вниманию ученых и учащихся к *проблеме феноменологии энергетического потенциала*. Приведенные выше потребности всех живых организмов и их бесконечная реализация реально определяют качественную сущность энергетического потенциала каждого вида живых существ, в том числе и человечества.

Это разобщение произошло в процессе эволюции, когда начали появляться многоклеточные, все более сложные организмы (существа). У более сложно организованных живых существ постепенно развивались *предповедение* и *поведение*.

Формы предповедения в видении Д.В. Колесова получили название *тропизм, таксис* (пример: *хемотаксис* – способность приближаться к определенным существам окружающей среды, чтобы использовать их, и способность отдаляться от других, чтобы избежать их неблагоприятного воздействия). Уже инфузории наделены этой возможностью действовать механическим образом. Программа их предповедения чрезвычайно проста.

Поведение – слово из русского обиходного языка.

Согласно Вл. Далю: *поведе́ние* см. поваживать (поводить, повозить).

1 Колесов Д.В. Биология и психология пола. М., 2000. С. 78–81.

* *Прокреация* [лат. procreation рождение, произведение на свет] – воспроизведение потомства, продолжение рода.

** *Рекреация* [лат. recreation букв. восстановление] – отдых, восстановление сил человека, израсходованных в процессе труда.

2 Колесов Д.В. Биология и психология пола. М., 2000. С. 81.

Пова́живать, повозить, повезти или повéзть что, кого, куда, в чем, на чем. *Пово́зчик* или *пово́зник*, то правит упряжкой с лошадей, повозкой... и др.

Таково начало значений и смыслов слова «поведение», данное не более, чем 140 лет тому назад*.

В наше время под эгидой РАН, в частности – Института лингвистических исследований**, понятие *поведение* разительно изменило свои значения и смыслы:

«*Поведение*. 1. Образ жизни, совокупность поступков и действий кого-либо. *Примерное поведение*. ♦ «С пятилетнего возраста отдан я был на руки стремянному Савельичу, за трезвое поведение пожалованному мне в дядьки. А. Пушкин...» || Образ действий, характер поступков.

2. *Спец.* Характер существования, развития чего-либо в каких-либо условиях. Поведение электронов в веществе.

Здесь мы будем исходить из первого разъяснения значений и смыслов этого слова-понятия.

Современная отечественная философия дает нам понимание *понятия поведения* в контексте нашего времени.

Отечественный философ и методолог Эрик Григорьевич Юдин (1930–1976) предложил свое видение значений и смыслов этого понятия¹. Он писал: «*Поведение* – система внутренне взаимосвязанных действий, осуществляемых сложным (обладающим организацией) объектом; эта система подчиняется определенной логике и направлена на реализацию той или иной функции, присущей данному объекту и требующей его взаимодействия с окружающей средой. В широком смысле термин “поведение” употребляется применительно к объектам любого уровня организации (в этом смысле говорят о поведении электрона в магнитном поле, о поведении той или иной самоорганизующейся системы), причем имеют в виду поведение как отдельного индивида, так и группы индивидов (биологического вида, социальной группы и т. п.). Нередко термином “поведение” характеризуют *систему поступков человека*, представляющих собой реализацию нравственных установок. Однако чаще всего под поведением понимают систему действий по поддержанию своего существования, осуществляемых биологическим индивидом любого уровня организации. В этом понимании поведение исследуется главным образом физиологией и психологией, которые рассматривают его как целостную характеристику психической деятельности».

В свою очередь в психологии глубокий ученый – экспериментатор и теоретик восприятия как высшей психической функции Владимир Петрович Зинченко (1931–2014) обратился к обсуждению феноменов *поведения* и *поступка*.

Согласно видению В.П. Зинченко: «*Поведение* – извне наблюдаемая двигательная активность живых существ, включающая моменты неподвижности,

* См.: Даль Вл. *Поведение* // Толковый словарь живого великорусского языка: Второе изд., исправленное и значительно дополненное по рукописи автора. Т. 3. П. СПб.; М., 1882. С. 140.

** *Поведение* // Словарь русского языка: Т. III. П – Р: 4-е издание, стереотипное. М., 1999. С. 156.

¹ Юдин Э.Г. *Поведение* // Новая философская энциклопедия: Т. 3. Н – С. М., 2010. С. 253–254.

исполнительное звено высшего уровня взаимодействия целостного организма с окружающей средой.

Поведение представляет собой целенаправленную систему последовательно выполняемых *действий*, осуществляющих практический контакт организма с окружающими условиями, опосредствующих отношения живых существ к тем свойствам среды, от которых зависит сохранение и развитие их жизни, подготавливающих удовлетворение *потребностей* организма, обеспечивающих достижение определенных целей»¹.

В то же время В.П. Зинченко считал для себя правильным представить *понятие поступок*. Психолог сформулировал свое представление о значениях и смыслах понятия поступок. Он писал: «*Поступок* – личностная форма поведения, возникающая благодаря формированию самосознания в подростковом возрасте (Л.С. Выготский). Поступком не являются автоматизмы, рефлексy, *баллистические** *движения*, действия – импульсивные, привычные, *гетерономичные*** (выполняемые по приказу, служебной инструкции, внешним требованиям, согласно предписанной *роли*). Поступок включает творческий акт выбора целей и средств поведения, нередко вступающий в *конфликт* с установленным, привычным, заведенным порядком. Поступок – личностно-осмысленное, лично сконструированное и лично реализованное поведение (действие или бездействие), направленное на разрешение *конфликта*»².

Однако вернемся к Д.В. Колесову – специалисту в области биологии и психологии пола. Врач, физиолог и психолог постоянно обращался к проблеме поведения. Он вопрошал: «Что же такое *поведение*?». И он отвечал: «В самой общей формулировке – это проявление возрастающей в ходе эволюции активности живого, способ более надежного и полноценного удовлетворения его потребностей. Иными словами, в основе поведения лежит способность существа *избирать* те или иные *способы действия* (проявлений активности) *в зависимости от конкретных условий жизни*»³. Д.В. Колесов выражал свое видение сущности поведения тем, что «сама возможность поведения выражает *возрастание степени внутреннего разнообразия существа до уровня разнообразия условий внешнего мира. И проявляется это появлением психики – индивидуальной внутренней модели внешнего мира*, со временем достигающей такого уровня сложности, который делает возможным появление в ней модели и образа себя самого, а также своих действий. То есть таких психических механизмов и феноменов, как “Я” и сознание»⁴.

В результате Д.В. Колесов прозрел возможные последствия тенденции удовлетворения любой из потребностей человека, когда «становится возможным

1 Зинченко В.П. Поведение // Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. СПб.; М., 2003. С. 338.

* *Баллистика* [гр. ballō бросаю]; *баллистический* – прил. от сл. *баллистика* – как свободно падающее тело.

** *Гетерономия* [гр. hetaira букв. подруга, любовница + гр. nomos закон] – в этике И. Канта отвергаемое им выведение нравственности из независимых от воли субъекта причин.

2 Зинченко В.П. Поступок // Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. СПб.; М., 2003. С. 402.

3 Колесов Д.В. Биология и психология пола. М., 2000. С. 81.

4 Там же. С. 82.

возникновение побуждения достигать состояния удовлетворения наиболее “экономичным” способом, то есть каких-либо последствий этого. Побуждения такого рода и есть *соблазн*»¹.

Как известно: *соблазн* – то, что прельщает, влечет к себе, искушает как легкодоступное. Быть соблазненным недостойно человека. Соблазненный – реально становится униженным, слетевшим с пьедестала собственного мнения о самом себе. Часто подпадание в чем бы то ни было под соблазн возможного легкого получения желаемого реально унижает достоинство человека. Соблазненный раз – унижен много раз: первый раз по факту самого соблазнения, много-много раз – по факту доминантной памяти. Человек, поддавшийся соблазну, подвергает себя тяжелому переживанию потери своего чувства человеческого достоинства.

Поведение, поднявшееся до уровня поступка, вызывает у самого человека чувство глубокого удовлетворения собой. *Поступок – всегда результат реализации внутренней позиции личности.*

Недаром русский филолог, философ, историк культуры Михаил Михайлович Бахтин (1895–1975) утверждал: «Каждая мысль моя с ее содержанием есть мой индивидуально-ответственный поступок, один из поступков, из которых складывается вся моя единственная жизнь как сплошное поступление, ибо вся жизнь в целом может быть рассмотрена как некоторый сложный поступок: я поступаю всей своей жизнью, каждый отдельный акт и переживание есть момент моей жизни-поступления. Эта мысль, как поступок, цельна: и смысловое содержание ее, и факт ее наличности в моем действительном сознании единственного человека, совершенно определенного и в определенное время, и в определенных условиях, то есть вся конкретная историчность ее свершения, оба эти момента, и смысловой и индивидуально-исторический (фактический), едины и нераздельны в оценке ее как моего ответственного поступка»². Безусловно абсолютно прав мыслитель, когда утверждал, что поступок начинается с мысли. Я непременно хочу добавить, что поступок начинается с внутренней позиции личности, сформулированной в слове.

Далее М.М. Бахтин продолжал свои размышления о феномене поступка. Он писал: «Мир, где действительно протекает, свершается поступок, единый и единственный мир, конкретно переживаемый: видимый, слышимый, осязаемый и мыслимый, весь проникнутый эмоционально-волевыми тонами утвержденной ценностной значимости. Единую единственность этого мира, не содержательно-смысловую, а эмоционально-волевою, тяжелую и нудительную, гарантирует действительности признание моей единственной причастности, моего не-алиби в нем. Эта утвержденная причастность моя создает конкретное долженствование – реализовать всю единственность, как незаменимую во всем единственность бытия, по отношению ко всякому моменту этого бытия, а значит, превращает каждое проявление мое: чувство, желание, настроение, мысль – в активно-ответственный поступок мой»³.

1 Колесов Д.В. Биология и психология пола. М., 2000. С. 82.

2 Бахтин М.М. К философии поступка. «Введение» // Собр. соч. Т. 1. Философская эстетика 1820-х годов. М., 2003. С. 8.

3 Бахтин М.М. К философии поступка. Ч<асть> I // Собр. соч. Т. 1. Философская эстетика 1820-х годов. М., 2003. С. 51.

М.М. Бахтин выражал уверенность в том, что этот мир дан ему как конкретный единственный. Для его поступающего сознания – «он, как *архитектоническое** целое, расположен вокруг меня как единственного центра исхождения моего поступка: он находится мною, поскольку я *исхожу* из себя в моем поступке-видении, поступке-мысли, поступке-деле. В соотношении с моим единственным местом активного исхождения в мире все мыслимые пространственные и временные отношения, приобретают ценностный центр, слагаются вокруг него в некоторое устойчивое конкретное архитектурное целое – возможное единство становится действительной единственностью»¹.

Безусловно каждый поступок требует внутреннего отношения человека (внутренней позиции) к тому, что происходит вокруг него.

В юности энергетический потенциал телесности нарастает у большинства юношей и девушек, что явно легко наблюдают родные и близкие, а также и сторонние граждане, проживающие в одном с ними полисе**. В то же время в сфере функционирования высших психических функций и в отдельности – в сфере иных проявлений личности (чувство личности, внутренняя позиция личности) несомненно можно наблюдать у части юношества нарастание энергетического потенциала, в том числе в сфере творческих достижений.

Полагаю: здесь будет уместно обратиться к позднему труду знаменитого швейцарского психолога Карла Густава Юнга (1871–1961) «Об энергетике души»².

Психолог писал: «Общеизвестен тот факт, что психические события можно рассматривать с двух точек зрения – *механистической* и *энергетической*. Механистический подход чисто каузален: он понимает событие как следствие определенной причины <...>

В противоположность этому энергетическая точка зрения в своих важнейших чертах финальна, поскольку понимает событие от следствия к причине в том смысле, что *в основе изменений явления лежит энергия*, сохраняющаяся именно в этих изменениях как константа и в конце концов энтропически вызывающая состояние общего равновесия. Энергетический процесс имеет определенную направленность (цель) – благодаря тому, что неизменно (необратимо) следует уклону (перепаду), по которому перемещается потенциал. Энергия не является представлением о движущейся в пространстве субстанции, а есть *понятие*, абстрагированное из отношений движения. Его отправные точки, таким образом, – не сами субстанции, а отношения между ними...» (курсив мой, В.М.)³.

К.Г. Юнг полагал, что он должен присоединиться к русскому философу и психологу Николаю Яковлевичу Гроту (1852–1899) – одному из первых, кто считал

* *Архитектоника* [гр. *architektonike*] – строительное искусство.

1 Бахтин М.М. К философии поступка. Ч<асть> I // Собр. соч. Т. 1. Философская эстетика 1820-х годов. М., 2003. С. 53.

** *Поли...* [гр. *polu* много, многое] – первая составная часть сложных слов, указывающая на множество, разнообразный состав чего-либо.

Полис [гр. *polis*] – 1. город-государство в античном мире (Др. Греция, Др. Рим), состоявшее из самого города и прилегающей к нему территории || В современном речевом общении слово полис допустимо присутствует у европейцев и россиян.

2 Юнг К.Г. Об энергетике души: пер. с нем: 3-е изд. М., 2013.

3 Там же. С. 47–48.

необходимым исследовать психическую энергетику, – когда он говорил: «Понятие психической энергии в науке столь же оправданно, как и понятие физической энергии, а психическая энергия имеет такую же количественную меру и такие же различные формы, что и физическая»¹.

Сказанное выше побуждает меня обратиться к уместным здесь откровениям основателя и лидера гуманистической психологии Абрахама Маслоу (01.04.1908 – 08.06.1970). В свое время его отец эмигрировал из Киевской губернии Российской империи. Абрахам родился в Бруклине (США). Бруклин (в ту пору пригород Нью-Йорка) активно заселялся еврейскими эмигрантами. Последняя книга Абрахама Маслоу² несет в себе новые идеи для него и для науки психологии. А. Маслоу открывал в ней новые идеи относительно психологического понимания онтогенеза отдельного человека и феноменологии развития человечества.

Прежде всего я хочу обратить внимание своих читателей, некоторые из которых в скором времени войдут в число так называемой А. Маслоу «*растущей верхушки*» человечества. Согласно видению психолога-гуманиста, изучение представителей растущей верхушки есть способ и метод выяснения человеческих возможностей³.

В своей монографии на первых же страницах А. Маслоу доверил своему читателю идею: «Хорошие экземпляры» и «Статистика растущей верхушки».

Мыслитель безбоязно стал обсуждать возможность исследовать отобранных «хороших экземпляров» (можно сказать «экземпляров высшего качества») «как биологических образцов для изучения наивысших возможностей, которыми обладает человеческий род»⁴.

А. Маслоу сообщал, что в ходе исследований было обнаружено, что самоактуализирующиеся люди (то есть психологически здоровые, психологически «наилучшие») лучше воспринимают и познают. Это может проявиться даже на сенсорном уровне (например, они могут тоньше различать цветовые оттенки и др.). План А. Маслоу состоял в том, чтобы как можно полнее обследовать всех студентов, зачисленных на новый поток в Брэндский университет, используя при этом наилучшие доступные в то время методики, в том числе психиатрические интервью, проективные тесты, тесты успешности (performance) и т. д.; затем предполагалось отобрать 2 % выборки наиболее здоровых в психическом отношении, 2 % – наименее здоровых и 2 % – «средних».

Планировалось предложить этим трем группам батарею, содержащую около 20 сенсорных, перцептивных и когнитивных методик для того, чтобы проверить вывод, полученный ранее клиническим персонологическим путем, а именно: более здоровые психологически люди будут демонстрировать лучшее восприятие реальности. Это должно было быть лонгитюдное исследование.

1 Grot Nicolas von. Die Begriffe der Seele und der Psychischen Energie in der Psychologie // Archiv für systematische Philosophie. IV/3. (Berlin, 1898). P. 290. [Опубликовано ранее в России. См.: Грот Н.Я. Понятие о душе и психической энергии в психологии // Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 37, 39.]

2 Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы: пер. с англ.: 2-е изд., испр. М., 2011.

3 Там же.

4 Там же. С. 12.

При этом А. Маслоу писал, что по своему духу его исследование было подобно тому, которое провел американский психолог Льюис Термен (1877–1956) примерно за 40 лет до начала эксперимента самого А. Маслоу.

Л. Термен отобрал тогда в Калифорнии детей с высоким коэффициентом интеллекта и затем тестировал их многими способами. Это осуществлялось на протяжении последующих десятилетий вплоть до настоящего времени (примерно до 1970 г.).

Общий вывод Л. Термена состоял в том, что дети, отобранные на основании превосходства в интеллекте, превосходят остальных и во всем прочем. *Важнейшее обобщение*, с которым связано имя Л. Термена, – *это то, что все позитивные качества человека положительно коррелируют между собой*¹.

В части «Образование» А. Маслоу обсуждал проблему образования и пиковых переживаний. Он писал: «К великим открытиям З. Фрейда мы можем теперь кое-что добавить. Его большая ошибка, которую мы теперь исправляем, состояла в том, что он думал о бессознательном просто как о нежелательном зле. Но бессознательное содержит в себе также корни творчества, радости, счастья, доброты, человеческой этики и ценностей. Мы знаем, что существует здоровое бессознательное, так же как нездоровое. И новые направления психологии изучают его в полной мере. Экзистенциальные психиатры и психотерапевты вводят его в практику. Получают распространение новые виды психотерапии.

Итак, существует хорошее сознание и дурное сознание, хорошее бессознательное и дурное бессознательное»².

«Что касается той высшей человеческой природы, – рассуждал А. Маслоу, – на открытие которой мы претендуем, вопрос в том, как ее объяснить? Фрейдистское объяснение основано на сведении добра ко злу. Если я добр, это лишь реактивное образование против моего стремления убивать. Каким-то образом склонность к убийству оказывается здесь более фундаментальным качеством, чем доброта. А доброта – это способ скрыть и вытеснить это качество, защититься от осознания того факта, что на самом деле я убийца. Если я щедр, то это реактивное образование в противовес скупости, потому что в глубине, на самом деле, я скуп. Когда знакомишься с этими забавными рассуждениями, напрашивается вопрос, представляющийся ныне очевидным: почему не предположить, например, что убийство людей – это реактивное образование в противовес испытываемой к ним любви? Это столь же законный вывод, и, судя по фактам, для многих людей он ближе к истине»³.

А. Маслоу выражал заботу о том, чтобы организация деятельности, труда на производстве строилась так, чтобы быть благоприятной, а не губительной для человеческой природы. Такие порядки должны способствовать развитию позитивной стороны человеческой природы. Он писал о том, что существуют книги и статьи, с позитивных позиций рассматривающие супружество, любовь и секс. Все они направлены к некоторому идеалу, указывающему человеку направление, в котором должно идти человечество.

1 Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы: пер. с англ.: 2-е изд., испр. М., 2011. С. 12–13.

2 Там же. С. 199.

3 Там же.

При этом А. Маслоу походя отмечал: «Конечно же, основная масса общества все еще играет роль балласта»¹.

Одним словом, основатель и лидер гуманистической психологии, пытающийся открыть новые перспективы психологического понимания человека, действовал с открытым призывом к человеку с тем, чтобы он возматер над самим собой. Гуманистически ориентированный человек и психолог зывал к специалистам: «Все это происходит и в сфере образования. Мне кажется, что, если бы мы собрались и объединили весь свой опыт, позитивный или негативный, вместе мы смогли бы содрать шкуру с чертовой системы образования»².

А. Маслоу оптимистично полагал: «Отчасти мы можем добиться успеха потому, что США – самая богатая страна в мире...». И далее: «Когда же вы настроены пессимистически, *остальная часть общества, конечно же, представляется мертвым грузом. Она традиционна, консервативна, старорежимна.* <...> Но я считаю, что справедливо говорить о том, что это не просто тихая заводь. Возможно, это точка роста человечества» (курсив мой, В.М.)³.

Наконец А. Маслоу завершал обсуждение проблемы «Растущей верхушки». Он писал об определенном виде трансценденции*, интересности в теоретическом плане: «это трансценденция человеческих пределов, несовершенств, недостатков, человеческой ограниченности. Такая трансценденция достигается в форме переживания совершенства...»⁴. При этом человек может *быть* чем-то священным, окончательным, Богом, совершенством, сущностью, воплощать в себе Бытие (а не только становление). «Это можно выразить как трансценденцию обычной, повседневной человечности в пользу чрезвычайной человечности или, можно сказать, *метачеловечности*» (курсив мой, В.М.)⁵.

Испытываю непреодолимое побуждение обсудить суждения безусловного основателя и лидера гуманистической психологии – Абрахама Маслоу.

Сама идея о «растущей верхушке» (точка роста) пленила меня чрезвычайно. Эта идея независимо от А. Маслоу и его в некотором роде предшественника – Лююиса Термена оказалась для меня по своей сущности близкой. Я испытала чувство глубокого удовлетворения тем, что я для себя уже давно поделила человечество на три уровня (или степени) развития в контексте достижений в сфере высших психических функций, в том числе в контексте развития личностных качеств человека. Об этом я в свое время намереваюсь специально говорить.

1 Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы: пер. с англ.: 2-е изд., испр. М., 2011. С. 265.

2 Там же.

3 Там же. С. 266.

* Трансцендентный [лат. transcendens (transcendentis) выходящий за пределы]

1. В идеалистической философии – недоступный познанию, находящийся за пределами опыта, лежащий по ту сторону опыта.

4 Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы: пер. с англ.: 2-е изд., испр. М., 2011. С. 310.

5 Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы: пер. с англ.: 2-е изд., испр. М., 2011. С. 310.

Мысль А. Маслоу о том, что «основная масса общества все еще играет роль балласта», я отторгаю категорически. Эту свою позицию я обязательно тоже буду обсуждать. Пока скажу: в человеческом обществе все степени энергетичности человека имеют свои приспособительные основания, все появившиеся на свет человеки имеют право на жизнь и право на радость от жизни.

Меня напрягло желание психолога исследовать «возможность отобранных “хороших экземпляров” (или “экземпляров высшего качества”); из числа учащихся, психологически здоровых и психологически наилучших» отбирали 2 % выборки наиболее здоровых в психическом отношении, 2 % – наименее здоровых и 2 % – «средних». При этом слова «наиболее здоровые в психологическом отношении» – уничижительные оценки. Человеку дано ли право судить о здоровье в психологическом отношении?

Идея А. Маслоу о возможности отбирать «экземпляры высшего качества» не сопрягается ли с *евгеникой* [гр. *eugenēs* породистый] – учение о следственном здоровье человека, о возможных методах влияния на эволюцию человечества для совершенствования его природы, о законах наследования одаренности и ограничении передачи наследственных болезней будущим поколениям. Однако с помощью евгеники не раз реакционеры и расисты пытались биологически обосновать господство эксплуататорских классов, расовое и национальное неравенство. Вспомним о *геноциде* [гр. *genos* род + лат. *caedere* убивать, букв. «уничтожение рода, племена»] – истребление отдельных групп населения по расовым, национальным или религиозным мотивам.

Геноцид органически связан с *фашизмом* и *расизмом*.

В свой философский словарь Б.Е. Варшава (1900–1927) и Л.С. Выготский ввели понятие *евгеника* (вышел в свет в 1931 г.). Основоположник евгеники – учения о психофизиологическом совершенствовании человеческого рода путем изучения законов наследования болезней, одаренности и т. п., процессов вырождения и улучшения человеческой породы – английский психолог, антрополог, этнограф Фрэнсис Гальтон (1822–1911). «Целью евгеники является научное овладение этими процессами и сознательное, планомерное регулирование биологической эволюции человека. Практическая евгеника сводится преимущественно к регулированию браков и деторождений; в некоторых Штатах Северной Америки узаконена стерилизация (обеспложивание) сумасшедших, идиотов, эпилептиков и т. п. При современном состоянии знания практическая евгеника и отдельные законодательные мероприятия в этой области не могут быть научно оправданы»¹.

Даже если исследование организовано так, что все результаты обследования установлены точно доподлинно, есть один сущностно значимый момент – это вероятность позитивного движения к акме в отношении развития высших психических функций, а также личностных качеств (самостоятельность и внутренняя позиция каждого человека) и качества энергетической наполненности в плане физиологии, психики и духовности.

1 Варшава Б.Е., Выготский Л.С. Психологический словарь. СПб., 2008. – (Первые философские словари).

Понятие «метачеловечность», которое использовал А. Маслоу, ничего не прибавляет к понятию человечность или человечество. Мета... [*гр. meta* после, за, через] – первая составная часть сложных слов, обозначающая: 1. следование за чем-либо, переход к чему-либо другому, перемену состояния, превращение; 2. в современной логической терминологии используется для обозначения таких систем, которые служат, в свою очередь, для исследования или описания других систем.

Так что понятие метачеловечность по сути своей квазипонятие.

Что касается уровня интеллектуальной активности, уровней энергетической наполненности тела, психики и духовности, то я позволила себе выделить три уровня: *высокий (одухотворенный, энергетически наполненный); средний (обыденный); низкий (пассивный).*

Высокий и средний – уровни произвольной активности, когда человек помимо эмоционального и интеллектуального включения, прилагает специальные волевые усилия и использует самоконтроль для успешного решения проблемных ситуаций в учебной, трудовой и творческой деятельности. Человек ориентируется на свою внутреннюю позицию к себе, к жизни, к человеческому роду, к духовным ценностям и к личному духовному производству идей, продуктов любого творчества с мало осознаваемой целью пополнить и расширить сферы образно-знаковых реалий. Человек подспудно испытывает готовность развивать рефлексивные способности, объективно оценивать собственные достижения. Естественным образом, исходя из внутренней позиции, проявлять в проблемных для себя ситуациях *надситуативную активность* ^{1*}. Благодарю тонкого, пронизательного психолога М.Г. Ярошевского за это значимое понятие для науки и для индивидуального восхождения самого человека к самому себе.

6. Юные – из семьи и без попечения родителей

Счастливая ли пора юности у лишенных родительского попечительства?
Что еще может стать катастрофой для юного человека?

В. Мухина

Юность – переход от отрочества к молодости. Границы юности реально зависят от состояния общественного сознания в социально-психологическом, идеологическом и ежедневно протекающем плане обыденной жизни подростков каждого конкретного поколения. В то же время в юности начинает упорно развиваться внутренняя позиция, когда юноши и девушки начинают целенаправленно размышлять о себе как об уникальной личности, ответственной за

* М.Г. Ярошевский писал о предвосхищении «результата трудового действия в виде психофизиологической преднастройки организма», о «психофизиологической преднастройке организма», о «способности построения проектов действительности, то есть выхода ответной реакции на “надситуативный” уровень». (См.: *Ярошевский М.Г. История психологии: 3-е изд., перераб. М., 1985. С. 469.*)

свое индивидуальное бытие в своем времени, в своем Отечестве и в Целом Мире Человечества. Одновременно с этим период юности определяется эволюционно продолжающимися призывами телесного, душевного и духовного возмужания: общего физического и отдельно – сексуального развития, когда естественно развивается *половая доминанта отношения*, которая проявляется дальнейшим нарастанием в юности уровня половых гормонов; именно половые гормоны содействуют уровню устойчивости этой доминанты.

Именно действие половых гормонов на центральную нервную систему проявляется в том, что доминанта отношения с особой силой притягивает и удерживает в себе информацию, относящуюся к другому полу. Эта доминанта определяет озабоченность и интерес к противоположному полу. Гормоны пробуждают половое влечение, интерес, тяга к другому полу возрастает. В юности юноши и девушки проявляют готовность полюбить представителя другого пола с возжаемой готовностью пережить чувство любви, любить желанного представителя противоположного пола.

Однако, типичной для юности позицией может стать острое желание уйти, убежать от давления незнакомого прежде побуждения. Так называемая половая доминанта порой угнетает юных. И они в смятении готовы освободиться от этих новых, смущающих их переживаний. Подобные чувства и стремления юных также вполне типичны для их возраста.

В отечественной психологии юность принято рассматривать как самостоятельный этап онтогенеза: *в развитии личности со стороны высших психических функций и в отношении внутренней позиции личности, как индивидуального бытия развития общественных отношений.* Духовное развитие в юности проявляется в вырастании и движении к акме, к вершине личности. Прорастание к духовной личности в юношеском возрасте происходит «снизу» – из опыта предшествующего этапа онтогенеза, и «сверху» – из сфер реалий Великого идеополя общественного самосознания.

Мы – люди-человеки и, безусловно, что мы находимся под влиянием исторически сложившихся сфер реалий Великого идеополя общественного самосознания. *Это поле, пульсируя, как всякое живое образование – результат вложений в философию, науку, вообще в сферы культуры, предоставляет жаждущим возможность осваивать идеи, которые подчас уже не принадлежат персоналиям, но принадлежат человечеству в целом, прорастая при этом в сферах философии, наук, искусства и др.* «В сферах Великого идеополя общественного самосознания есть идеи, которые со времени их порождения и по сей день имеют неразделимую привязанность к Автору*, однако в масштабах Большого времени истории это все-таки отдельные случаи. *Великое идеополе – феномен глобальной культуры*»¹.

В юности энергетически наполненный человек обращен прежде всего к счастью реализации потребности в познании. Доминантное включение во

* Например, Платон размышлял о человеке разумном (Homo sapiens) и о человеке неразумном (Homo insipiens).

2 Мухина В.С. Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты): 7-е изд., исправленное и дополненное. М., 2020. С. 951.

всепоглощающее устремление в познании богатства всех сфер Великого идеополя общественного самосознания. Обладание некой частью богатства из сфер Великого идеополя побуждает юное поколение к творческому постижению бесценных идей, знаний и отдельных откровений гениальных мыслителей.

Философ Александр Львович Доброхотов (р. 1950) презентовал «Дух: 1. как высшую способность человека, позволяющую ему стать источником смыслополагания, личностного самоопределения, осмысленного преобразования действительности; открывающую возможность дополнить природную основу индивидуально-го и общественного бытия миром моральных, культурных и религиозных ценностей; играющую роль руководящего и сосредоточивающего принципа для других способностей души; 2. Идеальная, правящая миром сила, к которой человек может быть активно и пассивно причастен.

Понятие «дух» в отличие от «разума» (и тем более рассудка) не столь жестко связано с рационально-познавательными способностями; в отличие от «интеллекта» соотносится, как правило, со своим персонифицированным носителем, с «лицом»; в отличие от «души» акцентирует объективную значимость своего содержания и его относительную независимость от стихии эмоциональных переживаний...»¹.

Считаю правомерным ввести здесь понятие «Духовное производство» – «деятельность, обеспечивающая формирование сознания, важнейшее условие человеческого общения и взаимодействия между индивидами»². Признание активной роли сознания человека необходимо расширить до признания производства самого сознания. Благодаря этому индивиды интегрируются в социальную систему и получают возможность осуществлять совместную деятельность.

Термин «духовное производство» ввел в своем курсе лекции по политической экономии русский экономист и историк Андрей (Анри) Шторх (1766–1835). Курс был прочитан великому князю, будущему императору Николаю I в 1815 г. и издан в Париже в 1823 г.

А. Шторх выделил сферу духовного производства как особое подразделение общественного производства³. Труд А. Шторха был впервые полностью переведен на русский язык лишь в 2008 г.

Все вышесказанное – о духе, духовности, о философском и психологическом постижении, о тяге юности к духовному восхождению. Многие и многие юные состоят прежде всего из духа и души. Все относимое к душе человека, все умственные и нравственные силы, ум и воля невероятно непостижимым образом поднимают эту часть чистых и юных над прочими другими и над ними

1 Доброхотов А.Л. Дух // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. Т. 1. А – Д. М., 2010. С. 706.

2 Там же. С. 708.

3 Шторх А. Курс политической экономии или изложение начал, обуславливающих народное благоденствие. М., 2008.

самими к непостижимым высотам духа из их подчас обыденной реальности – порой ужасно примитивной, серой, отчужденной и отнюдь недоброжелательной и агрессивной. Многие из числа этих юных – спонтанные и счастливые духовборцы – не те, кто отвергает божественность Святого Духа, а те, кто сознательно или спонтанно борются за свое духовное развитие и восхождение духа к идеальным высотам.

При этом духовно ориентированные юноши и девушки наполнены позитивной энергией и неиссякаемой готовностью к познанию и духовному росту. Они явно выходят из состояний амбивалентного отрочества и укрепляются новыми силами, которые черпают из растущего потенциала физического, умственного, нравственного и неизменно – духовного развития и восхождения.

Эта часть юных – плеяда, олицетворяющая потенциал восхождения человечества в ближайшем настоящем и ближайшем будущем.

Обратимся к откровениям юношей и девушек.

Первый – из полной семьи – *Иосиф Бродский* (24.05.1940–28.01.1996), талантливый поэт – будущий лауреат Нобелевской премии; вторая – из полной семьи – *Мария Башкирцева* (11.11.1860–31.10.1884), родилась в усадьбе Гавронцы в 1860 г. Умерла в Париже в 1884 г. Третий – *Алеша Ведъгунов, позже Алеша Мухин*, родился 17.07.1997 г. В два месяца от роду был помещен в дом малютки, когда его отец – убийца и наркоман – убил его мать, которая тоже пила, даже когда кормила ребенка грудью; четвертый – *Рубен Давид Гонсалес Гальего*, родился 20.09.1968 г., с младенческих лет воспитывался в интернатах для инвалидов.

История первая. *Иосиф Бродский в юности.* (По материалам интервью Соломона Моисеевича Волкова с русским поэтом Иосифом Бродским ¹.)

Иосиф Бродский начал работать в геологических экспедициях, чтобы осуществить свою мечту о путешествиях по свету. Он совершенно не представлял себе, как эту мечту осуществить. Но потом он начал работать в геологических экспедициях. В ту пору Иосифу было 18 лет.

«Волков: Как вы туда попали?

Бродский: А очень просто. Я мечтал путешествовать по свету – ха-ха-ха, прошу прощения, да? Но я совершенно не представлял, как эту мечту осуществить. И вот кто-то – не помню уж кто, может быть, даже знакомый родителей – сказал, что существуют такие геологические экспедиции. Я страшно завелся на это дело и узнал, что каждое лето в поле отправляются геологические партии. И что там просто нужны руки. Это у меня было. И ноги. И спина, как потом выяснилось. Это тоже у меня было. Я нашел Пятое геологическое управление и предложил свои незатейливые услуги. И они меня взяли.

Волков: А здесь пятый пункт не имел значения?

Бродский: О нет! Геология была как та курица – брала под свое крыло кого хочешь, кто туда заберется. Геология стала кормящей матерью для многих!

1 Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М., 2000.

Волков: Куда же вы отправились?

Бродский: Тут вышла небольшая накладка. Я думал, мы поедем на Камчатку. И от этого, конечно, обалдел – как сейчас помню. Но вышло ровно наоборот: вместо Камчатки мы отправились на Белое море.

Волков: Вот, значит, когда вы в первый раз увидели Север! И какое он тогда произвел впечатление?

Бродский: Замечательное. Это замечательные были места. То есть ничего хорошего в них не было. Это к северу от Обозерска – полутайга-полутундра. Чудовищное количество комаров! То есть все, что со мной приключилось в дальнейших геологических экспедициях – по Сибири, Якутии, Дальнему Востоку, – это детский сад по сравнению с теми комарами. Хуже никогда не было. Так что это была такая замечательная закалка, да?

Волков: А что там была за публика, в этих геологических экспедициях?

Бродский: Ну, публика – с бору по сосенке. Главным образом бичи*. Знаете, кто такие бичи?

Волков: Бродяги. Те, кто здесь, в Америке, называются “хобос”.

Бродский: В общем, да. Но все-таки “хобос” – куда более смирное племя, нежели бичи. Бичи – это люди со сроками, с ножами.

Волков: А чем вы там занимались?

Бродский: В то время создавалась геологическая карта Советского Союза в миллионном масштабе. Вот и мы делали карту пород, залегающих в этой местности, на Севере. Это была карта четвертичного залегания, то есть слоев грунта, недалеко уходящих в глубину: глина и так далее. Шурфы бьются на метр-полтора. В день мы нахаживали пешком по тридцать километров, забивали по четыре шурфа. Или, поскольку это было в тундре, в болотах, делали прокол. Просто брали шест, забивали и что-то вытаскивали, чего там было. Там, как правило, ничего не было.

Волков: А что хотелось найти?

Бродский: Хотелось найти уран, естественно. Чтобы потом... Ну понятно, зачем нам уран был нужен. Никаких сомнений на этот счет быть не могло. И между прочим, однажды, на Дальнем Востоке, я даже нашел месторождение урана – небольшое, но нашел»¹.

Соломон Волков был внимательным, вдумчивым собеседником.

«Волков: А сколько лет вы ходили в экспедиции?

* Бич – 1. Моряк, списанный с корабля. 2. Бродяга, бомж (аббр. от «без определенного места жительства (и занятий)») // Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. М., 1992.

1 Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М., 2000. С. 26–28.

Бродский: Лет пять или шесть. Началось это году в 1956 или 1957, то есть когда мне было лет шестнадцать-семнадцать. А кончилось примерно в 1962 году...»^{*1}. <...>

«*Волков:* Должен вам сказать, Иосиф, что для начинающего поэта жизненный опыт у вас был даже для России весьма разнообразным.

Бродский: В плане использования его в художественной литературе? “Мои университеты” Алексея Максимовича Горького? Между прочим, недавно кто-то высказал довольно остроумную догадку, почему Горький так назвал свой знаменитый роман – “Мать”: сначала-то он хотел назвать его “Е*^{**} твою мать!”, а уж потом сократил... Но если говорить серьезно, то это мои университеты. И во многих отношениях – довольно замечательное время. Конечно, его можно было использовать и каким-то иным образом, но...

Волков: Мне кажется, ничто другое не могло бы восполнить такой опыт.

Бродский: На самом деле это не так. Потому что это тот возраст, когда все вбирается и абсорбируется с большой жадностью и с большой интенсивностью. И абсолютно на все, что с тобой происходит, зришь с невероятным интересом, как будто это происходит в первый раз.

Волков: В этом возрасте все и происходит в первый раз!

Бродский: И да и нет. Об этом говорить довольно интересно. Потому что я и теперь считаю, что не всякий опыт полезен и занимателен. Например, проработаешь где-нибудь неделю – и все уже знаешь. Вообще-то в жизни нет ничего плохого, единственно, что в ней плохо, – это предсказуемость, по-моему.

Волков: Значит, для вас предсказуемость – это не добро, а скорее зло?

Бродский: Да. И когда я в какой-либо жизненной ситуации начинал чувствовать эту предсказуемость, то всегда от нее уходил. Так что пословица “Повторение – мать учения” не для меня. Если только это не то повторение, о котором говорил, по-моему, Лихтенберг^{***}. Его мысль звучала приблизительно так: “Одно дело, когда веришь в Бога, а другое дело – когда веришь в Него опять”. То есть когда приходишь к Богу после опыта неверия, то это совсем другая история, другая вера. Об этом, кстати, говорил и Кьеркегор^{****}: простите меня, Соломон, за все эти иностранные имена. При всем при этом – повторение, конечно, может быть замечательной вещью. И ты в конце концов привыкаешь к какой-то предсказуемости.

Волков: Вы как-то раз говорили мне, что предсказуемость – это одно из главных условий поэтического творчества...

Бродский: Конечно. Все эти повторения, рефрены...

Волков: Нет, речь шла не о поэтике, но о психологическом ощущении. Вы тогда говорили, что поэт – для того, чтобы иметь возможность писать, – должен существовать в некоем инерционном поле.

Бродский: Ну конечно. Должно возникать экзистенциальное эхо. Тот самый принцип метафизической музыки, о котором мы уже говорили. Конечно, в предсказуемости есть

* Иосифу Бродскому тогда было в 16–17 лет, когда он начал трудиться экспедициях. Закончил он эту деятельность где-то в 22 года.

1 Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М., 2000. С. 29.

** Е*ака, общ. 1. Человек, совершающий половое сношение. 2. Сексуально активный человек // Русское сквернословие. Краткий, но выразительный словарь. М., 2008. С. 72

*** Лихтенберг, Георг Кристоф (1742–1799) – немецкий ученый, философ и публицист.

**** Кьеркегор, Киркегор Сёрен (1813–1855), датский философ, протестантский теолог и писатель.

определенный плюс. Но лично я всегда норовил смыться, чтобы не превратиться в жертву инерции.

Волков: Ну не так уж много в вашей жизни предсказуемых ситуаций, скорее наоборот. Да и время было такое, с постоянными политическими всплесками и зигзагами. Особенно при Сталине, когда над средним интеллигентом нависала то одна, то другая смертельная угроза. Вы помните, скажем, как в вашей семье обсуждали “ждановское” постановление ЦК о Зощенко и Ахматовой?

Бродский: Нет, это прошло мимо меня – ну, шесть лет мне тогда было! Из тех лет у меня сохранилось другое яркое воспоминание – мой первый белый хлеб, первая французская булочка, которую я укусил. Война недавно кончилась. Мы были у маминой сестры, у тетки моей – Раисы Моисеевны. И где-то они раздобыли эту самую булочку. И я стоял на стуле и ел ее, а они все смотрели на меня. Вот это я запомнил¹.

«Волков: ... я хочу спросить у вас вот о чем: как вы восприняли антисемитскую кампанию начала пятидесятых годов, то есть дело “врачей-убийц”?

Бродский: А вот эту историю я помню довольно отчетливо. Помню, как я пришел из школы домой. И мать с отцом, хотя должны были быть в это время на работе, уже сидели в комнате. И они на меня так странно посмотрели. И кто-то из них – то ли отец, то ли мать – сказал, что скоро им, вероятно, придется отправиться в далекое путешествие. И в связи с этим надо будет продать пианино и прочую мебель. Я спрашиваю – что за путешествие такое? И отец мне попытался как-то на пальцах все это объяснить.

Волков: Я моложе вас на четыре года, но тоже помню эти дни. Атмосфера была какой-то нереальной, как в дурном сне.

Бродский: Отец рассказал мне тогда об открытом письме в газету “Правда”, которое подписали все выдающиеся евреи – они там каялись и выражали всяческие верноподданнические чувства.

Волков: С этим знаменитым письмом что-то неясно. Я тоже о нем много слышал. Но ведь оно так и не появилось тогда в “Правде”. И пока точно неизвестно, кто же именно из еврейских знаменитостей его подписал, а кто – все-таки отказался. О письме я тогда, в 1953 году, не знал, но помню, что в обстановке общей антиеврейской истерии чувствовал себя крайне неуютно. Грубо говоря, я испугался. А что вы испытывали? Тоже страх?

Бродский: Вы знаете – страха не было, нет. Не было. Но и воодушевления, надо сказать, не было. Ясно, что родителям сложившаяся ситуация не очень нравилась. И я их жалел: придется выносить мебель, возиться. Я просто думал о мороке².

Рефлексии двух одаренных людей на свою юность и на события в истории своей страны – бесценный и поучительный материал, имеющий не только личностно значимое, но и историческое значение.

Иосиф Бродский, 20 лет.
Дома, на ул. Пестеля, 24. 1960

1 Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М., 2000. С. 29–30.
2 Там же. С. 30–31.

История вторая. Мария Башкирцева в юности (11.11.1860 – 31.10.1884)¹.

1877 (Марии будет 17 лет)

«Ницца. Среда, 17 января. Когда же я узнаю, наконец, что такое эта любовь, о которой так много говорят?

Я бы любила А., но я его презираю. Ребенком я любила до экзальтации герцога Г. Я любила его за богатство, знатность, за его эксцентричность и благодаря моему воображению, не знавшему границ.

Рим. Четверг, 8 февраля. Я заснула в Винтимиле, проснулась только в Риме, как физически, так и нравственно... Целый день в Риме!...

В Риме я люблю только то, что сохранилось от древних времен.

Неаполь. Понедельник, 26 февраля. В Неаполе красиво только то, что ново. Я продолжаю мои экскурсии...².

Юная Мария
Башкирцева

Суббота, 3 марта. Сегодня вечером я отправилась в церковь, которая находится в самом здании гостиницы. Есть бесконечная прелесть в любовных размышлениях внутри церкви. Вы видите священника, образа, сияние свечей, мерцающих во мраке, и я вспомнила Рим! Божественный восторг, небесное благоухание, восхитительные порывы! Как писать? Чувство, овладевшее мною, можно выразить разве только пением.

Колонны собора св. Петра, его мраморы, мозаики, таинственная глубина храма, великолепие и величие искусства, древность, средние века, великие люди, памятники, – тут соединено все...

Суббота, 31 марта. К чему жаловаться? Мои слезы ничему не помогут, и я осуждена на то, чтобы быть несчастной. Еще это, а потом слава художника... А если... мне не удастся! Будьте спокойны, я не стану жить для того, чтобы плесневеть где-нибудь в семейных добродетелях.

Я не хочу говорить о любви, потому что я употребляла это слово из-за пустяков. Я не хочу призывать Бога, я хочу умереть.

Господи Иисусе Христе, дай мне умереть! Я мало жила, но испытала много: все было против меня. Я хочу умереть, все во мне также бессвязно и противоречиво, как мое писание, и я ненавижу себя, как всякое ничтожество. <...>³.

1878 (Марии 18 лет)

«Пятница, 4 января. Как странно, что прежнее создание так славно уснуло! Ничего почти от него не осталось, только воспоминание, мелькающее время от времени и пробуждающее прошедшие горести; но через минуту я уже думаю о... о чем? Об искусстве?.. Просто смех!

Так это окончательно? Я так долго и так страшно искала этого выхода, этой возможности существовать, не проклиная целыми днями себя и все мироздание, что едва верю тому, что нашла эту возможность. <...>

1 Башкирцева М.К. Дневник Марии Башкирцевой: Избранные страницы. М., 1991. (Тираж 100.000 экз.!)
2 Там же. С. 155.

3 Там же. С. 156–157.

Воскресенье, 6 января. <...> Мы переменили помещение; теперь мы на Avenue d'Alma*, 67. Из моих окон видны экипажи, проезжающие с Champs Elysées. У меня отдельная гостиная – мастерская.

Понедельник, 7 января. Верить или не верить в будущность художницы? Два года – еще не смерть, а через два года можно опять начать праздное существование, театры, путешествия. Хочу быть знаменитой!..

И буду.

Суббота, 12 января. Валицкий умер сегодня в два часа ночи.

Вчера вечером, когда я зашла повидать его, он сказал мне, полушутливо, полугрустно: “Addio, signorina”**, – чтобы напомнить мне Италию.

Быть может, это в первый раз в жизни, что я проливала слезы, свободные от эгоизма и досады.

Есть что-то особенно раздирающее в смерти существа совершенно безобидного и доброго; точно добрая собака, никогда никому не делавшая зла...

Я не могу отдать себе отчета, мне кажется это невероятным; это так ужасно! <...>

В книгах иногда встречаешь таких людей... Да услышит он мои мысли; я надеюсь, что Бог позволяет ему чувствовать все, что о нем говорят и думают. Пусть-же услышит он меня оттуда, где теперь находится, и если ему было когда-нибудь за что на меня пожаловаться, пусть простит меня ради глубокого уважения, моей искренней дружбы и огорчения, идущего из самой глубины души!¹».

«Вторник, 12 февраля. Сегодня вечером у итальянцев давали “Травиату”: Альбани, Капуль и Пандольфини. Крупные артисты; но мне не понравилось. Однако в последнем акте я уже не чувствовала желания умереть, но я говорила себе, что мне предстоят страдания и смерть именно тогда, когда все могло бы уладиться.

Это предсказание, которое я сама себе делаю. Я была одета à la bébé***, что очень красиво на тонких и стройных фигурах: белые банты на плечах, шее и открытых руках делали меня похожей на инфанту Веласкеса...

Умереть?.. Это было бы дико, и однако мне кажется, что я должна умереть. Я не могу жить: я ненормально создана; во мне – бездна, лишнего и слишком многого недостает; такой характер не может быть долговечным. Если бы я была богиней, и вся вселенная была бы к моим услугам, я находила бы, что мои владения дурно устроены... Нельзя быть более причудливым, более требовательным, более нетерпеливым; а иногда или может быть даже всегда во мне есть известная доза благоразумия, спокойствия: но я сама не вполне, понимаю себя, я только говорю вам, что жизнь моя не может быть продолжительна»².

«Суббота, 13 октября. Про мою работу было сказано, что “это очень хорошо, очень хорошо, очень хорошо”.

– О, вы прекрасно одарены, и если только вы будете работать, вы добьетесь всего, чего захотите.

* Одна из самых аристократических улиц в Париже.

** До свидания, синьорина (итал.).

1 Башкирцева М.К. Дневник Марии Башкирцевой: Избранные страницы. М., 1991. С. 178–179.

*** Как дитя (фр.).

2 Башкирцева М.К. Дневник Марии Башкирцевой: Избранные страницы. М., 1991. С. 179–180.

Я избалована похвалами (я говорю – избалована – только для формы), а доказательство того, что Робер-Флери* не лжет, это то, что мне со всех сторон завидуют. И как это ни глупо, но мне это больно»¹.

«1879 (Марии 19 лет).

Четверг, 2 января. Чего мне страстно хочется, так это возможности свободно гулять одной, уходить, приходить, садиться на скамейки в Тюльери и особенно в Люксембургском саду, останавливаться у художественных витрин, входить в церкви, музеи, по вечерам гулять по старинным улицам; вот чего мне страстно хочется, вот свобода, без которой нельзя сделаться художницей. Думаете вы, что всем этим можно наслаждаться, когда вас сопровождают или, когда отправляясь в Лувр, надо ждать карету, компаньонку или всю семью?»².

«Понедельник, (ночь с 12 на 13 января. Новый год в России). Ну-с, по обыкновению, веселюсь до сумасшествия... Все воскресенье в театре. Утро в Gaîté**, довольно скучное, а вечер в Opéra-Comique***. Ночь провела в мытье, писании, чтении, лежала на полу, пила чай»³.

«1880 (Марии будет 20 лет).

Четверг, 1 января. Утром была в мастерской, чтобы, начав работать с первого дня Нового года, продолжать работать весь год. Потом поехали делать визиты и были в Булонском лесу.

Понедельник, 5 января. Ну! Дело плохо!

Я снова принимаюсь за работу; но так как я не открыто прервала ее, то чувствую вялость и небывалое бессилие. А выставка в Салоне приближается! Говорила обо всем этом с великим Жулианом, и мы оба, особенно он, согласны в том, что я не готова.

Итак, я работаю два года и четыре месяца, не вычитая ни потерянного времени, ни путешествия; это мало, но это и страшно много. Я недостаточно работала, я теряла время, я отдыхала, я... одним словом, я не готова. “Булавочные уколы сводят вас с ума, но сильный удар дубины вы можете перенести”. Это правда»⁴.

«Вторник, 10 февраля. Имела длинное совещание с отцом Жулианом по поводу Салона; я представила два проекта, которые он находит хорошими. Я нарисую оба, это возьмет три дня, и тогда мы выберем. Я недостаточно сильна, чтобы блестяще выполнить портрет мужчины, сюжет неблагоприятный; но я в состоянии выполнить лицо (разумеется, в натуральную величину) и нагое тело, что, как говорит Жулиан, кажется мне заманчивым, как всем, чувствующим свою силу. Этот человек забавляет меня; он построил на моей голове целую будущность; он заставит меня сделать и то, и это, если я буду умницей, а после нашего последнего разговора я умница. На будущий год это будет портрет какого-нибудь знаменитого человека и картина. “Я хочу, чтобы вы сразу выдвинулись из ряда”. <...>

* Робер-Флери Тони (Антуан) (1837–1911) – французский художник.

1 Башкирцева М.К. Дневник Марии Башкирцевой: Избранные страницы. М., 1991. С. 196.

2 Там же. С. 202.

** Один из парижских театров.

*** «Комическая опера», музыкальный театр.

3 Башкирцева М.К. Дневник Марии Башкирцевой: Избранные страницы. М., 1991. С. 203.

4 Там же. С. 218.

Среда, 3 марта. Теперь мне не следует выезжать по вечерам, чтобы бодро вставать и работать с восьми часов утра.

Мне остается только шестнадцать дней.

Четверг, 25 марта. Делаю последние штрихи на своей картине, но работать больше не могу, так как в ней или больше нечего делать, или же надо все переделать. Кончена картина, сделанная черт знает как. Вышиною моя картина 1 метр 70 сант. вместе с рамой»¹.

«*Пятница, 23 июля.* Кто возвратит мне мою молодость, растраченную, разбитую, потерянную? Мне еще нет двадцати лет, а между тем недавно я нашла у себя три седых волоса; я горжусь ими, это видимое доказательство, что я не преувеличиваю. Если бы не мое детское лицо, я казалась бы старухой. Разве в мои года это естественно? <...>

Суббота, 31 июля. Вчера начала мою картину. Это очень простая вещь по обстановке. Двое детей сидят под прекрасными деревьями, стволы которых поросли мхом;верху картины есть просвет, и через него видна светло-зеленая местность. Мальчик, лет десяти, сидит en face* с учебною книгою в левой руке, глаза устремлены в пространство. Девочка, лет шести, одной рукой тянет его за плечо, а в другой держит грушу. Ее головка в профиль и видно, что она зовет его. Дети видны только до колен, так как все сделано в натуральную величину. <...>

Париж. Воскресенье 22 августа. 8 часов. Каким красивым и удобным кажется мне мой рабочий кабинет!...

Два часа пополудни. Утешаюсь мыслью, что мои огорчения по своим размерам равняются огорчениям всех других художников: ведь мне же не приходится выносить бедность и тиранию родителей, а на это всегда ведь жалуются художники. Выйти из моего положения я могу не талантом, а созданием чего-нибудь... гениального; но такие создания, и у гениев являются не через три года учения, особенно теперь, когда столько талантов»².

«Искреннее негодование делает человека красноречивым. Мужчина, негодующий ... выходит на трибуну и составляет себе известность...

И потом... мама всегда говорит о Боге: если Бог захочет, с Божьей помощью. Бога при- зывают так часто только для того, чтобы избавиться от разных мелких обязанностей.

Это не вера, даже не набожность: это какая-то мания, слабость, подлость ленивых, неспособных, беспечных! Что может быть грубее, как прикрывать все свои слабости именем Бога? Это грубо; это даже более, это преступно, если действительно веришь в Бога»³.

«*Вторник, 7 сентября.* Дождь... передо мною проходят все самые неприятные случаи моей жизни...

Для того, чтобы мне стало лучше, надо было бы переменить все что меня окружает... Мои домашние мне неприятны; я заранее знаю, что скажет мама или тетя, что они сделают при тех или других обстоятельствах, как они будут держать себя в гостинной, на прогулке, на водах, и все это меня ужасно раздражает... точно режут стекло.

Надо было бы изменить всех окружающих и потом, успокоившись, я бы стала их любить, как должно. Между тем они допускают, чтобы я погибала от скуки, а если я

1 Башкирцева М.К. Дневник Марии Башкирцевой: Избранные страницы. М., 1991. С. 219–220.

* Анфас, прямо (фр.)

2 Башкирцева М.К. Дневник Марии Башкирцевой: Избранные страницы. М., 1991. С. 227–228.

3 Там же. С. 228–229.

откажусь от какого-нибудь кушанья, сейчас испуганные лица... или пускаются на тысячи уловок, чтобы не подавать к обеду мороженого, так как это может повредить мне...

Вторник, 28 сентября. Хороший денек, начатый еще ночью. Мне снился "он". Я мечтала "о нем". Он был некрасивый и больной, но это ничего. Я понимаю теперь, что любят не за красоту. Мы болтали как друзья, как когда-то прежде; как будем болтать еще, если снова найдем друг друга! Я просила только об одном, чтобы наша дружба осталась в таких границах, чтобы она могла продолжаться...

Это же было моею мечтою и наяву. Никогда еще не была я так счастлива, как сегодня ночью. <...>

Воскресенье, 3 октября. Я в отчаянии.

Нет, ничего не поделаешь. Вот уже четыре года я лечусь у самых знаменитых докторов от воспаления гортани, и мне все хуже и хуже»¹.

«Воскресенье, 10 октября. Утро провела в Лувре и совсем подавлена впечатлением; до сих пор я не понимала так, как сегодня утром. Я смотрела и не видела. Это точно откровение. Прежде я смотрела, вежливо восхищалась, как огромное большинство людей. А если видишь и чувствуешь искусство так, как я, то значит обладаешь не совсем обыденной душой. Чувствовать, что это прекрасно, и понимать, почему это прекрасно, вот это большое счастье»².

«Вторник, 19 октября. Увы! все это кончится через несколько лет медленной и томительной смертью.

Я отчасти предчувствовала, что это так кончится. Нельзя жить с такой головой, как у меня, я похожа на слишком умных детей.

Для моего счастья надо было слишком много, а обстоятельства сложились так, что я лишена всего, кроме физического благосостояния.

Четверг, 24 октября. Показала Жулиану картину, написанную в Мон-Доре. Он, конечно, нагрубил мне, говоря в то же время, что некоторые современные художники нашли бы, что это очень хорошо, что это смесь Бастьена-Лепаж* и Бувенна**; что это, соединенное с несколько более усиленной работой, дало бы почти хорошую картину; в ней есть интересные вещи, но что я пишу, "как плач"»³.

1881 (Марии будет 21 год).

«Воскресенье, 13 февраля. Вот очень нежное письмо от мамы:

"27 января, Харьков.

Мой обожаемый ангел, дорогое дитя мое Муся, если бы ты знала, как я несчастна без тебя, как беспокоюсь за твое здоровье и как я хотела бы поскорее уехать!

Ты моя гордость, моя слава, мое счастье, моя радость!!! Если бы ты могла себе представить, как я страдаю без тебя! Твое письмо к т-те А. *** в моих руках: как влюбленный, я

1 Башкирцева М.К. Дневник Марии Башкирцевой: Избранные страницы. М., 1991. С. 229–231.

2 Там же. С. 232.

* Бастьен-Лепаж Жюль (1848–1884) – французский живописец-реалист.

** Бувенн Агло Эрнест (1829–1903) – французский художник-гравер.

3 Башкирцева М.К. Дневник Марии Башкирцевой: Избранные страницы. М., 1991. С. 234.

*** Неустановленное лицо. «Твое письмо к т-те А.» – вероятно, именно в этом конверте было переслано письмо Марии Башкирцевой матери.

все перечитываю его и орошаю слезами. Целую твои ручки и ножки и молю Бога, чтобы я имела возможность сделать это поскорее на самом деле»¹.

«Вторник, 5 апреля. Неожданность! Приехал мой отец. За мною прислали в мастерскую, и я застала его в столовой с мамой и Диной, и все в восторге от супружеского счастья»².

«Среда, 6 апреля. Отец задержал меня до девяти часов, настаивая на том, чтобы я не шла работать; но я спешу к моему торсу, который слишком занимает меня, я возвращаюсь только к обеду; потом все уехали в театр, и я осталась одна.

Отец совсем не понимает, что можно быть художником, и что этим можно прославиться. Минутами мне кажется, что он нарочно высказывает такие мысли.

Пятница, 6 мая. Я провела утро в салоне, где встретила Жулиана; он познакомил меня с Лефевром, который сказал мне, что в моей картине есть большие достоинства. Я еще очень маленькая девочка!

Дома все идут разговоры о предстоящих переменах. Они все меня раздражают! У моего отца иногда являются нелепые мысли; он сам не верит тому, что говорит, но упорствует...»³.

«Париж. Вторник, 26 июля. Наконец, я здесь! Здесь жизнь. Между прочим, я заехала в мастерскую. Меня приняли с восклицаниями и поцелуями. Так как я очень дорожу дружбой и содействием Жулиана, то я думала, что он встретит меня не ласково, и что таким образом оправдаются дурные предзнаменования, разбитое зеркало и т. д. Но нет, неприятность грозит не с этой стороны. Тони здоров. <...>

Четверг, 9 августа. Я терплю постоянную пытку. Краснеть перед своими, чувствовать, что они одолжают меня, стараясь говорить громче! В магазинах я дрожу каждую минуту: это еще куда ни шло, но все те хитрости, которые я употребляю с друзьями, чтобы скрыть свой недостаток! Нет, нет, нет, это слишком жестоко, слишком ужасно, слишком нестерпимо! Я не всегда слышу, что говорят мне натурщики, и дрожу от страха при мысли, что они заговорят; и разве от этого не страдает работа? Когда Розалия тут, то она мне помогает: когда я одна, у меня голова идет кругом и язык отказывается сказать: “говорите погромче, я плохо слышу!”. Боже мой,

Марии скоро 21 год

сжался надо мною! Если я перестану верить в Бога, лучше сейчас же умереть с отчаяния. На легкое перешло с горла, от горла происходит и то, что делается с ушами. Вылечите-ка это!

Боже мой, неужели нужно быть разлученной с остальным миром таким ужасным образом? И это я, я, я! Есть же люди, для которых это не было бы таким страданием, но...

О, какая это ужасная вещь!»⁴.

«Суббота, 5 ноября. Я в Париже! Восторг мой не имеет пределов. Я считала часы, скукая в вагоне. Свежий воздух и жгучее солнце...

1 Башкирцева М.К. Дневник Марии Башкирцевой: Избранные страницы. М., 1991. С. 237–238.

2 Там же. С. 240.

3 Там же.

4 Башкирцева М.К. Дневник Марии Башкирцевой: Избранные страницы. М., 1991. С. 244–245.

Жулиан думал, что я приеду гораздо позднее, больная, а может быть и совсем не приеду... <...>

Среда, 30 ноября. Вчера вечером был Жулиан. Он думает, что я очень больна, я это заметила по его напускной веселости. Сама же я в глубоком огорчении. Я ничего не делаю. А моя картина! Но особенно тяжело ничего не делать! Понимаете ли вы мое отчаяние? Быть праздной, пока другие работают, делают успехи, готовят свои картины!

Я думала, что Бог оставил мне живопись, и я заключилась в ней, как в священном убежище. И теперь она отнята у меня, и я только могу портить себе глаза слезами»¹.

(Продолжение следует)

1. Мухина В.С. Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты): 7-е изд., исправл. и доп. М., 2020.

2. Мухина В.С. Возрастная психология: Феноменология развития: 17-е изд. М., 2019.

3. Вольтер А.В.Ф. Философские повести. М., 1985.

4. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии: 2-е изд. М., 1976.

5. Клодель П. Философия книги // Человек читающий. Писатели XX в. о роли книги в жизни человека и общества. М., 1983.

6. Мухина В.С. Проективный метод депривации структурных звеньев самосознания в контексте межэтнических отношений // Развитие личности. 2002. № 2. С. 117 – 135.

7. Достоевский Ф.М. Подросток // Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 13. М., 1975.

8. Лихачев Д.С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. М., 1992.

9. Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Язык как образ мира. М., 2003. С. 127 – 138.

10. Витгенштейн Л. Философские исследования // Язык как образ мира. М., 2003. С. 220 – 546.

11. Мухина В.С. Инициации подростков во временных объединениях как условие личностного роста и стигматизации личности в подростковой среде // Развитие личности. 2000. № 3 – 4. С. 157–190.

12. Аксюткина О. Панк-вирус в России. М., 1999.

13. Tolkien J.R.R. The Monsters and the Critics and Essays, edited by Christopher Tolkien, George Allen. L., 1983.

14. The faces of fantasy / Phot. by P. Perret; Introd. by T. Windling. N.-Y., 1996.

15. Миры Филипа Фармера. Многоярусный мир: в 5 т. Т. 3. Гнев рыжего Орка. М., 1996. С. 213 – 414.

16. Джаннини Э.Дж. Послесловие к кн. «Миры Филипа Фармера». М., 1996.

17. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004.

1 Там же. С. 255–256.

18. Достоевский Ф.М. Письма // Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 28, кн. 1. Л., 1985.
19. Достоевский Ф.М. наброски и планы 1874–1879. Мечтатель // Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 17. Л., 1976.
20. Лондон Дж. Смирительная рубашка (Странник по звездам) // Собр. соч.: в 14 т. Т. 11. М., 1911.
21. Бахтин М.М. 1961 год. Заметки // Собр. соч.: в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М., 1996.
22. Общая сексопатология: руководство для врачей / под ред. Г.С. Васильченко. М., 1977.
23. Кон И.С. Социология личности. М., 1975.
24. Мечников И.И. Возраст вступления в брак // Сорок лет искания рационального мировоззрения. М., 1913. С. 49 – 98.
25. Толстой Л.Н. Детство. Отрочество. Юность. Л., 1966.
26. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М., 1990.
27. Лимонов Э. Подросток Савенко. СПб., 2002.
28. Башкирцева М.К. Дневник Марии Башкирцевой: Избранные страницы. М., 1991.
29. Маслоу А.Г. Мотивация и личность. СПб., 2001.
30. Мухина В.С. Феноменология энергетического потенциала в отрочестве // Возрастная психология: Феноменология развития: в 2-х т. Т. 1. М., 2021.
31. Оствальд В. Философия природы. СПб., 1903.
32. Сеченов И.М. Физиология нервной системы // Избранные произведения: в 2-х т. Т. 2. М., 1956.
33. Бехтерев В.М. Психика и жизнь. СПб., 1904.
34. Колесов Д.В. Биология и психология пола. М., 2000.
35. Васильченко Г.С. Мотивационные аспекты либидо // Общая сексология. Руководство для врачей / под ред. Г.С. Васильченко. М., 1977.
36. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
37. Прикладная юридическая психология: учеб. пособие для вузов / под ред. А.М. Столяренко. М., 2001.
38. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология. М., 1969.
39. Флейвелл Дж.Х. Генетическая психология Жана Пиаже. М., 1967.
40. Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Bd 1, Haag, 1950. P. 181.
41. Валери П. Господин Тест // Рождение Венеры: пер с фр. СПб., 2000.
42. Хармс Д. О явлениях и существованиях. М., 2004.
43. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3-х т. Т. 3. М., 1977.
44. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3-х т. Т. 1. М., 1974.
45. Толстой Л.Н. Дневники. 1847-1894 гг. // Собр. соч.: в 20 т. Т. 19. М., 1965.
46. Чуковский К.И. Дневник 1901 – 1929. М., 1991.
47. Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб., 2002.
48. Березонски М.Л. Формирование идентичности в подростковом и юношеском возрасте // Психологическая энциклопедия. 2-е изд. / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. СПб., 2003. С. 966 – 967.

49. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М., 1990.
50. Ясперс К. Общая психопатология. М., 1997.
51. Бердяев Н.А. Философия свободы. Харьков; М., 2002.
52. Кестлер А., Камю А. Размышляя о смертной казни. М., 2003.
53. Мухина В.С. Отчужденные: Абсолют отчуждения. М., 2009.
54. Хвостов А.А. Моральное сознание личности: структура, генезис, детерминанты. М., 2005.
55. Жане П. Психологическая эволюция личности. М., 2010.

REFERENCES

1. Mukhina V.S. *Lichnost': Mify i Real'nost' (Al'ternativnyj vzglyad. Sistemnyj podkhod. Innovacionnye aspekty)*: 7th ed., rev. and supp. Moscow, 2020.
2. Mukhina V.S. *Vozrastnaya psikhologiya: Fenomenologiya razvitiya*: 17th ed. Moscow, 2019.
3. Volter A.V.F. *Filosofskie povesti*. Moscow, 1985.
4. Rubinshtein S.L. *Problemy obshchej psikhologii*: 2nd ed. Moscow, 1976.
5. Claudel P. *Filosofiya knigi* In: *Chelovek chitayushchij. Pisateli XX v. o roli knigi v zhizni cheloveka i obshchestva*. Moscow, 1983.
6. Mukhina V.S. Proektivnyj metod deprivatsii strukturnykh zven'ev samosoznaniya v kontekste mezhetnicheskikh otnoshenij In: *Razvitie lichnosti=Development of personality*. 2002. № 2. S. 117 – 135.
7. Dostoevsky F.M. *Podrostok* In: *Comp. coll. of works*: in 30 v. V. 13. Moscow, 1975.
8. Likhachev D.S. *Cherty pervobytnogo primitivizma vorovskoj rechi* In: *Slovar' tyuremno-lagerno-blatnogo zhargona*. Moscow, 1992.
9. Sepir E. Status lingvistiki kak nauki In: *Yazyk kak obraz mira*. Moscow, 2003. Pp. 127 – 138.
10. Vitgenshtejn L. *Filosofskie issledovaniya* In: *Yazyk kak obraz mira*. Moscow, 2003. Pp. 220 – 546.
11. Mukhina V.S. Inicicii podrostkov vo vremennykh ob»edineniyakh kak uslo-vie lichnostnogo rosta i stigmatizacii lichnosti v podrostkovej srede In: *Razvitie lichnosti=Development of personality*. 2000. № 3 – 4. Pp. 157–190.
12. Aksyutkina O. *Pank-virus v Rossii*. Moscow, 1999.
13. Tolkien J.R.R. *The Monsters and the Critics and Essays*, edited by Christopher Tolkien, George Allen. Leningrad, 1983.
14. *The faces of fantasy* / Phot. by P. Perret; Introd. by T. Windling. N.-Y., 1996.
15. *Miry Filipa Farmera. Mnogoyarusnyj mir*: in 5 v. V. 3. Gnev ryzhego Orka. Moscow, 1996. S. 213 – 414.
16. Giannini E.G. *Posleslovie k kn. «Miry Filipa Farmera»*. Moscow, 1996.
17. Castels M. *Galaktika Internet: Razmyshleniya ob Internetе, biznese i obshchestve*. Ekaterinburg, 2004.
18. Dostoevsky F.M. *Pis'ma* In: *Comp. coll. of works*: in 30 v. V. 28, kn. 1. Leningrad, 1985.
19. Dostoevsky F.M. *Nabroski i plany 1874–1879. Mechattel'* In: *Comp. coll. of works*: in 30 v. V. 17. L., 1976.

20. London J. Smritel'naya rubashka (Strannik po zvezdam) In: *Coll. of works*: in 14 t. T. 11. Moscow, 1911.
21. Bakhtin M.M. 1961 god. Zametki In: *Coll. of works*: in 7 v. V. 5. Raboty 1940-kh – nachala 1960-kh godov. Moscow, 1996.
22. *Obshchaya seksopatologiya: rukovodstvo dlya vrachej*. Ed. G.S. Vasil'chenko. Moscow, 1977.
23. Kon I.S. *Sociologiya lichnosti*. Moscow, 1975.
24. Mechnikov I.I. Vozrast vstupleniya v brak In: *Sorok let iskanija racional'nogo mirovozzreniya*. Moscow, 1913. Pp. 49 – 98.
25. Tolstoj L.N. *Detstvo. Otrochestvo. Yunost'*. Leningrad, 1966.
26. Berdyaev N.A. *Samopoznanie (opyt filosofskoj avtobiografii)*. Moscow, 1990.
27. Limonov E. *Podrostok Savenko*. Saint-Petersburg, 2002.
28. Bashkirceva M.K. *Dnevnik Marii Bashkirtsevoj: Izbrannye stranitsy*. Moscow, 1991.
29. Maslou A.G. *Motivatsiya i lichnost'*. Saint-Petersburg, 2001.
30. Mukhina V.S. Fenomenologiya energeticheskogo potentsiala v otrochestve In: *Vozrastnaya psikhologiya: Fenomenologiya razvitiya*: in 2 v. V. 1. Moscow, 2021.
31. Ostvald V. *Filosofiya prirody*. Saint-Petersburg, 1903.
32. Sechenov I.M. Fiziologiya nervnoj sistemy In: *Izbrannye proizvedeniya*: in 2 v. V. 2. Moscow, 1956.
33. Bekhterev V.M. *Psikhika i zhizn'*. Saint-Petersburg, 1904.
34. Kolesov D.V. *Biologiya i psikhologiya pola*. Moscow, 2000.
35. Vasil'chenko G.S. Motivatsionnye aspekty libido In: *Obshchaya seksologiya. Rukovodstvo dlya vrachej*. Ed. G.S. Vasil'chenko. Moscow, 1977.
36. Erikson E. *Identichnost': yunost' i krizis*. Moscow, 1996.
37. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya: ucheb. posobie dlya vuzov*. Ed. A.M. Stolyarenko. Moscow, 2001.
38. Piajet J. *Izbrannye psikhologicheskie trudy. Psikhologiya intellekta. Genezis chisla u rebenka. Logika i psikhologiya*. Moscow, 1969.
39. Fleivell G.H. *Geneticheskaya psikhologiya Zhana Piajet*. Moscow, 1967.
40. Husserl Ed. *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie*. Bd 1, Haag, 1950. P. 181.
41. Valeri P. Gospodin Test In: *Rozhdenie Venery: per s fr*. SPb., 2000.
42. Harms G. *O yavleniyakh i sushchestvovaniyakh*. Moscow, 2004.
43. Hegel G.V.F. *Entsiklopediya filosofskikh nauk*: in 3 v. V. 3. Moscow, 1977.
44. Hegel G.V.F. *Enysiklopediya filosofskikh nauk*: in 3 v. V. 1. Moscow, 1974.
45. Tolstoj L.N. Dnevniki. 1847-1894 gg. In: *Coll. of works*: in 20 v. V. 19. Moscow, 1965.
46. Chukovskij K.I. *Dnevnik 1901 – 1929*. Moscow, 1991.
47. Maslou A.G. *Dal'nie predely chelovecheskoj psikhiki*. Saint-Petersburg, 2002.
48. Berezonsky M.L. Formirovanie identichnosti v podrostkovom i yunosheskom vozraste In: *Psikhologicheskaya entsiklopediya*. 2nd ed. Ed. R. Korsini, A. Auerbakh. Saint-Petersburg, 2003. Pp. 966 – 967.
49. Kamu A. *Buntuyushchij chelovek. Filosofiya. Politika. Iskusstvo*. Moscow, 1990.

50. Jaspers K. *Obshchaya psikhopatologiya*. Moscow, 1997.
 51. Berdyaev N.A. *Filosofiya svobody*. Kharkov; Moscow, 2002.
 52. Koestler A., Kamu A. *Razmyshlyaya o smertnoj kazni*. Moscow, 2003.
 53. Mukhina V.S. *Otchuzhdeniye: Absolyut otchuzhdeniya*. Moscow, 2009.
 54. Khvostov A.A. *Moral'noe soznanie lichnosti: struktura, genezis, determinanty*. Moscow, 2005.
 55. Janet P. *Psikhologicheskaya evolyutsiya lichnosti*. Moscow, 2010.
-